

СКАЗАНИЕ

о

СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

по

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ И СВ. ЗЕМЛѢ.

МОСКВА.

въ Университетской Типографіи.
въ Синодальной Печати.

1864.

СВЯТАГО

СВЯТЫХ И СВЯТЫХ

РОССІИ, МОСКОВІИ, ТУЛЬИ И СР. ЗЕМЛЪ.

^с
СКАЗАНИЕ

О

СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

ПО

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ

И

СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

ПОСТРИЖЕННИКА

СВЯТЫЯ ГОРЫ АѦОНСКІЯ

Инокъ Пароенія.

[Редъ Агдеев]

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ IV.

(Изданіе второе, съ исправленіями)

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.

1856.

СВЯТАГО

ПИСЬМЕННАГО И ПЕЧАТАНАГО

РОССІИ, МОСКВЫ, ТУРЦИИ

СВЯТЫЙ ЗЕМЛЮ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи , до выпуска изъ типографіи , представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюня 28 дня, 1856 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

*Цензоръ, Виѣанской Семинаріи Ректоръ,
Архимандритъ Наванайлъ*

ТУРЦИИ, МОСКВЫ, ТУРЦИИ

РОССІИ, МОСКВЫ, ТУРЦИИ

ТУРЦИИ, МОСКВЫ, ТУРЦИИ

МОСКВА

Въ Типографіи А. Смирнова

на Лаврентьевой улицѣ

1856.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СТРАНСТВІЕ И ПУТЕШЕСТВІЕ

ВО

ІЕРУСАЛИМЪ И ПО СВ. ЗЕМЛѢ,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

ОПИСАНІЯ СВ. ГОРЫ АѦОНСКІЯ И НѢКОТОРЫХЪ ЕЯ ПОДВИЖНИКОВЪ.

13.	Описание горы и синагога въ Иерусалимѣ.	—
14.	Храмъ Гроба Господня.	—
15.	Площадь предъ входомъ въ храмъ Гроба Господня и о турчанской Охорѣ.	—
16.	Входъ въ храмъ Гроба Господня.	—
17.	Входъ въ-издугъ въ гробъ.	—
18.	Входъ на гору Голгофу.	—
19.	Хожаніе по всему храму.	—
20.	Описание храма Гроба Господня.	—
21.	Описание храма Воскресенія.	—
22.	Литургія на Гробу Господнемъ.	—
23.	Страстная Пятница.	—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ И ПАТЕНТЫ

Всего 100 страниц. Издано в 1881 году. Цена 1 рубль.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И. П. СКОБЛЕВА

СП. ПЕРВОПРОИЗВЕДЕНИЕ

ОПИСАНИЕ СЪЕЗДА АСОНСКИХ И ПРОТОРНЫХ РАБОТНИКОВ

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

I. ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПАЛЕСТИНУ.

	Стран.
1. Отъѣздъ изъ Аѳонской Горы въ Іерусалимъ	3
2. Островъ Митилинъ.	—
3. — — Хіосъ.	—
4. — — Кастольросо и Мѣры Ликійскія.	4
5. — — Кипръ.	—
6. Іоппія, или Яффа.	—
7. Селеніе Лиды.	6
8. Градъ Ремля.	—
9. Село Еммаусъ.	7
10. Видъ св. града Іерусалима.	—
11. Въѣздъ во Іерусалимъ.	8
12. Церковь Патріаршая.	—
13. Омовеніе ногъ и синодикъ патріаршій.	—
14. Храмъ Іакова, брата Божія.	10
15. Площадь противъ святыхъ вратъ храма Гроба Господня, и о турчанинѣ Омирѣ	—
16. Входъ во храмъ Гроба Божія.	13
17. Входъ во-внутрь ко гробу.	14
18. Входъ на гору Голгоѳу.	15
19. Хожденіе по всему храму	18
20. Описаніе храма Гроба Господня.	21
21. Описаніе храма Воскресенскаго.	22
22. Литургія на Христовомъ гробѣ.	29
23. Страстная Крестная улица.	32

	<i>Стран.</i>
24. Домъ Пилатовъ.	34
25. Овчая купѣль.	36
26. Геѳсиманія, гробъ Богородицы.	37
27. Вертоградъ, гдѣ взяли Господа на вольное страданіе. .	39
28. Гора — малая Галилея.	40
29. Гора Елеонская.	41
30. Гробы Пророческіе.	42
31. Село Виѳанія и гробъ Лазаря.	43
32. Юдоль Плачевная.	44
33. Потокъ Кедрскій.	45
34. Купѣль Силоамская.	—
35. Гробъ Исаіи Пророка.	46
36. Гора Сіонъ и домъ Іоанна Богослова.	—
37. Монастырь Армянскій.	48
38. Домъ Давидовъ.	49
39. Домъ Іоанна Марка.	50
40. Монастырь — Великая Панагія (Преподобной Меланіи).	—
41. Описаніе Іерусалима вообще.	51
42. Описаніе пятнадцати монастырей православныхъ внутри града Іерусалима.	—
43. Мѣсто храма Соломонова.	52
44. Путь въ Виѳлеемъ.	54
45. Монастырь св. Пророка Іліи.	—
46. Гороховая нива.	—
47. Гробъ Рахилинъ.	55
48. Градъ Виѳлеемъ.	56
49. Вертепъ, гдѣ родился Христось.	—
50. Мѣсто, гдѣ видѣли пастыри Ангеловъ поющихъ. . .	58
51. Храмъ надъ Вертепомъ.	—
52. Путь въ Лавру Саввы Освященнаго.	60
53. Лавра св. Саввы.	61
54. Монастырь Крестный.	63
55. Градъ Горняя.	64
56. Пещера Іоанна Предтечи.	—
57. Источникъ, гдѣ крестилъ Филиппъ каженника. . . .	65
58. Градъ Хевронъ, дубъ Мамврійскій, пруды Соломоновы и монастырь св. Георгія.	—
59. Село Скудельниче.	66

60.	Пещера Пророка Варуха.	66
61.	Встрѣча новыхъ поклонниковъ.	—
62.	Торжество на день Святит. Николая.	68
63.	Встрѣча Патріарха.	69
64.	Чинъ вечерни.	—
65.	Служеніе Патріарха въ день Святит. Николая на Христовомъ гробѣ.	71
66.	Праздникъ—Рождество Христово въ Вифлеемѣ.	73
67.	Встрѣча Патріарха въ Вифлеемѣ.	—
68.	Чудное качаніе лампадъ православныхъ въ Вертепѣ.	75
69.	Торжество въ Вифлеемѣ.	76
70.	Новый годъ въ Іерусалимѣ.	78
71.	Праздникъ Богоявленія.	—
72.	Торжество въ недѣлю Православія.	79
73.	Крестный ходъ въ Іерусалимѣ.	80
74.	Торжество въ недѣлю Крестопоклонную.	82
75.	Путь во градъ Назаретъ.	83
76.	Градъ Севастія, гдѣ усѣченъ Іоаннъ Предтеча.	85
77.	Древо, гдѣ Іаковъ спалъ и лѣствицу видѣлъ.	—
78.	Градъ Наинъ.	86
79.	Градъ Назаретъ.	87
80.	Кана — Галилейская.	90
81.	Мѣсто, гдѣ Господь пятью хлѣбами пять тысячъ народа насытилъ	—
82.	Градъ Тиверіада.	—
83.	Море Тиверіадское.	92
84.	Гора Ѡаворская.	93
85.	Градъ Самарія.	95
86.	Кладезь, гдѣ Господь бесѣдовалъ съ женой самарянскою.	—
87.	Какъ застрѣлили одного поклонника, вдовицына сына.	97
88.	О дракѣ грековъ съ франками на Голгоѣ.	99
89.	Суббота Лазарева; торжество на Елеонской горѣ.	100
90.	Торжество въ недѣлю Ваій.	101
91.	Путь во Іерихонъ и впаденіе въ разбойники.	102
92.	Градъ Іерихонъ.	104
93.	Предѣлы Содома и Гоморры.	105
94.	Путь на Іорданъ.	106
95.	Рѣка Іорданъ.	107

	<i>Стран.</i>
96. Гора Сорокодневная.	108
97. Возвращеніе во Іерусалимъ.	—
98. Великій четвертокъ и Тайная Вечеря.	109
99. Великій пятокъ.	111
100. Бѣганіе арабовъ по храму.	—
101. Великая суббота.	113
102. Какъ получаютъ небесный свѣтъ.	114
103. Свѣтозарная ночь св. Пасхи.	118
104. День св. Пасхи.	122
105. Выѣздъ изъ Іерусалима.	123
106. Провалившійся градъ.	125
107. Островъ Самось.	126
108. Возвращеніе въ Аѳонъ.	—

II. ОПИСАНІЕ СВ. ГОРЫ АѢОНСКОЙ.

109. Начало христіанства и пустынножительства на Горѣ Аѳонской.	127
110. Лавра св. Аѳанасія.	129
111. Монастыри: Каракалъ.	131
112. — — — Филоеѳей.	—
113. — — — Иверъ.	132
114. — — — Котломунъ.	138
115. Карѳа, или аѳонскій базаръ.	—
116. Икона Богородицы «Достойно есть».	—
117. Келлія Постница.	139
118. Монастырь Ставроникита.	140
119. Чудотворная икона Святителя Николая.	—
120. Монастырь Пантократоръ.	141
121. Русскій скитъ Іліи Пророка.	—
122. Болгарскій скитъ Богородицы.	142
123. Монастырь Ватопедъ.	—
124. Чудотворная икона Богородицы Ватопедская—Ктиторица.	143
125. Вторая—икона, испустившая гласъ Царицѣ.	144
126. Третья икона — Закланная.	—
127. Четвертая икона — Ключарница.	145
128. Скитъ св. Димитрія.	147
129. Монастырь Есфигменъ.	148

130.	Монастырь Хилендарь.	149
131.	Чудотворная икона Богородицы — Троеручица, за игу- мена.	—
+ 132.	Житіе св. Саввы и Сүмеона, Царей Сербскихъ.	152
133.	Монастырь Зографъ.	160
134.	— — — Кастамонитъ.	163
135.	— — — Дохіаръ.	164
136.	— — — Ксенофъ.	—
137.	— — — Русскій	165
138.	— — — Ксиропотамъ.	166
+ 139.	Житіе св. Павла Ксиропотамскаго.	—
140.	Монастырь Симопетръ.	171
141.	— — — Григоріатъ.	173
142.	— — — Діонисіатъ.	174
143.	— — — Св. Павелъ.	175
144.	Скитъ Новый.	—
145.	Скитъ — Лакъ.	—
146.	Скиты Лаврскіе.	176
147.	Греки изъ Азіа.	—
148.	Скитъ — Керася и духовникъ Неофитъ.	177
149.	Скитъ — Кавсокалиба.	—
150.	Описаніе вообще аѳонскихъ монастырей.	—
151.	Что значитъ скитъ.	180
152.	— — — келлія.	181
153.	— — — колиба.	182
154.	— — — общежитіе.	183
+ 155.	— — — Лавра (по-гречески Діорты).	192
156.	Разныя замѣчанія о Горѣ Аѳонской.	193

III. ОБЪ АѲОНСКИХЪ ПОДВИЖНИКАХЪ.

157.	Общее замѣчаніе.	195
158.	Жизнь іеросхимонаха Арсенія.	197
159.	— — Григорія Болгарина.	231
160.	— — Григорія Грека.	232
161.	— — игумена Павла.	235
162.	О іеромонахѣ Аникитѣ.	242
163.	О старцѣ Харалампіи.	246

	<i>Стран.</i>
164. О старцѣ Серафимѣ.	247
165. — — Никодимѣ Святогорцѣ.	248
166. — — Брадатомъ и его ученикѣ.	249
167. — — испросившемъ воду.	252
168. О іеросхимонахѣ и духовникѣ Неофитѣ, грекѣ.	253
169. О старцѣ Григоріи Иверскомъ.	254
170. О схимонахѣ Никодимѣ, русскомъ.	256
171. О Архіепископѣ Панкратіи.	257
172. О Митрополитѣ Самосскомъ.	—
173. О Митрополитѣ Григоріи Адрианопольскомъ.	—
174. О іеродіаконѣ юномъ грекѣ.	258
175. О старцѣ Севастіанѣ, русскомъ.	—
176. О Архіепископѣ Болгарскомъ.	259
177. О схимонахѣ Салаѳинѣ.	—
178. О отцахъ Русскаго монастыря	—
179. О старцѣ Венедиктѣ.	260
180. О игуменѣ Герасимѣ.	—
181. О духовникѣ, іеросхимонахѣ Іеронимѣ.	265
182. О затворникѣ Тимоѳеѣ.	270
183. О старцѣ Сисоѣ.	277
184. — — Мартиніанѣ.	278
185. — — Макаріи.	—
186. О общежительныхъ монахахъ.	280
187. Объ аѳонскихъ отшельникахъ и пустынникахъ.	281
188. О русскомъ іеродіаконѣ, пустынножителѣ.	283
189. О аѳонскихъ новыхъ мученикахъ.	285
190. Заключение описанія Св. Горы.	286

ПРИБАВЛЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

191. О новомъ мученикѣ Георгіи.	288
192. — — — — — Димитріи.	—
193. О предвозвѣщеніяхъ и наступленіи бѣдствій Горы Аѳон- скія, около 1818 года.	290
194. О томъ-же.	291
195. О томъ-же	292
196. О томъ-же.	—

197.	Бѣгство аѳонскихъ монаховъ и паки населеніе Аѳон- ской Горы.	294
198.	Преданіе о крестномъ древѣ.	—
199.	Ненависть католиковъ къ Россійскому Императору. . .	297
200.	О женѣ гречанкѣ, имѣвшей бѣса въ чревѣ.	—
201.	О мужѣ, одолѣваемомъ бѣсами.	298
202.	О монахинѣ Назаретѣ.	299
203.	О чествованіи св. мѣстъ.	300
204.	Католики съ бородами.	—
205.	Какихъ вѣръ люди не допускаются къ гробу Господню. .	—
206.	О монастырѣ и о великихъ подвижникахъ на островѣ Хіосѣ.	301
207.	О св. Великомученицѣ Варварѣ.	302
208.	О водѣ, претворяющейся въ камень.	303
209.	О летучей рыбѣ.	—
210.	О великихъ змїяхъ.	304
211.	О окаменѣлыхъ людяхъ.	—
212.	О удивительномъ источникѣ на островѣ Самосѣ.	—
213.	Окончаніе кнѣги и благодареніе Богу.	305
214.	Исцѣленіе мое отъ болѣзни.	306

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

ІЕРУСАЛИМЪ И ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

1. По благословенію духовнаго моего отца, іеросхимонаха Арсенія, отправился я въ Іерусалимъ изъ св. Горы Аѳонской, сентября 23 числа, 1845 года. Сначала не было попутнаго вѣтру.

2. Въ четвертый день прибыли въ островъ *Митилинъ*, и стояли тамъ восемь дней, за неблагополучнымъ вѣтромъ.

3. Оттуда въ третій день пришли къ острову *Сакису*, или *Хіосу*, и ко граду, также нарицаемому. И стояли тамъ восемь дней, по причинѣ неблагополучной погоды. Въ теченіе сихъ дней часто посѣщали святыя церкви, особенно Митрополію, которая освящена во имя св. Мученикъ Мины, Виктора и Викентія. И смотрѣли на развалины Хіоса: видно, что великъ и прекрасенъ былъ градъ; а нынѣ въ развалинахъ, ибо пострадалъ, въ 1821 г., отъ безбожныхъ турокъ. Отъ Хіоса отправились попутнымъ вѣтромъ, и бѣжали два дня и двѣ ночи, и остался въ лѣвой странѣ недалеко островъ Самось, а въ правой странѣ—острова Патмосъ, Кой, Родось и прочіе.

4. Случился противный вѣтръ , и мы пристали къ острову *Кастолоросу*, близъ самой Азіи, въ Ликійской странѣ; отъ града *Муръ* , отечества Святителя *Николы*, было только три часа ходу, какъ сказывали намъ, т. е. пятнадцать верстъ; и тамъ стояли по неимѣнію попутнаго вѣтра.

5. Отправившись оттуда , на третій день прибыли къ острову *Кипру* , и тамъ стояли , ибо не было попутнаго вѣтру ; оттуда отправились прямо уже въ Палестину. И шли два дня моремъ, а на третій день увидѣли Израильскія горы, обѣтованную землю , святую Палестину. О , какой неизреченной радости всѣ исполнились! Было насъ на кораблѣ до ста человѣкъ, и всѣ, мужи и жены , отъ радости проливали слезы; малыя же дѣти прыгали и скакали , и руками плескали , и громко кричали : « о , святая земля , святая земля ! »

6. Октября 25 числа, часа за три до вечера, стали мы подходить близко къ *Яфѣ*, древней *Юппіи*, сильнымъ вѣтромъ. Смотримъ : во градѣ на крышахъ стоятъ множество народа. Это были все поклонники, прежде насъ пришедшіе, и смотрѣвшіе на насъ, какъ мы будемъ попадать на берегъ. Вдругъ мы увидѣли, что отъ берега отплыло множество малыхъ лодокъ , и къ нашему кораблю устремились ; наши же матросы, собравши всѣ паруса, только одинъ парусъ на мачтѣ покинули. Вѣтръ разыгрался , море воскипѣло , а пристани доброй нѣтъ ; и мы были всѣ внѣ себя, ово отъ радости, что кончили морскій путь, ово отъ страха, какъ можемъ попасть на берегъ. Потомъ подъѣхало къ намъ много малыхъ лодокъ ; люди въ нихъ арабы полунагіе, которыхъ мы никогда не видывали;

они бросились къ намъ на корабль съ обѣихъ сторонъ, и начали поклонниковъ хватать и въ лодки бросать, ни на что не взирая, ни на слезы, ни на старость; возьмутъ четверо одного, и бросятъ прямо въ лодку; не даютъ взять съ собой никакихъ вещей; да и лучше дѣлать было невозможно; потому что море разъяралось, и корабль съ боку на бокъ валется, и лодки ихъ заливаешь. А отъ Россійскаго консула приказано было, чтобы какъ можно скорѣе народъ переправить на берегъ. Я вижу, что и до меня такожде дѣло доходить, и не сталъ дожидаться, пока меня схватятъ, а взялъ свою сумочку, и скорѣе самъ бросился, да взялъ одного поклонника, четырехлѣтняго мальчика: ибо отецъ съ матерью просили побережь его. И такъ, нагрузивши лодку въ одну минуту, отсунулись отъ корабля. И много испытывали страха: лодка не большая, волны яко горы, а мы уже были полумертвы, и лежали всѣ ницъ лицами. Потомъ поднялъ я голову, вижу: уже близъ берега, въѣхали за камни, и тамъ тихо; и пристали къ пристани. И тутъ Россійскій консулъ всѣхъ принимаетъ, и распоряжаетъ нашими, Восточной Церкви, христианами, и препровождаетъ въ греческій монастырь, который тутъ же, недалеко отъ пристани, находится; и давали комнаты, сколько гдѣ можно помѣститься. И здѣсь мы проживали три дня, и ходили въ церковь. Здѣсь служба совершается болѣе на арабскомъ языкѣ. И здѣсь мы благодареніе воздавали Всевышнему Господу Богу, что сподобилъ вступить на святую обѣтованную землю, гдѣ самъ Спаситель, во плоти, ходилъ Своими пречистыми ногами; и позабыли всѣ страхи и ужасы, которые претерпѣли мы на морѣ;

только еще не получили мы совершенной радости, что еще не видимъ возлюбленнаго и многовождебнаго святаго града Іерусалима. Октября 28 числа, утромъ, пришелъ консулъ и объявилъ, чтобы русскіе были готовы въ дорогу. Спустя немного времени, приходятъ арабы, и берутъ сумки у всѣхъ, которые сами не могутъ нести. И мою взялъ арабъ, а я пошелъ вслѣдъ за нимъ, и вышли на улицу; тутъ стояло множество верблюдовъ, коней, ословъ и магарчиковъ (по-русски — лошаковъ); и брали всякъ себѣ по надобности и силѣ, кто верблюда, кто коня, а другой осла, а иной магара. Я взялъ для себя осла, и поѣхалъ, помышляя о вшествіи Господа Іисуса Христа во святой градъ Іерусалимъ на жребяти осли.

7. Выѣхавши изъ Яффы, древней Іоппіи, ѣхали зелеными садами и огородами, гдѣ овые плоды собирали, овые садили, овые плоды цвѣли, а другіе поспѣвали. Отъѣхали веретъ семь; осталось въ правой рукѣ, въ сторонѣ, селеніе *Луда*, отечество св. Великомученика Георгія.

8. Еще отъѣхали верстъ семь, пріѣхали въ городъ Ремлю, по-древнему Рама (*гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть*), и въѣхали въ монастырь св. Великомученика Георгія, и тамъ отвели намъ особыя комнаты. Мы пошли въ церковь, и поклонились св. иконамъ; тамъ хранится часть столба вдовицына (*), и мы его лобызали; въ алтарѣ хранится одна древняя икона Святителя Николая. Потомъ представили намъ трапезу, послѣ которой мы спокойно спали. По-утру, часа за

(*) Чет. Мин. 23 апр. Чудеса св. Великомуч. Георгія Побѣдоносца.

два до свѣту, всѣ встали; прїѣхали наши извозчики, и мы сѣли и отправились въ путь; еще оставалось намъ ѣхать до Іерусалима сорокъ-пять верстъ, потому пораньше и встали. Верстъ пятнадцать мы ѣхали по ровному полю и по весьма хлѣбородной землѣ. Потомъ поѣхали на горы, и верстъ пятнадцать взбирались все на гору, по острому камню; болѣе шли пѣшіе, нежели ѣхали.

9. Потомъ взошли на гору, и паки спустились версты двѣ, и взошли въ село *Еммаусъ*, гдѣ Господь бесѣдовалъ съ Лукою и Клеопою, и познался имъ въ преломленіи хлѣба. Здѣсь есть жительство и церковь, которая построена Царицею Еленою, нынѣ же стоитъ пуста. Отъ Еммауса до Іерусалима ѣхали съ горы на гору; потомъ поднялись на одну весьма высокую гору; имѣли надежду съ нея увидѣть св. градъ Іерусалимъ, однако не получили желаемого; а намъ столько сіе было желательно, что казалась одна сажень за версту. Наконецъ, открылись намъ горы за-Іорданскія и св. Гора Елеонская.

10. Еще немного проѣхали, и вдругъ открылось намъ многовождедѣнное наше сокровище, св. градъ *Іерусалимъ*, изъ-за котораго много мы претерпѣли скорбей по морю и по-суху. Теперь мы увидѣли его явственно своими очами, и неизреченной радости исполнились. Смотримъ: изъ Іерусалима, изъ Патріаршаго монастыря, вышли монахи и послушники насъ встрѣчать, версты за двѣ; и много насъ привѣтствовали; такожде и другихъ множество поклонниковъ вышли внѣ Іерусалима насъ встрѣчать, и всѣ насъ привѣтствовали; и даже самые турки — воины, ко-

торые во вратахъ на стражѣ, и тѣ насъ привѣтствовали.

11. Вошли въ св. градъ Іерусалимъ Давидовыми вратами, подлѣ Давидова дома, и пошли на-лѣво, по улицѣ, къ вратамъ Патріаршаго монастыря; и вышли братія насъ встрѣчать; овые насъ повели, овые нашу одежду взяли, и привели насъ на гостинницу, и угостили по обычаю греческому.

12. Заблаговѣстили въ маленькій колоколь къ вечерни, и мы всѣ пошли въ церковь Патріаршую — во имя Царя Константина и Елены; и вшедши въ церковь, увидѣли множество иконъ россійскихъ, высокаго греческаго писанія, въ окладахъ серебряныхъ, и множество лампадъ по обычаю іерусалимскому, чего мы еще отъ роду не видали, и много удивлялись іерусалимскому благому обычаю. Изъ этой церкви есть три окна къ Гробу Божію. Вечерню пѣли весьма чинно: стихиры всѣ пѣли съ канонархомъ. Послѣ вечерни позвали всѣхъ насъ въ трапезу, и была трапеза порядочная, подали и вина по три чаши каждому. Послѣ паки пошли на гостинницу, и спали спокойно.

13. Съ полуночи заблаговѣстили къ утрени, и мы пошли въ церковь. Полунощницу читали кротко, не спѣшно, также и утрению. Шестопсалміе читалъ одинъ изъ Архіереевъ. Когда начали читать каѳизмы, позвали насъ въ особую, на то уготованную горницу: посреди ея стоялъ столъ, и горѣло шесть свѣтильниковъ, и посадили всѣхъ по чину, а женамъ сказано быть въ другой комнатѣ. Приказали намъ всѣмъ разуться; пришли три монаха, и стали намъ омывать ноги: одинъ мылъ, другой воду подавалъ, а третій

бѣлымъ платомъ отиралъ, и ноги наши цѣловалъ, а прочіе пѣли стихиры *умовенія ногъ*; а потомъ омыли и руки, по локти, благоуханною розовою водою. Женамъ только руки омывали. По отправленіи этой церемоніи, паки пошли всѣ въ церковь. Каноны не читали, но пѣли съ канонархомъ по-аѳонски, и читали Прологъ. Послѣ утрени, безъ расходу, начали Литургію. По Литургіи, пошли на гостинницу, и сдѣлали намъ угощеніе. Потомъ позвали всѣхъ въ *Синодикъ*, для записыванія именъ своихъ и родныхъ въ помянники, и пожертвовать, кто что можетъ, въ общую патріаршую казну на искупленіе святыхъ мѣстъ и на прочіе расходы патріаршіе. Тамъ засѣдалъ самъ Святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій, Кириллъ; съ нимъ Митрополитъ за-Іорданскій, Мелетій, и еще четыре Митрополита, и соборные старцы, и призывали каждого по единому. Позвали и меня; и я пошелъ съ великою скорбію и со стыдомъ, потому что не имѣю что пожертвовать. Подошедши и сотворивши три поклона, положилъ два рубля; а самъ, поклонившись, заплакалъ, и сказалъ: «простите меня, Святѣйшіе Владыки! радъ бы больше положить, но не имѣю.» Но Митрополитъ Мелетій отвѣтилъ мнѣ по-русски: «Отче, не скорби! мы и этимъ довольны: ибо твои два рубля пріемлются, какъ вдовицы двѣ лепты. Поклонись Патріарху, и поцѣлуй его руку; получи отъ него разрѣшительную себѣ грамату, да иди съ Богомъ.» Я же поклонился Патріарху, поцѣловалъ его руку, получилъ отъ него разрѣшительную грамату, и вышелъ радуясь, что много меня Преосвященный Мелетій Митрополитъ утѣшилъ и успокоилъ. Послѣ трапезы мы прохаживались по крышамъ всей Па-

тріархїи и по церкви Божїя Гроба, смотрѣли на весь Іерусалимъ, и на мѣсто храма Соломонова, смотрѣли и во внутрь ко Гробу Божію и весьма распалялись сердцами, ожидая, когда сподобимся прикоснуться къ нему своими устами.

14. Послѣ вечерни повели насъ ко *Гробу Господню*, и пошли внизъ по ступенямъ. Въ самомъ низу есть мѣсто, гдѣ явился Іисусъ Марїи. Тамъ церковь *Іакова брата Божїя*, перваго Епископа Іерусалимскаго; тамъ лежить камень изъ св. Горы *Синайскія*.

15. Вышли на площадь къ св. вратамъ великаго *Воскресенскаго храма*. На той площади, на правой странѣ, къ армянской церкви, видны на мраморѣ слѣды ногъ Омира турчанина, увѣровавшаго во Христа. Близъ самыхъ св. вратъ, на лѣвой странѣ, стоятъ средняя колонна, мраморная съ трещиною, изъ которой изшла благодать, т. е. святыи свѣтъ, и которая отъ всѣхъ почитается, и всѣ ее цѣлуютъ, какъ православные, такъ и не православные и армяне. О семъ происшествіи хочу здѣсь немного написать, какъ о немъ православные христіане восточные единогласно говорятъ, да и самые турки утверждаютъ. Въ стѣнѣ есть мраморная плита, вся исписана; и говорятъ, что самое это происшествіе написано; но мы читать не можемъ, потому что писано сирскими буквами, на арабскомъ языкѣ; и я только слышалъ, но не читалъ; а происшествіе было якобы такое: « Во едино время, когда греки были до конца отягчены турецкимъ игомъ, богатые армяне вздумали вытѣснить грековъ отъ Гроба Божїя, и изъ Воскресенскаго храма; собрали великую сумму денегъ, и подкупили Оттоманскую Порту и все іерусалимское начальство, увѣряя

невѣрныхъ , что св. свѣтъ сходитъ не ради грековъ , но ради всѣхъ христіанъ , и ежели мы , армяне , будемъ тамъ , — то-же получимъ. А турки жадны до денегъ , податливы на подкупъ , и потому сдѣлали по армянской волѣ , и утвердили , чтобы армянамъ однимъ получать св. свѣтъ. Армяне весьма возрадовались , и писали по всѣмъ землямъ къ своимъ единовѣрцамъ , чтобы шли больше на поклоненіе , что ихъ воля ; и сошлось ихъ многое множество. Наступила Великая суббота: армяне всѣ взобрались въ храмъ , а грековъ бѣдныхъ турецкое воинство выгнало вонъ. О , какой неизреченной горести и скорби исполнились греки ! Едино было имъ утѣшеніе — Гробъ Спасителя , и отъ того ихъ отлучили , и св. врата для нихъ затворили ! Армяне внутри церкви , а православные на улицѣ ; армяне веселятся , а греки плачутъ ; армяне торжествуютъ , а греки горько рыдаютъ ! Православные стояли противъ св. вратъ на площади , а кругомъ стояло турецкое воинство , караулили , чтобы не было бунта. Какъ самъ Патріархъ , такъ и всѣ стояли со свѣщами , имѣли надежду хотя отъ армянъ въ окно получить благодать. Но Господь восхотѣлъ другое устроить , и показать истинную вѣру Своимъ огненнымъ перстомъ , и утѣшить Своихъ истинныхъ рабовъ , смиренныхъ грековъ. Уже пришло время , въ которое сходитъ благодать , но ея нѣтъ ; армяне испугались , начали плакать , и просить Бога , чтобы послалъ имъ благодать ; но Господь не услышалъ ихъ. Уже полчася прошло и болѣе , а св. свѣта нѣтъ. День былъ чистый и красный. Патріархъ сидѣлъ къ правой странѣ. Вдругъ ударилъ громъ , и на лѣвой странѣ средняя колонна мраморная треснула , и изъ трещины

вышелъ огонь пламенемъ. Патріархъ всталъ и зажегъ свои свѣщи, и отъ него зажгли всѣ православные христіане. Тогда всѣ возрадовались и возвеселились; а православные арабы отъ радости начали прыгать и скакать, и кричать: «Ты еси единъ Богъ нашъ Іисусъ Христосъ; едина наша истинная вѣра—православныхъ христіанъ!» И начали бѣгать по всему Іерусалиму, и подняли по всему граду шумъ и крикъ. Они и до-днесь творять этому память, прыгаютъ и кричатъ кругомъ Божія Гроба, хвалятъ единого истинного Бога, Іисуса Христа, и ублажаютъ православную вѣру. Воины же — турки, кругомъ стоявшіе на стражѣ, видѣвши сіе чудо, весьма удивились и ужаснулись. Изъ числа ихъ одинъ, именемъ Омиръ, стоявшій у Аврааміева монастыря на стражѣ, тотчасъ увѣровалъ во Христа, и закричалъ: «единъ истинный Богъ Іисусъ Христосъ; едина истинная вѣра—православныхъ христіанъ!» А самъ прыгнулъ внизъ къ христіанамъ, вышины болѣе 15 аршинъ, и ноги его ступили на твердый мраморъ, какъ на мягкій воскъ; и до-днесь видны два слѣда его, изображены какъ на воску; хотя не православные и стараются ихъ загладить, но я еще своими очами видѣлъ, и своими руками осязалъ. И колонна съ трещиною опаленная стоитъ. Воинъ же Омиръ, спрыгнувъ, взялъ свое оружіе, желѣзомъ воткнулъ въ камень, какъ въ мягкій воскъ, а самъ безпрестанно прославлялъ Христа. За сіе турки отсѣкли ему голову, а тѣло его сожгли; кости же его греки собрали, положили въ раку, и поставили въ женскомъ монастырѣ *Великой Панайи*, гдѣ и до-днесь источаютъ благоуханіе. Армяне внутри у Гроба Божія ничего не получили, остались съ

однимъ стыдомъ. Паша Іерусалимскій и прочіе турецкіе начальники весьма вознегодовали на нихъ, хотѣли ихъ всѣхъ изрубить, но убоялись Султана; только наказали тяжело: говорятъ, давали каждому ѣсть разной нечистоты при выходѣ изъ храма.»

16. Потомъ турки отворили намъ святыя врата во святую, небеси подобную, церковь, основанную надъ самымъ Живоноснымъ Гробомъ Господа нашего, Іисуса Христа, и надъ самою горою Голгоѳою, гдѣ были пригвождены на крестѣ грѣхи наши. О, какой я радости исполнился, увидѣвъ небеси подобную церковь Воскресенія Христа Бога нашего и Живоносный Гробъ Спасителя нашего Бога, что видѣть имѣлъ неограниченное сердечное желаніе съ самаго малолѣтства! И просилъ я Господа, да не отвержетъ меня грѣшнаго, но да пріиметъ во святой Свой храмъ. Со страхомъ и трепетомъ пошли мы во св. врата, въ самыя тѣ, въ которыя не могла взойти Марія Египетская (*). Взошедши во храмъ и отойдя отъ вратъ двѣнадцать шаговъ, стали у св. мѣста, гдѣ было повитіе плащницею, по снятіи со креста, Господа Іисуса Христа; кругомъ его—двѣнадцать подсвѣчниковъ съ большими восковыми свѣчами, по четыре аршина вышины, и девять неугасимыхъ лампадъ съ елеемъ, всѣ въ фонаряхъ, дабы не задувало вѣтромъ, потому что приходятся противъ самыхъ вратъ. Мы же со всѣхъ сторонъ пали на тотъ камень, гдѣ лежало тѣло Господа нашего Іисуса Христа, его лобызали и слезами омочали. Пошли къ западу, и тамъ лобызали другое

(*) Чет. Мин. апр. 1. Житіе Маріи Египетскія.

св. мѣсто, гдѣ стояла Пресвятая Богородица, когда распинали Іисуса Христа; тамъ горитъ три лампы неугасимыхъ. Потомъ пошли къ сѣверу, между столбами, и взошли въ храмъ Гроба Божія, и зашли съ восточной страны: ибо у Гроба Божія врата на востокъ, и намъ къ нему приходилось идти съ востока на западъ. Двери къ нему — наподобіе царскихъ вратъ. По обѣ стороны дверей Гроба стоитъ по шести подсвѣчниковъ со свѣчами необыкновенной величины и толщины; надъ дверьми Гроба стоятъ три иконы Воскресенія Господня: внизу — армянская, писанная на дскѣ; предъ нею неугасимая лампада — серебряная, съ однимъ стаканомъ; вторая икона, средняя, — православныхъ, великая, вырѣзанная по цвѣтному камню, самой высокой греческой работы; предъ нею великая серебряная лампада — неугасимая, съ четырьмя стаканами; а въ праздники вѣшаютъ златую; третья, верхняя икона, — католиковъ, писанная на полотнѣ, и предъ ней неугасимая лампада обѣ однимъ стаканѣ.

17. Потомъ намъ сказали: «иззуйте сапоги съ ногъ вашихъ: ибо мѣсто, куда хотите идти, свято есть.» И мы всѣ разулись, и скинули съ ногъ, кто что имѣлъ, и пошли босыми ногами; а кто имѣлъ новые чулки, — тѣ въ чулкахъ; мало наклонили свои главы, и пошли съ великимъ страхомъ и ужасомъ. Взошли во внутренній притворъ; тамъ посреди стоитъ часть того камня, который былъ приваленъ къ дверямъ Гроба Господня, и на которомъ сидѣлъ Ангелъ Господень и благовѣстилъ женамъ мѣроносицамъ; и мы его лобызали; здѣсь горитъ пятнадцать лампадъ неугасимыхъ. Оттуда къ западу — еще двери, весьма

низкія, — это къ самому Гробу Господню ; и мы наклонились пониже , и взошли во внутрь : на правой рукѣ, къ стѣнѣ, находится живоносный Гробъ Іисуса Христа, Бога нашего; и мы отъ радости и отъ ужаса не знали, что видимъ,—гробъ ли, или Самого Іисуса Христа, во гробѣ лежащаго. И мы его любызали , и много слезъ проливали, и благодарили своего Творца и Владыку, что сподобилъ насъ видѣть своими очами, и лобызать своими скверными устами живоносный Гробъ возлюбленнаго Сына Божія , Іисуса Христа, насъ ради грѣшныхъ пострадавшаго и въ семъ Гробѣ положеннаго ; и просили Его благоутробіе простить насъ, грѣшныхъ, хотя и послѣднихъ, но принять насъ, какъ и первыхъ. Тамъ горитъ сорокъ пять лампадъ неугасимыхъ , и много свѣчъ. Надъ живоноснымъ Гробомъ стоитъ икона — востаніе изъ Гроба Іисуса Христа, вырѣзанная по цвѣтному камню , такожде и другія; отъ неправославныхъ стоятъ иконы писанныя на деревѣ. Тамъ стоитъ гробовой монахъ неотступно, православнаго исповѣданія ; а другіе христіане не имѣютъ права поставить своихъ. И тамъ помолившись вышли тѣми же дверями паки на востокъ , и паки обулись.

18. Оттуда пошли на гору Голгоѳу. Гора Голгоѳа отъ Гроба—на юго-востокъ, разстояніемъ сорокъ два аршина; а вышиною гора Голгоѳа шесть аршинъ ; и мы пошли по каменной лѣстницѣ, въ осмнадцать ступеней; и какъ взошли на верхнюю ступень,—увидѣли страшное и поразительное зрѣлище: къ востоку стоитъ крестъ съ распятою плотію Іисуса Христа , самой искусной работы, греческаго живописанія , въ совершенномъ видѣ человѣка. На крестѣ вверху — титло,

написанное тремя языками: еврейски, гречески и римски. Стоитъ близъ того мѣста, гдѣ стоялъ настоящій крестъ Спасителя, только на поларшина далѣе къ востоку, и предъ крестомъ стоитъ подсвѣчникъ о седми свѣщахъ; по правую страну креста стоитъ изображеніе Божіей Матери; предъ нимъ стоитъ подсвѣчникъ съ тремя свѣчами; а по лѣвую — изображеніе Іоанна Богослова, и предъ нимъ подсвѣчникъ съ тремя свѣчами. Еще виситъ хрустальное паникадило и болѣе ста лампадъ; болѣе двадцати — неугасимыя. Предъ крестомъ стоитъ престолъ, на которомъ православные совершаютъ Литургію. Подъ престоломъ отверстіе, обложенное серебромъ, гдѣ стоялъ Крестъ Христовъ. По правую сторону престола, на поларшина есть разсѣлина, которая сдѣлалась во время Христова страданія, когда тряслась земля и каменіе разсѣдались, и изъ пречистыхъ язвъ Его текла пречистая кровь; и та разсѣлина — продолговатая, задвигается серебряною доскою. Потомъ намъ сказали: «иззуйте сапоги съ ногъ вашихъ, и покланяйтесь мѣсту, идѣже стояху нозѣ Спасителя нашего Іисуса Христа.» Мы всѣ скинули сапоги съ ногъ своихъ, и пошли покланяться св. мѣсту, обогренному кровію Владычнею, сіи словеса глаголюще: «Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое Воскресеніе Твое славимъ»; и: «покланяемся на мѣстѣ, идѣже стоятѣ нозѣ Твои, Господи.» Потомъ лобызали самое то отверстіе, гдѣ стоялъ крестъ Христовъ; потомъ лобызали второе отверстіе, гдѣ изъ пречистыхъ язвъ Его текла пречестная кровь; изъ обоихъ отверстій исходитъ благоуханіе. Еще на Голгоѣ, отъ креста къ югу—второе святое мѣсто, гдѣ распинали Христа,

и пригвождали ко кресту; тамъ горитъ девять лампадъ неугасимыхъ; владѣютъ этимъ мѣстомъ католики. Еще, поправѣ, за стѣною,—мѣсто, гдѣ стояла Богородица съ Іоанномъ Богословомъ, когда Христосъ висѣлъ на крестѣ и сказалъ: « жено, се сынъ твой », а ученику: « се мати твоя. » Тамъ горитъ одна лампада неугасаемая; тамъ и придѣлъ Царицы Елены; а держатъ это мѣсто католики. Вся гора Голгоѳа, гдѣ завѣдываютъ православные, расписана иконнымъ стѣннымъ писаніемъ греческой работы. Надъ самымъ крестомъ, въ куполѣ, изображенъ Богъ-Отецъ, смотрящій на страданія возлюбленнаго Сына Своего; пониже Его — Духъ Святый, отъ Отца исходящій и на Сына почивающій; вокругъ Нихъ изображены всѣ небесныя войнства, смотрящія на страданія Царя Небеснаго, и отъ страха лица свои закрывающія. Кромѣ того написаны небесныя свѣтила: солнце лучи свои сокрыло, луна въ кровь преложилась, и всѣ звѣзды во мракъ облеклись, не терпя зрѣти своего Создателя на крестѣ висима. По угламъ написаны четыре Евангелиста, держащіе въ рукахъ разгнутыя страстныя Евангелія, яже о распятіи Христовомъ. По стѣнамъ изображены всѣ страданія Христовы, и написаны разные тропари и стихиры, тому мѣсту приличные. Напротивъ креста, на стѣнѣ, написано: « спасеніе содѣлалъ еси посредѣ земли, Христе Боже, на крестѣ пречистѣи рудѣ Твои простерлъ еси, собирая вся языки зовущія: Господи, слава Тебѣ. » На каѳедрѣ, гдѣ читаютъ Евангеліе, написано: « отъ Сіона изыде законъ, и слово Господне изъ Іерусалима. » И многое другое написано изъ пророчествъ, псалмовъ и изъ Евангелія. Полъ на горѣ мраморный.

Помолившись и облобызавши святыя мѣста, мы много отъ радости плакали, и благодарили Господа Бога, что сподобилъ насъ быть на лобномъ мѣстѣ, на самой горѣ Голгоѣ, гдѣ самъ Спаситель міра висѣлъ на крестѣ, и пролилъ пречистую кровь Свою, и загладилъ наше грѣховное рукописаніе. Потомъ сошли на западъ, по той-же лѣстницѣ, по которой взошли на гору.

19. Сошедши, пошли направо корридоромъ, и тамъ недалеко есть придѣлъ: посреди стоитъ престолъ, подъ престоломъ стоитъ столбъ, на которомъ сидѣлъ Христосъ, когда надѣвали на Него терновый вѣнецъ. Столбъ окруженъ желѣзной рѣшеткой, и мы просунули руки, и осязали столбъ, и лобызали свои руки. Тамъ въ стѣнѣ, за стекломъ и за желѣзною рѣшеткою, сохраняется и терновый вѣнецъ: горятъ двѣ неугасаемыя лампы. Завѣдываютъ симъ мѣстомъ православные. Пошли далѣе, и повернули направо во врата, и сошли внизъ по лѣстницѣ въ двадцать восемь ступеней, и взошли въ великій храмъ Честнаго Креста. На семъ мѣстѣ воскресъ мертвецъ, когда наложили на него обрѣтенный въ землѣ Господень крестъ; тамъ есть мѣсто, гдѣ стояла св. Елена, когда откапывали крестъ, и смотрѣла внизъ, гдѣ нашли животворящій крестъ; и тамъ въ окнѣ горятъ три неугасаемыя лампы. Храмъ сей прекрасенъ, и въ немъ множество лампадъ; верхъ поддерживаютъ четыре мраморныя колонны; храмъ — съ однимъ куполомъ. Прежде владѣли симъ храмомъ кабешы, т. е. абиссинцы — еѳіопы; нынѣ же завѣдываютъ имъ армяне. Пошли еще внизъ, сошли двѣнадцать ступеней, и взошли въ другой храмъ, и тамъ къ лѣвой

странѣ придѣлъ франковъ; а въ правой сторонѣ, подѣ самороднымъ камнемъ, въ самомъ углѣ лежалъ крестъ Христовъ; симъ мѣстомъ завѣдываютъ православные; тамъ горятъ неугасимыя лампы. А гдѣ лежалъ крестъ, на томъ мѣстѣ лежитъ мраморный камень; и мы, лобызавши св. мѣсто, вышли назадъ, по тѣмъ-же лѣстницамъ, паки къ великой церкви, въ корридоръ. И пошли направо, и тамъ есть мѣсто, гдѣ воины раздѣляли ризы Христовы, и метали жребій. Тамъ—придѣлъ, и горитъ неугасимая лампада; завѣдываютъ симъ мѣстомъ армяне. Далѣе придѣлъ во имя Логгина Сотника, который исповѣдалъ Христа такъ: *воистину Божій Сынъ бѣ Сей*. Еще тамъ есть въ стѣнѣ, за желѣзною рѣшеткою, камень съ горы Голгофы, который былъ обогрентъ кровію Христовою; предъ нимъ горятъ двѣ неугасимыя лампы; завѣдываютъ этимъ мѣстомъ православные. Пошли далѣе, и пришли въ придѣлъ, называемый *Темница*, гдѣ хранится тотъ самый камень, съ двумя сквозными отверстіями, который былъ на ногахъ Христа, вмѣсто колоды, когда Онъ сидѣлъ въ темницѣ; камень лежитъ подѣ престоломъ за желѣзною рѣшеткою, и надъ нимъ горитъ неугасимая лампада; завѣдываютъ этимъ мѣстомъ православные; и мы лобызали желѣзную рѣшетку; потомъ просунули руки, осязали отверстія и потомъ лобызали свои руки. Далѣе, взошли въ храмъ Богородицы. Когда Сынъ Ея, Іисусъ Христосъ, висѣлъ на крестѣ, Она на семъ мѣстѣ стояла съ женами мурноносицами, горько плакала, а жены Ее держали подѣ руки. По правую сторону престолъ Успенія Богородицы; по лѣвую сторону престолъ въ память того, когда Господа нашего, Іисуса Христа,

били привязаннаго у столба; горять тамъ три лампы неугасимыя; завѣдываютъ симъ мѣстомъ православные. Поклонившись, паки вышли назадъ въ великую церковь. И потомъ пошли направо во врата, и взошли во-внутрь храма, и тамъ, на правой странѣ, есть рѣшетка и отверстіе; въ томъ отверстіи есть трость, а внутри стоитъ часть столба, къ которому привязывали Христа, когда мучили Его подлѣ Пилатова дома; мы концемъ сей трости прикасались къ столбу, паки ее вынули, и лобызали конецъ трости. Тамъ подъ престоломъ есть мѣсто, гдѣ по воскресеніи явился Христосъ возлюбленной Матери Своей. Сей храмъ порядочный; много въ немъ неугасимыхъ лампадъ, и множество лампадъ и свѣчъ, которыя зажигаются по праздникамъ: ибо это соборный храмъ католиковъ, называемыхъ франками. Потомъ вышли обратно, и тамъ на полу, на мраморѣ, есть два круга, и горять двѣ неугасимыя лампы: одно мѣсто, гдѣ стоялъ Христосъ, а другое мѣсто, гдѣ стояла Марія Магдалина, когда ей сказалъ Христосъ: *Маріе, не прикасайся Миѣ*. Тамъ къ востоку придѣлъ франковъ, а къ западу на хорахъ органъ ихъ. Потомъ между столбами паки взошли во храмъ ко гробу Божію, къ самой кувукліи; потомъ пошли къ западу, мимо гроба Божія, и пошли во врата, и взошли во храмъ: это — церковь сиріанская. Потомъ пошли въ пещеру, и тамъ два гроба — Іосифа и Никодима, и горитъ одна неугасаемая лампада. И мы паки вышли тѣми-же вратами во храмъ Гроба Божія. Позади гроба Божія, къ самой стѣнѣ кувукліи, есть придѣлъ коптовъ. Зашли съ восточной страны, и паки поклонились живоносному Христову гробу.

20. Гробъ Христовъ стоитъ посреди самага храма. Надъ нимъ сдѣлана кувуклія, наподобіе часовни : въ длину девять аршинъ, а въ ширину семь аршинъ; внутри съ двумя комнатами. Въ притворѣ лежитъ часть камня, отваленнаго отъ дверей гроба; а внутри самый гробъ Христовъ. Вокругъ же его храмъ круглый, поддерживаемъ осьмнадцатью столбами, сдѣланными изъ тесаннаго бѣлаго камня. Каждый столбъ въ три аршина квадратныхъ; между столбовъ двѣнадцать аршинъ квадрату. На самой срединѣ стоитъ кувуклія, а въ ней гробъ Христовъ. Верхъ надъ кувукліею не покрытъ, но оставлено великое круглое отверстіе, отъ коего освѣщается весь храмъ; ежели бываетъ дождь, то прямо на кувуклію идетъ. Позади столбовъ—въ три ряда хоры, на которыхъ помѣщаются кладовыя, ризницы и гостинницы, и келліи; въ нижнихъ двухъ этажахъ занимаютъ большую часть православные, копты, кабеши, часть — армяне и католики; а въ верхнемъ этажѣ занимаютъ армяне и католики. Тамъ и армянская соборная церковь. Вокругъ по аркамъ виситъ множество лампадъ, а по столбамъ стоитъ много иконъ отъ христіанъ разныхъ исповѣданій, и предъ ними повѣшены лампы. Греки сказывали, что прежде весь храмъ изукрашенъ былъ иконнымъ писаніемъ, изъ мусія, еще Царицею Еленою. Но мы уже не сподобились сіе видѣть. Въ 1808 году, во время великаго пожара, вся мусія осыпалась, и нынѣ только подштукатурено. Въ самомъ куполѣ сдѣланы кругомъ хоры, для народа. Ходъ на нихъ изъ Патріаршаго монастыря. Кругомъ Божія гроба на кувукліи вырѣзана надпись по камню: « да похвалятъ языцы и людіе Христа Бога нашего, волею

насъ ради крестъ претерпѣвшаго, и во адѣ тридневновывавшаго: и да поклонятся Его изъ мертвыхъ воскресенію, имже просвѣтишася всего міра концы.» На углахъ написаны разныя стихиры, тому мѣсту приличныя, Христову гробу и воскресенію. Напротивъ дверей гроба Божія, на востокъ, врата въ Воскресенскую соборную церковь, которой обновленіе празднуется сентября 13-го числа. Между вратъ церкви и дверей гроба Божія, вверху, виситъ множество великихъ лампадъ въ четыре ряда, франкскихъ и греческихъ, въ честь гроба Божія. Посреди стоитъ великій франкскій аналой. Надъ самыми церковными вратами висятъ въ три ряда греческія лампы; на каждую ночь всѣ зажигаются. Надъ воскресенскими церковными вратами, напротивъ гроба Божія, на аркѣ написано: «радуйся и веселися, Невѣсто Царя Великаго, созерцающая свѣтло твоего Жениха красоту, паче злата сіяющую, и паче солнца блиставшую.»

21. Потомъ отворили намъ врата Воскресенскаго храма. Храмъ великъ и прекрасенъ, и богато убранъ; полъ разнораморный; посреди есть амвонъ, который означаетъ средину всего храма. Храмъ имѣетъ три иконостаса: одинъ на востокъ къ алтарю, второй на югъ, а третій на сѣверъ. На востокъ иконостасъ мраморный, удивительной работы; въ четыре ряда иконы: внизу мѣстныя великія, рооссійской работы; надъ ними праздники дванадесятые; потомъ вырѣзано по мрамору: «Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме: слава бо Господня на тебѣ возсія. Ликуй нынѣ и веселися, Сіоне: Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о востаніи Рождества Твоего.» Повыше подѣланы

арки, и въ нихъ стоятъ иконы св. Апостолъ, рѣзбенныя и писанныя, высокой греческой работы; предъ всякою иконою лампада. По иконостасу вырѣзано: «Радуйся, Сіоне святой, Мати церквей, Божіе жилище: ты бо пріялъ еси первый оставленіе грѣховъ воскресеніемъ.» Потомъ паки арки, и въ нихъ Пророки, подобно Апостоламъ, рѣзбенные и писанные, и предъ каждымъ лампада. На самомъ верху стоитъ великій крестъ; по одну сторону стоитъ Богоматерь, а по другую—Іоаннъ Богословъ: обѣ иконы рѣзбенныя и писанныя. Еще по сторонамъ стоятъ по три Ангела, рѣзбенные и вызлащенные, держатъ въ рукахъ по подсвѣчнику. Позади иконъ, противъ cadaго яруса, къ алтарю подѣланы хоры: на нижнихъ хорахъ противъ Апостоловъ повѣшены бѣлы, доски мѣдныя, желѣзныя и деревянныя, въ которыя ударяютъ ко всякой службѣ. На сихъ хорахъ, надъ царскими вратами, гдѣ становится икона Спасителя посреди Апостоловъ, сдѣлана каѳедра; по великимъ праздникамъ читаютъ на ней Евангеліе, и всегда сказываютъ съ нея проповѣди. Алтарь же возвышеніемъ — на шесть четвертей, а престолъ еще возвышенъ на три четверти. Престолъ великъ, и въ широту продолговатъ. Позади престола, подлѣ него, стоитъ большой крестъ, удивительной греческой древней работы, шестиконечный; сдѣланъ отъ трехъ дровъ, а титло написано на хартіи; предъ крестомъ стоитъ дароносица. Надъ престоломъ сдѣланъ удивительный балдахинъ, поддерживаемый четырьмя столбами; между столбовъ кругомъ престола повѣшены златотканныя занавѣси: ибо во время Литургіи престолъ завѣшивается. Балдахинъ же внутри весь исписанъ: вверху из-

ображенъ Спаситель съ небесными воинствами; пониже весь исписанъ разными молитвами изъ служебника, читаемыми на Литургіи; снаружи написаны седмидесятъ Апостоловъ и священномученики; а вокругъ написаны разныя молитвы и стихи изъ богослужебныхъ книгъ. По лѣвую сторону престола, къ стѣнѣ, стоитъ жертвенникъ, и надъ нимъ сдѣланъ балдахинъ, подобно какъ и надъ престоломъ, весь исписанъ. И еще написано пониже сие: «Дѣва днесь Пресущественнаго раждаетъ, и земля вертепъ Неприступному приносить: Ангели съ пастырьми славословятъ, волсви же со звѣздою путешествуютъ: насъ бо ради родися Отроча младо, превѣчный Богъ.» По правую сторону престола такожде сдѣланъ якобы другой жертвенникъ, надъ коимъ такожде балдахинъ, и называется малая трапеза; на ней стоятъ двѣнадцать малыхъ подсвѣчниковъ, которые носятъ во время крестныхъ ходовъ передъ хоругвями на встрѣчу Патріарха. Здѣсь хранится святая вода и благословенные хлѣбы. Вокругъ въ алтарѣ написаны двѣнадцать Апостоловъ и много Святителей, и пониже сводовъ кругомъ написано сие: «Побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы Твоея: осанна въ вышнихъ. Благословенъ Грядый во имя Господне: осанна въ вышнихъ.» Въ алтарѣ множество лампадъ, болѣе пятидесяти, и многія изъ нихъ неугасимыя. Кругомъ подлѣ стѣнъ возвышено на три ступени; здѣсь стоятъ не служащіе священники, діаконы и монахи; мірянамъ же въ алтарѣ стоять не позволяютъ. На горнемъ мѣстѣ стоитъ мраморная патріаршая каѳедра; во время патріаршаго служенія становятся и другія

архіерейскія каѣдры. Изъ алтаря двое вратъ : на правую сторону—на Гору Голгоѳу, а на лѣвую страну — въ ризницу. Царскія врата — рѣзбенныя и вызолоченныя, съ четырьмя Евангелистами и съ Благовѣщеніемъ. Наверху стоитъ двуглавый орелъ. Клиросы сдѣланы весьма тѣсныя, потому что мимо ихъ ходъ въ боковыя врата. На правой странѣ, за клиросомъ къ столбу, стоитъ великая рѣзбенная и вызолоченная патріаршая каѣдра. Напротивъ ея, на лѣвой странѣ вторая каѣдра, подобна первой, патріаршаго намѣстника, Митрополита Петры Аравійской (*). На обѣихъ странахъ между столбовъ сдѣланы великіе рѣзбенные и вызлащенные иконостасы, и въ три ряда иконы : внизу Святители, повыше Пророки и Преподобные, а вверху по седми иконъ на странѣ, великихъ, самага высокаго россійскаго писанія, на греческій образецъ ; присланы и пожертвованы Россійскимъ Императоромъ, Александромъ Павловичемъ, послѣ пожара ; изображены всѣ страданія Іисуса Христа ; предъ каждою иконою повѣшена лампада. Повыше иконъ стоятъ по седми Ангеловъ на странѣ, рѣзбенныхъ и вызолоченныхъ, и въ обѣихъ рукахъ держать по подсвѣчнику, куда въ праздники становятся свѣщи. Поверхъ иконостасовъ подѣланы хоры ; во время Пасхи много вмѣщается народа. Кругомъ

(*) Сего Митрополита русскіе поклонники обычай имѣютъ называть *св. Петрѣ*. Такожде именовали и прежде его бывшихъ намѣстниковъ Патріарха Іерусалимскаго, Митрополитовъ Пётры или за-Іорданскихъ. Но сіе имя *Петрѣ* нѣсть настоящее ихъ имя, а такъ называются отъ страны, въ которую они поставляются въ Митрополиты, и именуемой *Пётра*. Настоящія же имена ихъ—другія: нынѣшній называется Мелетій, а прежде его былъ Мисаилъ.

подлѣ стѣнъ стоятъ монашескія мѣста (формы), возвышенныя противъ полу на три ступени. Въ семь греческомъ храмѣ четверо часовъ: двое въ алтарѣ, и двое въ храмѣ, у заднихъ столбовъ. Посреди храма висятъ три великія паникадила, по пятидесяти свѣчей: одно, среднее, — чистаго серебра, а два посеребренныя; всѣ пожертвованы Россійскими Императорами, а болѣе—Николаемъ Павловичемъ. И еще множество хрустальныхъ, мѣдныхъ и серебряныхъ лампадъ, вмѣщаютъ по десяти и по пятнадцати свѣтильниковъ; еще на всѣхъ четырехъ странахъ виситъ по желѣзной цѣпи, на каждой по двадцати пяти лампадъ. Въ торжественные дни зажигаютъ болѣе четырехъ сотъ лампадъ, и еще множество зажигаютъ свѣчъ кругомъ, у иконъ, въ два ряда, и сто пятьдесятъ свѣчей на паникадилахъ. Имѣетъ сей храмъ пять вратъ: одни къ западу—ко гробу Божію, вторыя къ сѣверу — ко храму Богородицы, третьи на югъ — къ Голгоѣ и повитію пеленами, и двое вратъ на гору Голгоѣу. Въ храмъ Воскресенія Христова изъ иновѣрныхъ никого не пускаютъ. И врата греки отпираютъ только тогда, когда есть Богослуженіе; и когда мы взошли во храмъ всѣ, то врата заперли; потому что еретики начали дѣлать свои литіи кругомъ гроба Божія и на Голгоѣ, и по прочимъ св. мѣстамъ; и греки опасались, дабы православные новые поклонники, не видѣвши сего, не стали вкупѣ молиться или смотрѣть на нихъ: греки весьма блюдутся еретиковъ. И мы ходили по св. мѣстамъ, имѣя въ рукахъ свѣщи горящія. Потомъ, мало посидѣвши, слышимъ: начали звонить въ колокольчикъ, и позвали насъ всѣхъ въ трапезу, и мы пошли мимо горы Голгоѣы вверху по лѣстницамъ, и

взошли выше Голгоѣы, и пришли въ трапезу, и сѣли всѣ на мѣста, мужи за столомъ, а жены за другимъ, и читали жертвенникъ; пища была весьма хорошая, и каждому по три чаши вина. И мы благодарили Господа Бога, своего Создателя, что сподобилъ насъ потрапезовать у Своего живоноснаго гроба, надъ самою горою Голгоѣою. Потомъ повели насъ внизъ, подъ гору Голгоѣу; тамъ храмъ Іоанна Предтечи, и горитъ неугасимая лампада; позади престола есть окно и желѣзная рѣшетка, и тамъ внутри горитъ неугасимая лампада; тамъ, сказываютъ, и глава Адамова; и точно, видна трещина, гдѣ съ креста текла кровь Христова: ибо здѣсь видна самая настоящая гора Голгоѣа. Въ этой церкви, на правой странѣ, есть гостинная келлія: въ ней записывали мы имена своихъ родственниковъ и благодѣтелей для поминовенія у гроба Господня, и сдѣлали пожертвованіе каждый по силѣ своей. Потомъ паки зазвонили въ колокольчикъ, и мы всѣ пошли на Голгоѣу, и тамъ читали повечеріе, и пѣли Кресту канонъ, на гласъ, съ канонархомъ. Потомъ самъ игуменъ сказывалъ проповѣдь о томъ, какъ Авраамъ приносилъ своего сына въ жертву Богу, и какъ самъ Христосъ за насъ грѣшныхъ на семъ мѣстѣ изліялъ кровь Свою. Потомъ и къ намъ произнесъ: «вы, пришедшіе отъ востока и отъ запада, и отъ края сѣвернаго, поклониться на семъ мѣстѣ, приносили себя почти такожде на жертву Богу; ибо предавали себя дальнему пути и морскимъ пучинамъ, и разнымъ злостраданіямъ; посему и вы не лишитесь мзды своея за труды свои.»

По окончаніи повечерія повели насъ на гостинницу, которая напротивъ гроба Божія, на хорахъ; и мы

положили свою одежду, а сами паки пошли по св. мѣстамъ, и ходили до полуночи. На Голгоѣ читали акаѣистъ Кресту и Богородицѣ. Ирмосы пѣли на- распѣвъ, а концы у акаѣистовъ припѣвали. Такожде и на гробѣ Божіемъ читали акаѣистъ Іисусу Сладчайшему. И такъ препроводили ночь до полунощи. Какой тогда былъ сонъ? Мы о немъ и позабыли отъ радости: въ одномъ мѣстѣ поютъ, въ другомъ читаютъ; одни ходятъ, другіе молятся, а иные сидятъ и разговариваютъ. И ночь намъ показалась веселѣе всякаго дня. Сто пятьдесятъ лампадъ горѣло неугасаемыхъ, и еще много свѣчъ; и много по всему храму часовъ, и часто ударяютъ; всѣхъ восемь часовъ: у грековъ четверо; у франковъ двое; у армянъ двое. И намъ въ ту ночь казалось, что не на землѣ мы, а въ горнемъ Іерусалимѣ: тамъ, кто хочетъ, поетъ и читаетъ; и сіе никому не запрещается, даже къ тому побуждаютъ. Когда мы опасались пѣть, тогда намъ самъ игуменъ сказалъ: «Тебѣ подобаетъ пѣснь, Боже, въ Сіонѣ, и Тебѣ воздастся молитва во Іерусалимѣ.»

Въ шестомъ часу, т. е. по-русски въ двѣнадцатомъ часу, начали ударять въ деревянное било, на полунощное пѣніе, прежде православные, а потомъ армяне, а послѣ франки. Мы православные собрались всѣ въ Воскресенскую церковь, и начали полунощницу весьма кротко, не спѣша. Потомъ начали утреню: акаѣисмы читали не спѣша; каноны всѣ пѣли на гласъ, съ канонархомъ; по шестой пѣсни читали Прологъ. Когда начали читать Прологъ, тогда іеромонахъ взялъ изъ алтаря антиминосъ, положилъ на главу, и понесъ на Божій гробъ, а предъ нимъ шелъ діаконовъ со свѣ-

щею; и начали на Божіємъ гробѣ совершать проскомидію: тогда было 1-е число ноябрю мѣсяца.

22. Когда начали пѣть великое славословіе, тогда съ двумя подсвѣчниками пошли всѣ братія съ пѣніемъ ко гробу Господню, и стали кругомъ Божія гроба, лицомъ къ западу, ко гробу Божію: мужи по лѣвую страну, а жены по правую страну, и у дверей гроба зажгли четыре великія свѣщи. Мы, смотря на гробъ своего Спасителя, Іисуса Христа, весьма умилялись, и много слезъ проливали, что видимъ гробъ Того, Кто сотворилъ небо и землю, видимая же и невидимая, прежде вѣкъ отъ Отца рожденъ, и въ послѣднія лѣта отъ Дѣвы воплотился, — видимъ гробъ Того, Кто грѣхи наши на крестѣ пригвоздилъ, во адъ сошелъ, врата адовы сокрушилъ, смерть попралъ, діавола и всю силу его упразднилъ, — видимъ гробъ Сладчайшаго Господа, Іисуса Христа, въ Которомъ вся наша жизнь и спасеніе, — видимъ гробъ Того, Котораго ради оставили міръ и вся яже въ мірѣ, родителей, сродниковъ и друзей, и все имѣніе, Котораго ради пошли въ тѣсный и прискорбный путь иноческаго житія, да Его единого пріобрящемъ, Сладчайшаго нашего Іисуса Христа. Нынѣ явственно тѣлесными своими очами видимъ живоносный гробъ, гдѣ лежало пречистое и обоженное Его тѣло, и изъ котораго изыде, яко женихъ отъ чертога. По отпустѣ утрени, начали читать часы, а на Божіємъ гробѣ совершалась проскомидія и читали помянники. Въ третьемъ часу по полуночи началась и Литургія. «Святый Боже» пѣли протяжно. Апостолъ читали по-русски дневный и Святимъ. Евангеліе читали двое: діаконъ по-гречески, а іеромонахъ по-русски — то-же Евангеліе:

ибо на гробъ Христовомъ во весь годъ ежедневно читаются Воскресныя Евангелія, которыя приличны гробу Христову, даже хотя и праздникъ случится. Когда же пришло время великому входу, тогда два мальчика, въ стихаряхъ, въ рукахъ имуще великія свѣщи, и единъ монахъ съ подсвѣчникомъ, и всѣ монахи пошли на-подобіе крестнаго ходу, и громогласно пѣли: «яко да Царя всѣхъ подыместъ, Ангельскими невидимо дориносима чинми.» Впереди шли братія; за ними монахъ съ подсвѣчникомъ, а потомъ мальчики со свѣчами, а за ними діаконъ съ Агнцемъ, а потомъ священникъ съ потиромъ: поминали всѣхъ православныхъ христіанъ. И обошли кругомъ кувукліи гроба Божія. И паки тѣми-же вратами вошли вовнутрь ко гробу Божію. На самомъ Божіемъ гробѣ на камени постигается пелена, посреди гроба кладется антиминсъ. На томъ-же гробѣ у главы совершается проскомидія. На антиминсѣ совершается вся Литургія. Въ притворѣ же, на камени, отваленномъ отъ дверей гроба, на которомъ сидѣлъ Ангелъ Господень, кладется серебряная дска, и постигается пелена, и на немъ всю Литургію стоитъ св. Евангеліе. Я сподобился три Литургіи внутри у гроба стоять, и своими очами все видѣлъ. Не знаю, съ чего взяли нѣкоторые, и написали: якобы только на Божіемъ гробѣ совершается проскомидія, а Литургія служится въ притворѣ на камени. Я этого не видалъ; но какъ на гробѣ совершается проскомидія, такъ тамъ и Литургія служится; только проскомидія у главы, а Литургія насреди.

По окончаніи Литургіи, паки священникъ взялъ антиминсъ, и пошли всѣ со свѣщами и съ пѣніемъ

въ Воскресенскую церковь. И тамъ вынесено было честное и животворящее древо креста Господня, — часть довольно большая. И мы, сотворивши по три поклона земныхъ, прикасались своими грѣшными устами къ пречистому и животворящему древу креста Господня, а священникъ раздавалъ антидоръ. Взявши антидоръ, мы спѣшили приложиться къ живоносному Христову гробу, пока не заняли неправославные. И когда приложились, — позвали насъ на гостиницу, и сдѣлали намъ угощеніе. Но приложиться ко гробу всѣхъ не допустили; потому что сейчасъ заняли армяне. Армяне почти всю свою службу пропѣли сидя. Послѣ армянъ заступили католики, и играли въ свой бездушный органъ. И такъ проводили мы всю ночь. Армяне и католики не на самомъ гробѣ служатъ, но приносятъ доски, для того устроенныя, и подмащиваютъ на Божій гробъ выше на поларшина; потому что Божій гробъ стоитъ низко, и покрытъ двумя мраморными плитами, одною съ боку, а другою съ верху. На верхней доскѣ, на срединѣ, поперекъ есть язвина, подобно какъ пропилено пилою. Но пилою тамъ дѣйствовать было не можно, потому что края не пропилены, а подобно какъ перстомъ проведено, только самая середина. И говорятъ о семъ такъ: «въ одно время сіе освященное и дражайшее для христіанъ святилище хотѣли турки взять въ свою Омарову мечеть; но пришли, увидѣли ея разсѣдшуюся, удивились и оставили.» А гдѣ было повитіе пеленами, на томъ мѣстѣ лежитъ красноцвѣтный мраморный камень, шириною въ аршинъ, а длиною въ десять четвертей, возвышенъ на одну четверть. Вокругъ вырѣзано по камню сиче: «Благообразный Іосифъ, съ

древа снемъ пречистое тѣло Твое, плащаницею чистою обвивъ, и вонями во гробъ новъ покрывъ, положи.» Благодаримъ Господа Бога, что сподобилъ насъ поклониться святымъ мѣстамъ, во храмъ Господа нашего, безъ всякихъ препятствій и безъ пошлинъ! Нѣтъ нигдѣ никакой стражи, и гробъ Божій никогда не затворяется, не такъ какъ было прежде: всѣ святые мѣста были подъ стражею и за печатью, и взи-мались съ поклонниковъ пошлины. А нынѣ благочестивѣйшій Россійскій Императоръ Николай Павловичъ, ктиторъ и попечитель Гроба Господня, отъ всего турецкаго притѣсненія свободилъ, и всѣ св. мѣста отворилъ; и Гробъ Христовъ всегда стоитъ отворенъ, и никого подлѣ него нѣтъ, кромѣ монаха. Хотя и въ турецкихъ рукахъ, но воли имъ нѣтъ. Когда разсвѣло,—паки отворили святые врата великаго храма, и послѣ всѣхъ службъ повели насъ паки въ патріархію, и тамъ представили паки трапезу. Потомъ изъ патріархіи повели насъ на квартиры, по разнымъ монастырямъ: россійскихъ подданныхъ мужей — въ Θεодоровскій, женъ—въ Екатерининскій, а насъ аѳонскихъ монаховъ — въ Архангельскій монастырь, принадлежащій къ Лаврѣ Саввы Освященнаго, и дали намъ одну келлію на шесть человѣкъ. И мы перенесли свою одежду, и расположились, и ночевали на своихъ квартирахъ.

23. По-утру рано дали повѣстку, чтобы новые поклонники шли въ Геѳсиманію, ко гробу Божіа Матери. Мы пошли и приложились прежде ко гробу Христову. И пошли отъ горы Голгоѣы по страстной крестной улицѣ, которая была обогрена кровію Владыки нашего, Господа Іисуса Христа, во время воле-

наго Его страданія ; по этой улицѣ несъ Онъ Свой крестъ на Своихъ плечахъ , отъ двора Пилатова до горы Голгоѣы , и на главѣ Его былъ терновый вѣнецъ. И шли мы отъ горы Голгоѣы одною улицею , гдѣ былъ прежде базаръ , и сидѣли тамъ сапожники , и шили сапоги. И когда Господь шелъ со крестомъ , они надъ Нимъ смѣялись. Нынѣ въ этихъ лавкахъ никто не сидитъ и не торгуетъ , но въ нихъ всякая нечистота. А базаръ и теперь близко ; улица и постройка , изъ тесаннаго камня , со сводами , самая древняя. Потомъ мы прошли Судныя врата , которыми выводили осужденниковъ на смерть. Потомъ шли мы прямою улицею—все внизъ , и пришли на одно мѣсто : на правой странѣ , на стѣнѣ , есть знакъ того мѣста , гдѣ было второе паденіе подъ крестомъ Иисуса Христа ; здѣсь взяли Симона Киринеянина пособлять Иисусу Христу—нести крестъ до Голгоѣы. Ибо самъ Иисусъ Христосъ не могъ болѣе нести , ово отъ тяжести древа , ово отъ великихъ ранъ , и еще на главѣ Его былъ терновый вѣнецъ , такъ что и не видно было лица Его отъ крови каплющія. А Симонъ Киринейскій ѣхалъ на базаръ съ своими дѣтьми , Александромъ и Руфомъ , потому что здѣсь идетъ поперечная великая улица , изъ дамасскихъ вратъ , прямо на базаръ. И Симону случилось тогда тамъ ѣхать ; его взяли понести крестъ , а сыновья его поѣхали на базаръ. Таковое въ Іерусалимѣ устное преданіе. Евангелистъ согласно сему пишетъ : *задѣша , мимоходящу Симону Киринею , грядущу съ села , отцу Александрову и Руфову , да возметъ крестъ*. И мы , лобызавши то мѣсто , пошли далѣе ; поворотили налѣво ; и тамъ есть мѣсто , и на немъ лежитъ круглый камень. На томъ мѣстѣ

была встрѣча Господа, когда несъ крестъ, съ возлюбленною Его Матерію, пречистою Дѣвою Богородицею. Она отъ Пилатова дома прошла прямымъ переулкомъ, потому что по большой улицѣ было тѣсно, отъ множества народа и воинства. А Ей еще хотѣлось посмотрѣть возлюбленнаго Своего Сына и Бога. О, какое Ее тогда пронзило скорбное оружіе, когда увидѣла возлюбленнаго Своего Сына, всего уязвленнаго и окровавленнаго, несущаго Свой крестъ и идущаго на распятіе! На поворотѣ, на углу, на правой странѣ, лежитъ камень, и на немъ есть знакъ. На томъ мѣстѣ было первое паденіе подъ крестомъ Іисуса Христа, тамъ мало и отдыхалъ. Тамъ была церковь; нынѣ обращена турками въ баню; и мы, лобызавши то мѣсто, пошли далѣе, и дошли до Пилатова дома.

24. Пилатовъ домъ на правой странѣ улицы; и отъ дома чрезъ улицу есть арка; на верху арки есть небольшая комната, и изъ комнаты на улицу большое окно, гдѣ выходилъ Пилать, и судилъ Христа, защищалъ Его и говорилъ: *не обрѣтаю въ Немъ ни единыя вины*; а жидаы, стоявшіе на улицѣ, кричали: *возми, возми, распни Его*. Близъ самой арки есть комната внизу, гдѣ спрашивалъ Пилать Іисуса наединѣ. Какъ Пилать взошелъ на арку, и говорилъ евреямъ, да отпустить Іисуса, глаголемаго Христа. Жидаы же еще сильнѣе кричали: *возми, возми, распни Его*. Потомъ Пилать сказалъ: *се человекъ*; умылъ руки, и сказалъ: *чистъ есмь отъ крове праведника сего*. А жидаы кричали: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ*. Тогда Пилать сказалъ: «возьмите, и по закону вашему распните.» Потомъ повели Іисуса въ преторъ.

Подъ аркою, къ правой рукѣ, подлѣ самой стѣны, видно мѣсто, гдѣ сидѣла Богородица, когда судилъ Пилать Іисуса Христа, и слушала судъ на Сына Своего. И до-днесъ въ Пилатовомъ домѣ живетъ военачальникъ. Напротивъ дома Пилатова, на-лѣво чрезъ улицу, былъ преторъ и темница, гдѣ мучили Іисуса Христа. Тамъ привязывали Его къ столбу и били. Тамъ облачали Его въ багряницу и ударяли въ лавиту, глаголюще: «радуйся, царю іудейскій.» Тамъ надѣвали на Него терновый вѣнецъ. Тамъ дѣлали и крестъ. Оттуда Іисусъ Христосъ взялъ крестъ Свой на рамена Свои, и понесъ на гору Голгоѳу. На томъ мѣстѣ стоитъ монастырь, и завѣдываютъ имъ франки; тамъ горитъ много неугасимыхъ лампадъ. Мы лобызали св. мѣста, обогранныя кровію Христовою, и пакы вышли на улицу, и пошли далѣе. Недалеко, на-лѣво, пошла большая улица, называемая *Иродова*; на той улицѣ дворецъ Ирода царя, сдѣланный изъ тесанаго бѣлаго камня, и до-днесъ существуетъ. По той-же улицѣ—домъ Симона фарисея, гдѣ жена блудница Іисусу Христу ноги омывала слезами, и власы своими отирала; сей домъ на лѣвой странѣ. По той-же улицѣ, подальше на правой странѣ, домъ Симеона Богопріимца. Вездѣ были прежде монастыри; нынѣ же разорены, только остались нѣкоторыя келліи, и въ нихъ живутъ турки; однако, къ мѣстамъ прикладываться допускаютъ. Потомъ пакы вышли на большую улицу, и мало отошли; пришли во врата, называемыя *Красныя*, гдѣ Апостолъ Петръ исцѣлилъ хромого отъ рожденія. Сверху была Антоніева башня; тамъ и красная улица, и великія врата въ храмъ Соломоновъ, но мы только во врата посмотрѣли; во-

внутри же турки никого не пускаютъ, ни христіанъ, ни евреевъ—ниже на площадь. И мы пошли дальше, и тамо другая улица и врата въ храмъ Соломоновъ, называемыя *Овчія*, въ которыя загоняли овецъ на жертву. Изъ этой улицы есть двое вратъ въ *овчую купль*: одними вгоняли, а другими выгоняли; нынѣ уже завалены. Мы пошли дальше, и увидѣли на лѣвой странѣ, къ градской стѣнѣ, домъ Іоакима и Анны, родителей Богородицы, стоитъ пустъ: выстроена великая церковь, но стоитъ пуста, и еще немного не достроена, а баня ихъ и до-днесъ существуетъ.

25. Когда дошли до стѣны, — зашли немного направо, и открылась намъ вся Овчая купль, еврейски называемая *Виѣсдѣ*, по-русски сказать—богадѣльня, или больница; имѣла пять притворовъ, т. е. пять великихъ комнатъ, гдѣ лежали больные. И мы во-внутри ея смотрѣли: это — вырытая преглубокая великая яма, саженой пятьдесятъ длины и саженой двадцать ширины, однимъ бокомъ къ храму Соломонову, а другимъ вдоль улицы; но только отъ улицы была застроена: однимъ концемъ приходилась къ овчей улицѣ, откуда было двои вратъ, которыя видны и до-днесъ, но завалены, а другимъ концемъ — ко градской стѣнѣ, но не близко. Эта яма выкладена вся великимъ тесанымъ камнемъ; кругомъ къ стѣнамъ были притворы. Посреди былъ четырехугольный продолговатый прудъ воды, которая и до-нынѣ видна. Въ этомъ прудѣ измывали овецъ, которыхъ надлежало приносить на жертву. Въ этой куплѣ лежало и крестное древо (*), по свидѣтельству преданія.

(*) См. ниже гл. 198.

Сюда сходилъ каждый годъ Ангелъ Господень, и возмущалъ воду. Сюда и самъ Спаситель Іисусъ Христосъ часто заходилъ — посѣщать болящихъ. Здѣсь Онъ исцѣлилъ разслабленнаго, тридцать восемь лѣтъ на одрѣ лежавшаго. Нынѣ сіе мѣсто въ небреженіи: тамъ сваливаютъ всякій соръ, и уже много засыпали; а вода еще видна. Тамъ есть и врата въ храмъ Соломоновъ. Возвратившись мало назадъ, пошли во врата, называемыя *Геосиманскія*, а арабы называютъ *Маріины*. Тамъ во вратахъ темница, или иначе сказать—гауптвахта, гдѣ былъ св. Апостолъ Петръ подъ стражею, скованъ въ желѣзахъ, спалъ между воиновъ, и откуда извелъ его Ангелъ Господень; и тамъ на стѣнѣ есть знакъ, и мы лобызали его. Потомъ вышли совсѣмъ изъ Іерусалима, и немного шли по ровному мѣсту. Потомъ начали спускаться подъ весьма крутую гору, въ юдоль плачевную, или въ долину Іосафатову, или къ потоку Кедрскому — все едино. Когда уже стали спускаться близъ подошвы склона, — лобызали каменистое мѣсто, гдѣ побивали св. первомученика Стефана каменіемъ. Потомъ сошли внизъ на потокъ Кедрскій, и перешли чрезъ него по насыпи. Потомъ мало поднялись, и пакъ сошли пониже на площадь. И тамъ на правой странѣ есть пещера, гдѣ скрывались Апостолы, страха ради іудейскаго, во время страданія Христова; завѣдываютъ ею франки.

26. Съ этой площади, къ сѣверу — великія врата въ геосиманскую пещеру, ко гробу Божія Матери. И мы взошедши во врата, во-внутрь, пошли внизъ по ступенямъ, которыхъ всѣхъ сорокъ. Посреди лѣстницы на обѣихъ сторонахъ есть мѣста и престолы.

На правой сторонѣ—два гроба св. Богоотецъ, Іоакима и Анны, родителей Богородицы; завѣдываютъ православные. На лѣвой сторонѣ — гробъ Іосифа обручника; завѣдываютъ армяне. Внизу, на правой странѣ, на углу — престолъ Святителя Николая; завѣдываютъ православные. Напротивъ, чрезъ пещеру, на сѣверъ — гробъ св. первомуч. Стефана; здѣсь горитъ неугасимая лампада; завѣдываютъ православные. Между сими придѣлами, на востокъ — великая церковь, и въ ней виситъ множество лампадъ и паникадилъ, и много стоитъ подсвѣчниковъ со свѣщами; до четырехъ сотъ лампадъ, и много изъ числа ихъ неугасимыхъ. Посреди церкви стоитъ кувуклія, а внутри кувуклія, къ восточной стѣнѣ, гробъ Божіей Матери. Надъ нимъ горитъ болѣе двадцати лампадъ неугасимыхъ. На самомъ гробѣ служатъ ежедневно Литургію; половиною гроба завѣдываютъ православные, а половиною — армяне. Кругомъ кувуклія обставлена иконами. Въ кувуклію двое дверей: съ западу входятъ, а на сѣверъ выходятъ. Спереди кувукліи — армянскій жертвенникъ, а позади кувукліи на востокъ — престолъ чудотворной иконы Богородицы Геѳсиманскія; завѣдываютъ православные. Къ лѣвой странѣ, въ уголъ, жертвенникъ православныхъ. Мы лобызали гробъ Царицы Небесной, Пречистой Дѣвы Богородицы, и прочія св. мѣста. Потомъ начали читать часы, а потомъ акаѳистъ Богородицѣ: канонъ весь пѣли на гласъ; священникъ совершалъ тогда проскомидію; а у акаѳиста концы припѣвали. Потомъ начали Литургію, и пѣли всю по-русски. На причастіѣ пѣли: « О дивное чудо! Источникъ жизни во гробѣ полагается, и лѣствица къ небеси гробъ

бываетъ. Веселися, Геѳсиманіе, Богородиченъ св. доме! Возопіимъ вѣрніи, Гавріила имуще чиновначальника: Благодатная радуйся! съ Тобою Господь, подай мірови Тобою велію милость.» И: « Апостоли, отъ конецъ совокупльшеся здѣ въ Геѳсиманійстѣй веси, погребите тѣло Мое: и Ты, Сыне и Боже Мой, пріими духъ Мой!» Послѣ антидора, паки приклады-вались ко гробу Богородицы; потомъ позвали насъ на гостинницу, и сдѣлали угощеніе. А мы сдѣлали пожертвованіе, каждый по силѣ своей, и записали на поминовеніе своихъ родныхъ и благодѣтелей. Гостинница здѣсь — въ сѣверной стѣнѣ, выкопана пещера, и днемъ сидѣли со свѣщами. Въ западной стѣнѣ такая-же армянская гостинница.

27. Вышедши изъ Геѳсиманіи, пошли къ горѣ Елеонской. Недалеко отъ Геѳсиманіи, на правой сторонѣ, вертоградъ, гдѣ взяли Іисуса Христа на мученіе, и лобызалъ Его Іуда, сказавъ: радуйся, Учителю. Здѣсь Петръ отрѣзалъ ухо рабу Архіереову. И до-днесь растутъ здѣсь восемь масличныхъ древъ необыкновенной толщины, и весьма стары. Какъ только прошли вертоградъ, — повернули позади его направо между вертоградами. Тамъ на лѣвой странѣ лежатъ три самородные камня, на которыхъ означены мѣста, гдѣ спали три Апостола, когда Іисусъ Христосъ молился. Замѣтны слѣды ногъ Христовыхъ, когда приходилъ ихъ будить. Подальше, какъ на верженіе камня, есть мѣсто, гдѣ Іисусъ Христосъ молился до поту лица Своего, глаголя: *Отче Мой, аще не можетъ сія чаша мимоити отъ Мене, аще не пію ея, буди воля Твоя* (Матѳ. 26, 42.). И явился Ему Ангелъ съ небеси, укрѣпляя Его. Мы всѣ тѣ мѣста лобызали и

слезами омочали. Потомъ вышли обратно на путь, идущій на Елеонскую гору. Пошли повыше, и тамъ на правой сторонѣ есть камень, подлѣ котораго Пресвятая Богородица часто саживала и отдыхала, когда ходила на Елеонскую гору, къ стопамъ возлюбленнаго Сына Своего. Тамъ-же Она стояла, когда побивали св. первомуч. Стефана, смотрѣла на его кончину, и плакала. На лѣвой странѣ, недалеко, есть камень, на который спустила Оомъ Апостолу Пресвятая Богородица Свой поясъ, уже въ третій день послѣ успенія. Потомъ пошли на гору, и тамъ въ правой рукѣ башня и постройка, гдѣ было пристанище Иисуса Христа: во дни пребывалъ Онъ въ церкви и училъ людей, а на ночь уходилъ на гору Елеонскую. Потомъ пакы пошли на гору, и какъ уже стали близко подходить къ верху, — поворотили налѣво, по пути, ведущему въ гору малую, Галилею.

28. Когда пришли, — показали намъ мѣсто, гдѣ Христосъ по воскресеніи явился ученикамъ Своимъ, какъ прежде имъ сказалъ: *по воскресеніи же Моемъ, саряю вы въ Галилеи* (Матѣ. 26, 32.). И Ангелъ по воскресеніи Господа сказалъ женамъ: *и скоро шедше рцыте ученикомъ Его, яко воста отъ мертвыхъ: и се варяетъ вы въ Галилеи: тамо Его узрите. Се рѣхъ вамъ* (Матѣ. 28, 7.). И Господь самъ сказалъ женамъ мѣроносцамъ: *идите, возвѣстите братіи Моей, да идутъ въ Галилею, и ту Мя видятъ* (10.). И пакы Евангелистъ сказалъ: *единиженадесяте ученицы идоша въ Галилею въ гору, а може повелѣ имъ Иисусъ. И видѣвше Его, поклонишася Ему: ови же усумнишася и проч.* (16. 17. 18. 19. 20.). Мы лобызали св. то мѣсто. На томъ мѣстѣ прежде былъ монастырь; но

нынѣ только осталось основаніе и подвалы ради воды, и камни. Въ подвалѣ на стѣнѣ видно — изъ камня высѣченъ крестъ четвероконечный. Утверждаютъ, что это было выстроено царицею Еленою. Гора Галлея не далеко отъ горы Елеонской, и между ними небольшая лощина.

29. Потомъ пошли на Елеонскую гору, по самому хребту. Гора Елеонская называется гора *масличная*; потому что множество растетъ на ней масличныхъ древъ и до сего дне; древа весьма старыя; должно быть, еще до Христа росли, и видѣли Его возносящяся на небо. А гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ возносился на небо, вокругъ того мѣста множество постройки, но вся разрушена. Въ развалинахъ живутъ арабы и турки. Видится, былъ прежде великій монастырь; а нынѣ весь разоренъ; только осталась небольшая ограда. Во-внутрь есть небольшая дверь, отъ которой ключи арабы имѣютъ у себя. И мы ихъ попросили, и дали имъ бакшишъ, по 10-ти коп. съ человѣка. Они намъ отперли и пустили. Внутри — пространный дворъ, на-подобіе монастыря, только круглый. Посреди двора часовня осьмиугольная. Кругомъ по двору около стѣнъ подѣланы престоы для богослуженія разныхъ вѣроисповѣданій. По правую сторону часовни, посреди двора, престолъ православныхъ, на которомъ, въ назначенные дни, отправляютъ Литургію на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла Пресвятая Богородица въ то время, когда возносился на небо Господь Іисусъ Христосъ. Потомъ попросили арабовъ, чтобы отперли часовню, и дали имъ еще бакшишъ, по двѣ к. съ человѣка; и они отперли, и мы взошли во-внутрь. Посреди часовни есть мѣсто,

обложено кругомъ мраморомъ, четырехугольно, длина одинъ аршинъ, а ширина три четверти арш. Посреди того — самородный камень: на камнѣ стопа лѣвой ноги Владыки нашего, Господа Іисуса Христа, изображена какъ на воску; ибо Онъ правою ступилъ на облако, а лѣвою оставилъ намъ слѣдъ пречистыхъ ногъ Своихъ. И мы его лобызали, и отъ радости плакали. Потомъ воспѣли тропарь: «Вознесся еси во славу, Христе Боже нашъ, радость сотворивый ученикомъ, обѣтованіемъ Св. Духа, извѣщеннымъ имъ бывшимъ благословеніемъ, яко ты еси Сынъ Божій, Избавитель міра.» Потомъ пропѣли: «Еже о насъ исполнивъ смотреніе, и яже на земли соединивъ небеснымъ, вознесся еси во славу, Христе Боже нашъ, никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный, и вопія любящимъ Тя: Азъ есмь съ вами, и никтоже на вы.» Потомъ прочитали акаѳистъ Іисусу Сладчайшему. И вышли оттуда тѣми-же вратами, и пошли на югъ. Не далеко отъ Вознесенія есть пещера Преподобной Пелагіи, гдѣ она спасалась; тамъ и гробъ ея. И мы дали арабамъ бакшишъ, по двѣ к., и вошли внутрь, и приложились ко гробу ея. Прежде была тамъ церковь, но нынѣ нѣтъ; турки разорили.

30. Потомъ пошли еще на югъ, отъ Вознесенія на полверсты. Тамъ есть великія пещеры, на-подобіе кіевскихъ; называются пещеры *гробовъ пророческихъ*: ибо тамъ погребали всѣхъ Пророковъ. Но кто въ ней не бывалъ, тому трудно ее найти. И мы усиленно искали, но не могли найти, пока обстоятельно не распросили. Тамъ есть нива; засѣяна была пшеницею. Посреди нивы стоитъ древо, называемое ягодичина, по-русски шелковица, или тутовое древо. Подъ тѣмъ

древомъ есть яма, на-подобіе кладезя; и мы въ него спустились, и зажгли въ рукахъ своихъ свѣщи, и пошли во-внутрь. И ходили по подземнымъ гробовымъ улицамъ, и даже боялись, чтобы подъ землею не заблудиться. И до-днесь много видно гробовъ; мы насчитали до семидесяти, но всѣ они пусты, многіе и засыпаны. Сказываютъ, что царица Елена кости пророческія перенесла на село скудельниче.—Потомъ паки вышли на верхъ горы Елеонской. Съ горы Елеонской очень хорошо видно св. градъ Іерусалимъ, даже можно всѣ дома видѣть; такожде видно и Мертвое море, гдѣ провалились грады Содомъ и Гоморра. Такожде видно и устье рѣки Іордана и вся іорданская долина.

31. Отъ Елеонской горы къ востоку, на полчаса ходу, село Виѳанія, отечество св. праведнаго Лазаря. Тамъ и до-днесь есть пещера, и въ ней гробъ Лазаревъ, гдѣ воскресилъ его Господь отъ мертвыхъ; и мы ходили во-внутрь гроба. Отъ Виѳаніи на востокъ, съ версту, есть самородный камень, на которомъ сидѣлъ Іисусъ Христосъ, когда шелъ воскрешать Лазаря. Тамъ встрѣтили Его сестры Лазаревы Марѳа и Марія, и говорили Ему: *Господи, аще бы еси былъ здѣ, не бы умеръ братъ* (Іоан. 11, 32.). И мы лобызали то мѣсто и возвратились на Елеонскую гору. Съ горы пошли уже прямымъ путемъ внизъ, въ плачевную юдоль, мимо того мѣста, гдѣ сидѣлъ Христосъ съ учениками и плакалъ о Іерусалимѣ, и предсказывалъ о его разореніи. Мѣсто весьма прекрасное, и храмъ Соломоновъ и весь Іерусалимъ на открытіи. Прежде былъ на семъ мѣстѣ монастырь, и до-нынѣ еще часть стоитъ, но пуста и разорена.

32. Сошли паки въ самую юдоль плачевную, покрытую надгробными еврейскими камнями и съ надписями. Евреи здѣсь погребены еще до Рождества Христова. Потому и названа сія долина юдоль плачевная, что ежедневно изъ Іерусалима выходило множество женъ, и плакали надъ гробами своихъ родныхъ; и до-нынѣ въ Іерусалимѣ сей обычай сохранился: ежели кто помретъ изъ іерусалимскихъ жителей, то до шести недѣль, каждый день, всѣ родные женскаго пола ходятъ на гробъ плакать, и когда идутъ по улицѣ, — громко кричатъ, и руками всплескиваютъ. Мать или жену всегда двѣ подъ руки ведутъ, а прочія имъ послѣдуютъ. Еще слышалъ отъ самихъ евреевъ, что предсказано было отъ Бога древнимъ Пророкомъ, что во время страшнаго Суда поставится престолъ Праведнаго Судіи, Который будетъ судить всю вселенную, на самой горѣ Елеонской; потому-то желали и заповѣдывали полагать свои кости на горѣ Елеонской, какъ сами Пророки, такъ и прочіе: всякій желалъ воскреснуть у подножія самого Бога. Сему немного согласно и въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, въ 1-й главѣ, написано: *Зрящимъ имъ взяты, и облакъ подъятъ Его отъ очю ихъ. И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се мужа дваста предъ ними во одежди бѣлы, иже и рекоста: мужіе Галилейстїи, что стоите зряще на небо; сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде прїидетъ, иже образъ видѣсте Его идуща на небо.* Поэтому іерусалимляне утверждаютъ, что паки Христосъ прїидетъ на Елеонскую гору. Въ той-же долині, близъ потока Кедрскаго, стоитъ гробъ Авессалома, сына Давидова, который гналъ отца своего; но кроткій

Давидъ не помнилъ зла : сдѣлалъ любезному своему сыну памятникъ , который будетъ стоять до самаго страшнаго Суда. Тамъ недалеко и гробъ Пророка Захаріи, и гробы Царей Іудейскихъ. Пониже Авессаломова гроба есть глубочайшій кладезь. Говорятъ, что въ него спущенъ былъ жертвенный огонь во время плѣненія вавилонскаго.

33. Противъ кладезя чрезъ потокъ Кедрскій каменный мостъ, чрезъ который лежитъ главная дорога на Сіонскую гору. Чрезъ этотъ мостъ несли Божію Матерь на погребеніе , съ Сіонской Горы изъ дому Іоанна Богослова, въ Геѳсиманію. Чрезъ этотъ мостъ ѣхалъ самъ Владыка , Іисусъ Христосъ , на жребяти осли, когда встрѣтили Его дѣти съ ваіями; часто Онъ хаживалъ здѣсь и пѣшій. При этомъ мосту сидѣлъ слѣпорожденный и просилъ милостыни, и Господь его исцѣлилъ. Пониже моста, сажени двѣ, подлѣ потока, гдѣ сидѣлъ слѣпой, — два слѣда Іисуса Христа , гдѣ сотворилъ брѣніе отъ плюновенія , и помазалъ очи слѣпому, и сказалъ : *иди, умойся въ купъли Силоам-стѣ* (Іоан. 9, 7.). И мы лобызали стопы ногъ своего Спасителя, Іисуса Христа.

34. Потомъ пошли по потоку внизъ , и дошли до *Купъли Силоамской*. Пили въ ней воду и умывались; около нея—какъ базаръ, а наипаче много женъ: овья скоть поятъ , овья платье моютъ въ каменныхъ корытахъ , овья мѣхи наливаютъ , да домой уносятъ; овья мѣхи наливаютъ , да на ослахъ въ Іерусалимъ на продажу возятъ: ибо во Іерусалимѣ близко другой воды нѣтъ, кромѣ этой, а прочая вся дождевая. Потомъ паки мы пошли внизъ. На лѣвой сторонѣ потока осталась весь Силоамская, т. е. деревня Силоамъ.

Въ сію весъ посылалъ Господь двоихъ Апостоловъ отрѣшить осла со жребятемъ, и привести къ Нему. Евангелистъ тако пишетъ: *и егда приближишася во Іерусалимъ, и придоша въ Виффагю къ горѣ Елеон-стѣй, тогда Іисусъ посла два ученика, глаголя има: идита въ весъ, яже прямо вама, и абіе обрящета осла привязано, и жребя съ нимъ: отрѣшивша приведита Ми* (Матѣ. 21, 1 и 2.). И до-нынѣ въ этой деревнѣ у каждаго много ословъ; потому что всѣ—водовозы, возятъ изъ Силоамской купѣли въ Іерусалимъ продавать воду. Еще они имѣютъ много по долинѣ огородовъ, и привозятъ въ Іерусалимъ продавать всякую зелень. По этой деревнѣ, Силоамъ, называется и купѣль Силоамская. Сія вода испрошена отъ Бога Исаіею Пророкомъ.

35. Потомъ мы еще пошли внизъ по долинѣ, между множествомъ огородовъ. И пришли къ дереву, на которомъ Пророка Исаію распіли деревяною пилою. Дерево и до-нынѣ стоитъ зелено, но весьма старо, и обкладено кругомъ камнями; подъ деревомъ и гробъ Исаіи; дерево — называемое ягодичина, т. е. шелко-вица. Недалеко отъ гроба Пророка Исаіи — вторая купѣль Силоамская, которая называлась *Царская*, потому что изъ нея брали воду для царскаго дома. Здѣсь стоялъ и столбъ Силоамскій, который упалъ во дни Іисуса Христа, и много подавилъ народа. Въ сію купѣль ходила по воду и сама Пресвятая Дѣва Богородица, когда жила въ домѣ Іоанна Богослова. Поклонившись здѣсь, пошли прямо на *Сіонъ гору*.

36. На горѣ Сіонѣ, на полѣ, стоитъ одинъ домъ — подобенъ монастырю. Сей домъ, называемый *Зеве-деевъ*, или домъ Іоанна Богослова, выстроенъ былъ

на развалинахъ царскаго дома Давидова. Въ немъ Господь часто имѣлъ прибѣжище. Въ немъ была Тайная Вечеря, и умывалъ Господь ноги ученикамъ Своимъ. Въ немъ увѣрилъ Господь Оому Апостола. Въ немъ въ день пятидесятницы сошелъ Духъ Святый на Апостоловъ. Въ немъ проживала Пресвятая Богородица, отъ Христова распятія до дня Своего успенія. Въ немъ предала Свою душу въ руцѣ возлюбленнаго Сына Своего. Въ него и собрались Апостоли, облаками носимые по воздуху. А внизу — остатки основаній дома Давидова и Соломонова, и прочихъ израильскихъ, вѣрныхъ Богу, Царей; тамъ и гробы ихъ. Тамъ внизу, въ подземельныхъ гробовыхъ пещерахъ, и страхъ великъ, о которомъ пишетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ. Такъ утверждаютъ греки и самые арабы, живущіе въ домѣ томъ, говоря, что внизъ ходить никто не можетъ, и ключей у нихъ нѣтъ; владѣютъ симъ домомъ арабы турецкаго закона. Мы дали имъ бакшишъ, по рублю съ человѣка, и они насъ пустили вовнутрь дома. И ввели насъ въ одну комнату, гдѣ была Тайная Вечеря и являлся Господь ученикамъ, и гдѣ сошелъ Духъ Святый на Апостоловъ. Комната сія — пространныя, со сводами, поддерживаемая двумя столбами. И мы, поклонившись, вышли. Потомъ повели насъ въ другую комнату, въ которой жила Пресвятая Богородица до Своего успенія; но насъ вовнутрь не пустили. Мы давали и еще бакшишъ, но не взяли, и сказали, что ключи у паши, и что заповѣдано никого не пускать. Мы вышли вонъ, и походили по св. Сіону, полюбовались на красоту мѣста, гдѣ прежде совершались великія и страшныя таинства спасенія нашего. Сіонъ изукрашенъ

былъ пресвѣтлыми царскими чертогами; нынѣ же покрытъ зеленою травою и надгробными камнями. Ибо на Сіонѣ — кладбище всѣхъ христіанъ, — грековъ, арабовъ и всѣхъ православныхъ, также франковъ, армянъ, коптовъ, кабешевъ, т. е. еѳіоплянъ, и сиріанъ. Сами всѣ тамъ погребаются, и приходящихъ поклонниковъ погребаютъ. И раздѣленъ между ними весь Сіонъ; но большею частию Сіона завѣдываютъ православные. Тамъ есть камень, на которомъ служатъ Литургію въ день сошествія Святаго Духа, подъ полотняными шатрами, одинъ разъ въ годъ. Еще на Сіонѣ есть *домъ* Архіерея *Каіаѳы*, гдѣ Петръ отрекался Христа. Завѣдываютъ имъ армяне. На Сіонѣ осталось только два дома, — Зеведеовъ и Каіаѳинъ. Гора Сіонъ стоитъ мысомъ между долинъ: по лѣвую сторону — *долина Іоасафатова*, или *юдоль плачевная*, тоже и Кедрскій потокъ; по правую сторону — глубокая долина, называемая *Геенна*: въ ней есть два пруда Давида Царя; а по другую страну Геенны *село Скудельниче*, купленное за тридесять сребренниковъ, которые дали за Христа Іудѣ предателю. Эти двѣ долины, Геенна и Юдоль Плачевная, позади Сіона сошлись въ одно. На самомъ устьѣ славный *колодезь Іоавль*. И мы на все сіе издали посмотрѣли.

37. Потомъ пошли во внутрь Іерусалима въ Сіонскія врата, и взошедши во градъ, пошли по улицѣ налѣво, а потомъ повертели направо, и скоро увидѣли великое зданіе, — это монастырь *армянскій* и ихъ *патріархія*. Мы вошли въ него во врата желѣзные, и пошли прямо въ церковь. Храмъ великъ и прекрасенъ, и богато убранъ, во имя Апостола *Іакова*, брата Іоанна Богослова. Тамъ есть мѣсто, гдѣ его

мечемъ убили. Въ семь храмъ лежатъ три камня, которые, говорятъ, взяты были изъ жилища Пресвятыя Богородицы, послѣ Ея успенія, и принесены Архангеломъ Гавріиломъ ко Пресвятѣй Богородицѣ,—одинъ съ Синайской горы, одинъ съ Фаворской горы, и одинъ изъ рѣки Іордана. Монастырь прежде былъ *Грузинскій*, выстроенъ грузинскими благочестивыми Царями. Занимаетъ почти четырнадцатую часть Іерусалима, имѣетъ болѣе шестисотъ келлій. Нынѣ этимъ монастыремъ овладѣли армяне, только не знаю, — какимъ случаемъ, и сдѣлали своею патріархіею и гостинницею, ради своихъ поклонниковъ.

38. Потомъ мы вышли изъ него, и пришли въ монастырь св. Великомученика *Георгія*, называемый *Еврейскимъ*, потому что — между еврейскихъ улицъ; завѣдываютъ имъ православные. Вкусивши здѣсь хлѣба, пошли далѣе, и шли мимо *столпа Давидова*, который отъ всѣхъ называется *Давидовымъ домомъ*. У Давида Царя было два дома. Первый и главный его домъ былъ на Сіонѣ: тамъ сохранялось все его богатство и были жены его; сдѣланъ былъ отъ древъ негниющихъ и отъ разнаго дорогаго каменія; потомъ былъ разоренъ еще во время плѣненія вавилонскаго. Другой же домъ назывался *столпъ*, или *крѣпость*: выстроенъ больше для защиты Іерусалима. Въ этотъ домъ удалялся Царь Давидъ для молитвы и безмолвія изъ своего шумнаго дворца; тамъ писалъ боговдохновенные псалмы свои. Здѣсь онъ, вышедъ подышать чистымъ воздухомъ на кровлю, увидалъ прекрасную Вирсавію, моющуюся въ прудѣ, прельстился на нее, и палъ въ тяжкій грѣхъ. Здѣсь-же написалъ покаянный псаломъ «Помилуй мя Боже.» Сей домъ

Давидовъ сдѣланъ изъ тесаныхъ , бѣлыхъ , великихъ камней , огражденъ каменною стѣною , и окопанъ глубокимъ ровомъ. Чрезъ ровъ сдѣланъ мостъ на цѣпяхъ , который на ночь поднимается. Въ домъ—одни врата , желѣзные , извнутри Іерусалима , противъ самаго моста; потому что онъ стоитъ половиною внутри Іерусалима , и половиною внѣ. Тамъ главный арсеналъ , и живетъ военный начальникъ; тамъ первая іерусалимская гауптвахта. Во вратахъ и по стѣнамъ много стѣнобитнаго военного орудія ; много вокругъ него часовыхъ , и крѣпко содержатъ стражу , никого во-внутрь не пускаютъ , кромѣ военныхъ. Внутри есть высокая башня: на ней стоитъ стража , и осматриваетъ весь Іерусалимъ и окрестности его.

39. Недалеко отъ него , къ востоку , *домъ Іоанна Марка* , гдѣ часто имѣлъ Іисусъ Христосъ прибѣжище , также и Апостолы; и Петръ Апостолъ пришелъ ко вратамъ сего дома , когда Ангелъ Господень его извелъ изъ темницы. Дѣян. гл. 12. Прежде этимъ домомъ владѣли турки , а нынѣ протестанты откупили , и устроили свою церковь.

40. Недалеко отсюда — домъ *Апостола Ѳомы*; владѣютъ имъ турки. Потомъ пришли мы въ монастырь , называемый *Великая Панагія* ; живутъ въ немъ православныя монахини. Сей монастырь выстроила Преподобная Меланія. Здѣсь она препровождала свою жизнь , и скончала животъ свой; и мы поклонились гробу ея; а мощи ея увезены въ Римъ , во время Крестовыхъ походовъ. Лобызали мы и кости воина Омира , который торжественно Христа исповѣдалъ (*). Въ

(*) См. гл. 15.

семъ же монастырь сохраняется св. Евангеліе, писанное собственною рукою Преподобныя Меланіи, на пергаментѣ, и великой похвалы достойное. Мы лобызали св. Евангеліе, и потомъ пошли на свои квартиры.

41. Теперь опишу *Іерусалимъ* вообще. Кругомъ *Іерусалима* шесть верстъ; обведенъ каменною стѣною весьма высокою; имѣетъ семь вратъ: трое закладены, а четверо существуютъ. Первыя — Давидовы, или Виолеемскія; вторыя — Сіонскія, или Давидовы третьи — Геосиманскія, или Маріины, и четвертыя — Шамскія, или Дамасскія. Врата всѣ — желѣзныя; въ каждой вратахъ — гауптвахта, и по-многу стоитъ воиновъ. *Іерусалимъ* весь выстроенъ изъ тесаннаго камня; улицы узкія, но прямыя; дома высокіе, двухъ и трехъ-этажные, больше чрезъ улицу, со сводами.

42. Значительныя въ немъ постройки: первая — *Храмъ Гроба Іисуса Христа*, съ двумя куполами; кругомъ обстроенъ монастырями. Нашихъ православныхъ — пятнадцать монастырей: 1) Монастырь *Патріаршій* — во имя благочестивыхъ Царей Константина и Елены. 2) — *Аврааміевъ* — подлѣ вратъ Гроба Божія: въ немъ помѣщаютъ поклонниковъ съ женами; въ немъ есть мѣсто, гдѣ приносилъ Авраамъ сына своего Исаака на жертву. Аврааміемъ монастырь пристроенъ къ самой горѣ Голгоѣ. 3) Монастырь св. *Іоанна Предтечи*: въ немъ великая церковь трехпрестольная; въ немъ сохраняется часть порядочная отъ главы Іоанна Предтечи, Крестителя Господня, въ серебряномъ ковчегѣ, и выносятся каждую Литургію; въ немъ также помѣщаютъ поклонниковъ съ женами. 4) Монастырь — *Великая Панагія*,

въ воспоминаніе входа Божія Матери ; въ немъ живутъ однѣ монахини. 5) Монастырь *Никольскій* : въ немъ помѣщаются поклонники съ женами. 6) Монастырь св. Великомученика *Димитрія Солунскаго* : въ немъ помѣщаются поклонники безъ женъ. 7) Монастырь св. Великомученика *Феодора Тирона*. Сей монастырь — русскій: въ немъ помѣщаютъ поклонниковъ, россійскихъ подданныхъ, только мужескаго пола. 8) Монастырь *Екатериинскій*, русскій же: въ немъ помѣщаютъ русскихъ женскаго пола. 9) Монастырь *Архангельскій* : въ немъ помѣщаютъ поклонниковъ—монаховъ и мірскихъ безженныхъ. 10) Монастырь св. *Великомученика Георгія*, называемый *Большичный*: въ него помѣщаютъ поклонниковъ. 11) Монастырь св. *Василія Великаго*: въ немъ живутъ однѣ монахини. 12) Монастырь — *Малая Панагія*, или *Срътенскій* : въ немъ живутъ однѣ монахини. 13) Монастырь Преподобнаго *Евѣимія* : въ немъ живутъ монахини. 14) Монастырь св. *Великомученика Георгія*, называемый *Еврейскій* : въ немъ живутъ монахи. 15) Монастырь—*Геѳсиманское подворье*: въ немъ помѣщаютъ поклонниковъ—знатныхъ фамилій. Еще — католикоримскихъ три монастыря, армянскихъ три, коптскихъ одинъ, кабешевъ одинъ, сиріанъ одинъ. Еще есть приходскія, православныя, арабскія церкви.

43. Второе знаменитое въ Іерусалимѣ мѣсто — *Соломоновъ храмъ* ; но онъ уже до основанія разоренъ, по предсказанію Господа нашего Іисуса Христа; — что и камень на камени не останется, иже не разорится. По тому мѣсту растеть зеленая трава и кипарисовыя древа. Посреди площади выстроена прекрасная Омарова мечеть; но христіанъ въ нее не

пускаютъ , да имъ въ ней и смотрѣть нечего. Въ углѣ , гдѣ былъ Соломоновъ притворъ , также построена турецкая мечеть. Соломоновъ храмъ — удивительной величины. Самъ я измѣрилъ снаружи — сколько онъ захватывалъ мѣста : сто семдесятъ пять сажень длины , и ширины такожде , выключая пристройки. Ибо еще на двѣ стороны , на двадцать сажень , пристроены были галереи , дома и комнаты для жрецовъ , каковыя пристройки и до-нынѣ существуютъ. И было въ него семь вратъ. Двое—извнѣ града: однѣ — на востокъ , называемыя *Златыми* , въ которыя вѣхалъ Іисусъ Христосъ на жребяти осли , встрѣченный съ ваіами и вѣтвми , при гласахъ : «благословенъ Грядый во имя Господне , Царь Израилевъ : осанна въ вышнихъ!» Нынѣ онѣ закладены. Вторыя также не существуютъ. Пятеро вратъ было изнутри Іерусалима : тѣ всѣ и до-нынѣ существуютъ. Какъ семь вратъ во св. градъ Іерусалимъ : такъ семь вратъ и въ храмъ Соломоновъ. Семь вратъ было и въ Воскресенскій храмъ , ко гробу Христову ; но нынѣ существуютъ только однѣ. Третье славное во Іерусалимѣ мѣсто — *домъ Давидовъ*. Четвертое славное мѣсто—*дворецъ Царицы Елены* : выстроенъ великъ и прекрасенъ ; входы устроены изъ разноцвѣтнаго камня , и расписаны были всѣ комнаты ; но нынѣ стоятъ пустъ. Гдѣ была конюшня , — теперь конная мельница , и лежатъ великіе мѣдные котлы , въ которыхъ , сказываютъ , готовилась пища для рабочихъ , при построеніи храма , по повелѣнію Царицы Елены. Еще славенъ *Продовъ дворецъ* и *домъ Пилатовъ* , также—*Армянскій монастырь* , православный великій монастырь *Патріаршій* ; и прекрасны въ Іерусалимѣ

базары; только — ряды больше со сводами. Воды въ монастыряхъ изобильно, только вся дождевая. Довольно о семъ.

44. Поживши на квартирахъ три дня, поведены были мы во *градъ Виѳлеемъ*. Виѳлеемъ отъ Іерусалима — разстояніемъ два часа ходу, т. е. десять верстъ, прямо на югъ. Вышли мы изъ Іерусалима въ Давидовы врата, и поворотили налѣво, чрезъ долину Гинномъ, и шли по ровной дорогѣ и по прекрасному ровному полю, засѣянному разнымъ хлѣбомъ.

45. На полпути къ Виѳлеему, по лѣвую сторону дороги, — *монастырь св. Пророка Іліи*; мы зашли въ него, и приложились къ тому мѣсту, гдѣ Пророкъ Ілія спалъ, и разбудилъ его Ангелъ Господень, и сказалъ: востани, яждь, и пій, яко многъ отъ тебе путь. Онъ же воста, и яде и пи: и иде до горы Божія Хоривъ. 3 Царств. 19, 7. 8. Въ монастырѣ церковь очень великая, но бѣдная, и безъ всякаго украшенія; иконы старыя, мало что видно; но еще видно нѣсколько стѣннаго иконнаго писанія; завѣдываютъ имъ православные; но братіи очень мало: видится — прежде былъ великій монастырь. Стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ, между масличными садами, на небольшой возвышенности. Видны изъ него Іерусалимъ, Гора Елеонская, Виѳлеемъ, страна за-Іорданская и—за Мертвымъ моремъ. Мы пожертвовали въ монастырь по своей силѣ, и пошли къ Виѳлеему, уже по каменистой дорогѣ; однако хлѣбопашество есть.

46. На полпути отъ монастыря пришли на одну ниву, и наши поклонники остановились, и стали собирать камешки круглые, на-подобіе гороха, и называютъ ихъ «*окаменѣлый горохъ*». Есть между хри-

стіанами такое преданіе о семъ: При жизни Своей, Пресвятая Дѣва Богородица часто посѣщала тѣ мѣста, гдѣ совершались таинства спасенія нашего возлюбленнымъ Ея Сыномъ, гдѣ Онъ родился, гдѣ распялся, гдѣ погребенъ былъ и воскресъ, и гдѣ вознесся на небо. Во едино время шла Она тѣмъ путемъ съ Апостоломъ Іоанномъ Богословомъ посѣтить градъ Виѳлеемъ, то мѣсто, гдѣ родила возлюбленнаго Сына Своего. На той нивѣ сѣялъ одинъ еврей горохъ: Божія Матерь его привѣтствовала, и спросила его: что онъ сѣетъ? Онъ же, по злости на Сына Ея, такожде и на Нее, сказалъ Ей въ насмѣшку: «каменіе сѣю.» Она сказала: «да будетъ тако по глаголу твоему»; и претворился горохъ въ каменіе, даже и до сего дня. И точно: хотя въ Писаніи и не упоминается о томъ; однако, можно принять за истину: потому что тутъ-же, на другихъ нивахъ, рядомъ, ни одной горошины не найдешь. Да еще и то не малаго удивленія достойно — что 1800 лѣтъ собираютъ, и не могутъ выбрать. И я ради памяти немного набралъ.

47. Потомъ паки пошли въ путь. И пришли ко гробу *Рахили*, матери Іосифа прекраснаго. Надъ нимъ сдѣлана кувуклія, на-подобіе часовни: внутри лежитъ надгробный камень; и застали мы много евреевъ ядущихъ хлѣбъ. Оттуда пошли уже прямо въ Виѳлеемъ. И какъ уже стали близко подходить, то множество виѳлеемскихъ дѣтей изъ града къ намъ на встрѣчу выбѣжали, и, подбѣжавши, обступили насъ, каждого человека, по пяти и болѣе, и взялись за нашу одежду и жезлы, и начали кругомъ насъ прыгать и привѣтственными гласами пѣсни намъ припѣвать на араб-

скомъ языкѣ, и веселыми глазами намъ въ лице смотрѣть, потому что они намъ были очень рады.

48. Пришедши въ Виѳлеемъ, прошли весь градъ, и въ самомъ концѣ подошли къ великому монастырю.

49. И отворили намъ небольшую желѣзную дверь, и мы взошли во-внутрь. Встрѣтилъ насъ Виѳлеемскій Митрополитъ Діонисій съ братією, и повели насъ въ великую церковь. Потомъ повели насъ въ вертепъ, и сошли внизъ двѣнадцать ступеней, и стали кругомъ того мѣста, гдѣ родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и воспѣли громогласно отъ радости тропарь: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума: въ немъ бо звѣздамъ служащія звѣздою учахуся, Тебѣ кланялися, Солнцу правды, и Тебе вѣдѣти съ высоты Востока: Господи, слава Тебѣ!» Пропѣли трижды. Потомъ кондакъ: «Дѣва днесь Пресущественнаго раждаетъ, и земля вертепъ Неприступному приносить: Ангели съ пастырьми славословятъ, волсви же со звѣздою путешествуютъ: насъ бо ради родися Отроча младо, Превѣчный Богъ.» Потомъ самъ Митрополитъ прочиталъ Евангеліе по-русски, ибо Митрополитъ Діонисій родомъ Болгаринъ; Евангеліе читалъ о Рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа. Потомъ іеродіаконъ сказалъ эктенію, и помянулъ на эктеніи Россійскаго Императора, Николая Павловича, и наши имена. Потомъ мы лобызали святое то мѣсто, гдѣ родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Вокругъ сего мѣста горитъ осьмнадцать лампадъ неугасимыхъ, а самое мѣсто выложено мраморомъ и вызлащено. Сверхъ его сдѣланъ престолъ, и на немъ ежедневно служатъ православные Литургію. На престолѣ стоитъ великая икона Рожде-

ства Христова. Предъ ней виситъ тринадцать лампадъ, и много становятъ свѣчей. Потомъ приложились и къ яслямъ, гдѣ повить былъ Превѣчный Младенецъ: здѣсь горитъ девять неугасимыхъ лампадъ; завѣдываютъ яслями одни франки. Вдоль всего вертепа виситъ тридцать пять лампадъ великихъ, отъ христіанъ разныхъ исповѣданій. Всѣхъ же лампадъ въ вертепѣ шестьдесятъ двѣ. Потомъ вышли мы въ великую церковь, и пропѣли вечерню всю по-русски: ибо Митрополитъ Діонисій русскихъ любитъ. Потомъ пошли на гостинницу, гдѣ сдѣлали намъ угощеніе по обычаю тамошнему, и представили намъ трапезу весьма изобильную. Потомъ мы записали имена своихъ родственниковъ и благодѣтелей, и сдѣлали пожертвованіе по силѣ своей; а потомъ спали. По-утру, въ четвертомъ часу съ полуночи, зазвонили въ небольшой колоколъ, и мы встали и пошли въ церковь. И въ великой церкви отпѣли утреню не спѣша, всю по-русски, и самъ Митрополитъ читалъ по-русски. Послѣ утрени сошли въ вертепъ, и лобызали святое мѣсто, гдѣ родился Господь Іисусъ Христосъ, и ясли, гдѣ положень былъ. На разсвѣтѣ паки заблагоувѣстили, и мы паки пошли въ церковь, и прошли прямо въ вертепъ. Тамъ началась проскомидія, на мѣстѣ гдѣ родился Господь, только къ лѣвой сторонѣ. Часы читали по-русски, и всю Литургію пропѣли по-русски; Литургію служили на томъ мѣстѣ, гдѣ родился Господь, только на срединѣ; а съ выходомъ выходили, и шли вдоль пещеры, на западъ, а потомъ паки обратились на востокъ, и поставили Дары на томъ-же престолѣ. Послѣ Литургіи раздавали антидоръ, и мы прикладывались ко св. мѣстамъ. Потомъ

православные все свое забрали, икону, антиминсъ и пелены; и въ вертепъ вступили иновѣрцы. Армяне служатъ — гдѣ наши; а франки служатъ въ яслѣхъ. Послѣ Литургіи мы пошли по другимъ мѣстамъ. Недалеко отъ монастыря, съ полверсты, есть пещера, гдѣ скрывалась Богородица съ Младенцемъ, прежде бѣгства въ Египетъ.

50. Отъ Виѳлеема на востокъ полчаса ходу, версты три, есть мѣсто, гдѣ пасли пастыри овецъ, и видѣли Ангеловъ поющихъ: « Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе! » Тамъ есть садочекъ, и въ немъ церковь; содержатъ православные арабы; не далеко и селеніе ихъ. И мы когда ходили тамъ, видѣли пастырей, пасущихъ овецъ, и одежду такую-же косматую имущихъ.

51. Потомъ мы возвратились въ Виѳлеемъ, гдѣ насъ и угостили; потомъ пошли разсматривать великую церковь. Церковь весьма велика и обширна. Сорокъ столбовъ только въ притворѣ поддерживаютъ верхъ, да въ настоящей двѣнадцать столбовъ, исключая поперечныхъ стѣнъ; и по всему храму виситъ до четырехсотъ лампадъ, и много паникадилъ, и весь храмъ расписанъ и изукрашенъ мусією, притворъ — разными цвѣтами и древами, а настоящая вся — иконами; украшенъ мусією отъ Царя Греческаго Іустиніана Великаго. Здѣсь изобличается клевета россійскихъ раскольниковъ, моихъ соотечественниковъ, называющихъ себя старообрядцами, которые порицаютъ Св. Церковь, якобы новое внесено именованное благословеніе. Пусть они размыслятъ: когда былъ Царь Іустиніанъ Великій? При немъ былъ пятый Вселенскій Соборъ: тому уже болѣе тысячи трехсотъ лѣтъ.

А до-днесъ въ Виѳлеемѣ, въ великой церкви, на стѣнахъ много иконъ, а наипаче на восточной стѣнѣ; подъ самымъ верхомъ, изображены три великія иконы: Входъ во Іерусалимъ, Преображеніе, Воскресеніе Господне; и всѣ сіи иконы съ благословящими руками именословно изображены, не красками написаны, но мусіею изображены. А если бы раскольники сказали, что это послѣ изображено: то извѣстно всему свѣту, что Іерусалимъ находится подъ тяжкимъ игомъ магометанскимъ болѣе тысячи ста лѣтъ, подъ которое подпалъ еще во время святѣйшаго Патріарха Софронія Іерусалимскаго; и до-днесъ находится въ пограніи у поганныхъ турокъ; не только ничего не позволяютъ устраивать въ немъ, но остальное разрушается: прежде былъ весь храмъ изукрашенъ; нынѣ же осталось только въ самомъ верху, а внизу все арабы отколупали, да и продаютъ поклонникамъ; и я купилъ больше сотни. А больше половины храма почти въ запустѣніи: ибо весь притворъ сдѣлался игрищемъ дѣтямъ и дворомъ для людей всѣхъ вѣръ. Оттуда входъ въ православный греческій монастырь, также въ армянскій и франкскій монастыри. Настоящимъ храмомъ, серединою и правою стороною, завѣдываютъ православные; лѣвою стороною завѣдываютъ армяне; а франки за стѣною имѣютъ свою церковь. Покрѣтъ весь храмъ свинцовыми плитами, и поставлены на верху кресты, и звонятъ въ небольшіе колокола: потому что въ Виѳлеемѣ турокъ нѣтъ ни единого, и жители Виѳлеема всѣ христіане, только разныхъ исповѣданій; большая часть православные, а прочіе — католическаго и армянскаго исповѣданія. Виѳлеемскіе жители отмѣнены отъ жителей другихъ

мѣсть Палестины правомъ, одеждою, чистотою и обхожденіемъ : уважительны и благообразны. У нихъ всѣ дѣти ежедневно ходятъ въ училище, мальчики и дѣвочки. Почти весь Виѳлеемъ знаетъ по-русски; потому что они всѣ—мастера, работаютъ иконы, кресты и четки перломутовые : а русскіе больше всѣхъ покупаютъ; потому они по-русски и учатся ; а кто по-русски не знаетъ, тотъ ничего и не продастъ. Итакъ мы , посѣтивши Виѳлеемъ , возвратились въ Іерусалимъ, и праздновали въ своемъ монастырѣ храмовый праздникъ, ноября 8-го , св. Архангеловъ и прочихъ небесныхъ Силъ. Было торжество порядочное. Великую вечерню, утреню и Литургію служилъ Севастійскій Митрополитъ съ архимандритами , игуменами и множествомъ священниковъ и діаконъ. Пѣвцы были dobroglasnye изъ Патріаршаго монастыря. Горѣло множество неугасимыхъ, серебряныхъ великихъ, лампадъ ; и великое было стеченіе народа. Послѣ Литургіи подавали по чашѣ вина и закуски ; и пошли по своимъ келіямъ.

52. Потомъ пошли мы въ *Лавру Саввы Освященнаго*. Вышли изъ Іерусалима въ Давидовы врата , и пошли налѣво, внизъ по долину, называемой Геенна, прошли мимо прудовъ Давидовыхъ и села Скудельнича ; остались они у насъ въ правой рукѣ , а гора Сіонъ и колодезь Іоавль — въ лѣвой. Потомъ пошли по Юдоли плачевной , и шли шесть часовъ , по-русски — тридцать верстъ , шли , ничего не видали , ни селенія , ни града, — была самая дикая пустыня, — ни травы, ни лѣсу, но голыя горы и острое каменіе. Только видѣли въ правой рукѣ развалины монастыря Преподобнаго Θεодосія , общихъ житій начальника.

Уже близки были окрестности Содома и Гоморры, и намъ наскучило даже смотрѣть на плачевныя мѣста, да уже и приустояли; ибо былъ великій зной, а воды нѣтъ. Вдругъ изъ-за горы показалась намъ св. Лавра.

53. Увидавши кресты на соборной церкви, мы возрадовались. Отцы, увидавши насъ изъ Лавры, начали звонить въ колокола; звонъ очень порядочный. Когда мы подошли ко вратамъ, — не скоро насъ пустили. Ибо пускаютъ съ осторожностію, потому что боятся арабовъ. Прежде осмотрѣли кругомъ башни: нѣтъ ли гдѣ близко арабовъ. Потомъ отворили намъ маленькую желѣзную дверь, въ которую едва съ нуждой пролѣзли. Когда вошли, — думали что уже въ монастырѣ; но посмотрѣли, а еще нѣтъ. Когда мы всѣ взобрались, тогда первую дверь заперли, и стали другую отпирать, подобную первой. Когда вошли внутрь Лавры, — встрѣтилъ насъ игуменъ съ братіей, и много насъ привѣтствовалъ. Потомъ ввели насъ въ великую соборную церковь, въ воспоминаніе благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Храмъ богатый, убранный на-подобіе аѳонскихъ. Иконостасъ новый, рѣзбенной работы, и вызлащенный; иконы всѣ россійскія, высокой греческой работы, писаны въ Москвѣ. Мѣстныя — всѣ въ серебряныхъ вызлащенныхъ ризахъ. Паникадила и подсвѣчники — всѣ изъ Россіи. Потомъ вынесли св. мощи св. Ксенофонта, чадъ его Аркадія и Іоанна, и Преподобнаго Іоанна Дамаскина, не цѣлокупныя, но только части и главы ихъ. И мы лобызали ихъ. Потомъ пошли на гостиницу, и сдѣлали намъ угощеніе по ихъ обычаю. Потомъ повели насъ и по прочимъ мѣстамъ. Прежде пошли въ часовню, и поклонились гробу Преподобнаго отца, Саввы Освя-

щеннаго, основателя св. Лавры, но мощей его нѣтъ: во время Крестовыхъ походовъ увезены въ Венецію. Потомъ пошли въ его нерукотворенную церковь, сдѣланную въ пещерѣ. Тамъ лежитъ множество костей и главъ Преподобныхъ отецъ, избіенныхъ отъ арабовъ. И мы, поклонившись, вышли, потомъ пошли въ келлію Іоанна Дамаскина, гдѣ онъ писалъ свои сочиненія. Тамъ сдѣлана малая церковь. Потомъ ходили и по прочимъ церквамъ и келліямъ, коихъ множество; какъ въ ульѣ — пчельныхъ гнѣздъ, такъ и тамъ — монашескихъ келлій: иныя въ горѣ высѣчены, иныя въ пещерахъ сдѣланы; имѣетъ каждая келлія свѣтъ отъ нѣ. Воду пьютъ дождевую, собираютъ въ колодези, и нужды не имѣютъ. И еще есть вода подъ самой Лаврою, въ юдоли, въ пещерѣ, самотекущая, испрошенная отъ Бога св. Саввою. Но нынѣ тамъ не берутъ воды, страха ради арабовъ. Мы ходили туда съ великою опасностію. Для насъ спускали лѣстницу, и мы, напившись за благословеніе, скоро убрались назадъ, дабы не увидали арабы. Скоро заблиговѣстили къ вечернѣ, и мы пошли въ церковь. Вечерню правили по уставу св. Горы Аѳонской, чинно, кротко, не борзясь. Стихиры пѣли всѣ съ канонархомъ. На стиховнѣ такожде всѣ подходили прикладываться къ иконамъ. Послѣ вечерни позвали насъ въ трапезу, и представили пищу порядочную, по обычаю монастырскому. Потомъ читали повечеріе. Съ полунощи пошли въ церковь, и отстояли утреню, безъ расхода — и Литургію, и паки лобызали св. мощи. Послѣ угощенія на гостинницѣ, прохаживались по монастырю и разсматривали. Монастырь прекрасный; стоитъ надъ самою Юдолю Плачевною; братіи

не много, около человекъ пятидесяти; живутъ общегително, всегда въ заперти; женамъ входа нѣтъ; трапеза всегда бываетъ единожды въ день, и та — болѣе постная. Послушанія почти нѣтъ, только развѣ что ради трапезы. Руководѣіемъ въ келліяхъ занимаютъся, каждый по своей волѣ: кто изъ камня дѣлаетъ чашицы, солонишки, кто — четки. Пропитаніе имѣютъ отъ поклонниковъ, а чего не достанетъ, то дополняетъ іерусалимская патріархія. Причащаютъ Святыхъ Таинъ каждую седмицу, по-святогорски. Отъ Мертваго моря Лавра отстоитъ на три часа ходу, а отъ Іерусалима на шесть часовъ, на юговостокъ.

54. Возвратившись въ Іерусалимъ, и поживши не много, пошли мы въ *Крестный монастырь*. Паки вышли въ Давидовы врата, и пошли на югозападъ отъ Іерусалима. Черезъ часъ хода, пришли къ вратамъ монастыря, и не скоро насъ впустили, страха ради арабовъ. Потомъ отперли намъ маленькія желѣзныя двери, и впустили насъ во дворъ, но еще не въ монастырь. Потомъ еще отворили малыя желѣзныя двери, и впустили, и ввели прямо въ соборную церковь; и мы поклонились на мѣстѣ, гдѣ расло крестное древо, которое срубилъ Царь Соломонъ (*). На самомъ томъ мѣстѣ стоитъ престолъ, а подъ престолъ есть ходъ, и тамъ берутъ землю. Церковь велика и прекрасна, и вся расписана иконнымъ стѣннымъ писаніемъ, весьма древнимъ. Полъ весь выстланъ мусіею. Многократно поганые арабы монаховъ здѣсь вырѣзывали; до-днесь замѣтна на полу запекшаяся кровь. Выстроенъ монастырь грузинскими царями.

(*) См. ниже гл. 198.

Стоить на прекрасномъ мѣстѣ, на небольшой долинь.

55. Оттуда пошли въ *Горняя*, отъ Крестнаго монастыря, на западъ, два часа ходу. Взошли во градъ *Горняя*, и прямо въ монастырь, которымъ завѣдываютъ католики; и ввели насъ въ церковь, и показали мѣсто, гдѣ родился Іоаннъ Предтеча; и мы, поклонившись, лобызали то мѣсто. Надъ нимъ сдѣланъ престолъ. Потомъ осмотрѣли весь храмъ, который богато убранъ, по католическому обычаю. По стѣнамъ расписанъ стѣннымъ писаніемъ: изображена вся жизнь Іоанна Предтечи. Гдѣ нѣтъ стѣннаго писанія, — стѣны покрыты шелковою матеріею. Во всемъ градѣ арабы — католическаго исповѣданія. Сей монастырь выстроенъ не въ домѣ Захаріинѣ, но на мѣстѣ, гдѣ родился Іоаннъ Предтеча. Вышедши изъ монастыря, пошли въ *домъ Захаріинъ*, гдѣ цѣловала Божія Матерь святую Елисаветъ: домъ стоитъ пустъ, остались только основаніе, подвалы и мало стѣнъ.

56. Потомъ пошли еще на западъ, на одинъ часъ ходу, и пришли въ *пещеру*, гдѣ скрывалась св. Елисаветъ съ младенцемъ Іоанномъ Предтечею, гдѣ и скончалась. Здѣсь-же проживалъ св. Іоаннъ Предтеча до совершеннаго возраста своего, питаемый Ангеломъ. Пещера сія пречудная. Пониже пещеры, на сажень, истекаетъ источникъ воды, весьма доброй и холодной; и мы вкусили хлѣба, и попили св. воды Іоанна Предтечи, Крестителя Господня. И возвратились къ вечеру паки въ Іерусалимъ. Градъ *горняя* стоитъ въ горахъ, на самомъ хребтѣ; отъ него видно Средиземное море и за-іорданскія горы: а отъ Іерусалима — три часа ходу, т. е. 15 верстъ, на западъ.

57. И поживши не много, пошли на *источникъ*, гдѣ Филиппъ Апостолъ крестилъ каженика, — отъ Іерусалима на югозападъ; шли мимо Крестнаго монастыря, по пути, ведущему въ Газу, отъ Іерусалима — три часа ходу. Дошедши, здѣсь поѣли хлѣба, попили воды, иные купались; воды много, — источникъ и прудъ. Нынѣ этотъ путь до конца запустѣлъ. Есть на пути томъ поле, гдѣ посѣяна при насъ была пшеница; на нивѣ стоятъ два столпа мраморныхъ. Мы спросили своего провожатаго, игумена Θεодоровскаго монастыря: « что это значить? » Онъ намъ сказалъ: « на сей нивѣ стирали Апостолы руками класы въ субботу. » Потомъ мы паки возвратились въ Іерусалимъ.

58. Послѣ пошли во градъ *Хевронъ*, гдѣ гробы Авраама, Исаака и Іакова, и къ *дубу Мамврійскому*. Шли мимо *Внѣлеема* и мимо *прудовъ Соломоновыхъ*. Пруды отъ Внѣлеема три часа, отъ Іерусалима пять часовъ, а до Хеврону три часа ходу. Изъ Соломоновыхъ прудовъ проведена вода трубами мимо Внѣлеема въ Іерусалимъ. Недалеко отъ прудовъ есть монастырь св. Великомученика *Георгія*: въ немъ сохраняются и вериги его. Кругомъ монастыря — все патріаршескіе виноградники. Дошли до дуба Мамврійскаго: стоитъ на ровномъ мѣстѣ, одиннадцать аршинъ толщины, и весьма зеленъ, не очень высокъ, но весьма широкъ. Сажени на двѣ къ верху — стволъ одинъ, потомъ раздѣлился на трое, а верхняя отрасль раздѣлилась на четверо. Итакъ, въ немъ есть таинственное прообразованіе: прообразуетъ Святую Троицу и четырехъ Евангелистовъ. Близъ дуба есть фундаментъ: по три и по четыре аршина лежатъ тесанные

камни. Это, говорят, основаніе дома, бывшаго на мѣстѣ шатра Авраамова, въ которомъ онъ принялъ Господа съ Ангелами. Арабы хевронскіе дубъ весьма строго хранятъ, не даютъ даже листочка сорвать. А ко гробамъ Авраама, Исаака и Іакова, никогда христіанъ не допускаютъ: потому что надъ ними турецкая мечеть. Хевронъ отъ Іерусалима разстояніемъ — восемь часовъ ходу, т. е. сорокъ верстъ. Потомъ паки возвратились въ Іерусалимъ.

59. Проживая въ св. градѣ Іерусалимѣ, во своихъ монастыряхъ, почевать часто стали ходить ко гробу Христову, по-утру — къ Литургіи въ Геѳсиманію, ко гробу Богородицы, по Литургіи — на Елеонскую гору. Потомъ паки возвращались въ свой монастырь, и вкусивши хлѣба, выходили за Давидовы врата. Часто ходили на село *Скудельниче*, и по гробовымъ пещерамъ, наполненнымъ костями человѣческими. Тамъ есть великій ровъ, гдѣ плакалъ св. Апостоль Петръ о своемъ отверженіи. Тамъ въ одной пещерѣ была церковь св. Онуфрія, и до-нынѣ видно стѣнное иконное писаніе. Но нынѣ на селѣ Скудельничѣ никто не погребается.

60. Повыше села Скудельнича, на самой горѣ, въ развалинахъ — монастырь св. *Модеста*, Патріарха Іерусалимскаго. Еще есть за Дамасскими вратами, въ правой рукѣ близъ стѣны Іерусалимской, самородная большая пещера, гдѣ якобы спалъ Пророкъ Варухъ семьдесятъ два года; и до-днесь называется *Варухова пещера*.

61. И такъ ежедневно прохаживались кругомъ Іерусалима. А наипаче любили ходить за Давидовы врата — встрѣчать новыхъ поклонниковъ. Въ Іерусалимѣ

вошло въ обычай: передъ вечеромъ выходятъ жители и поклонники за Давидовы врата — привѣтствовать новыхъ поклонниковъ. И каждый день бываютъ приходящіе: ибо отъ четырехъ концевъ вселенныя собираются на средину земли, гдѣ Господь спасеніе содѣлалъ; христіане стекаются ко гробу своего Спасителя, Іисуса Христа, разныхъ вѣръ и разныхъ языковъ. Многіе оставляютъ свои дома, свои семейства, имѣніе и отечество; иные путешествуютъ со всѣми семействами, женами и малыми дѣтьми, еще ссущими млеко. Иные — уже престарѣлые и съ трясущимся тѣломъ: не смотря на все сіе, вознамѣрились посѣтить св. градъ Іерусалимъ и поклониться гробу своего Спасителя, Іисуса Христа. И съ нами въ корабль много было такихъ: когда подымется волненіе, — по три и по четыре дня лежатъ полумертвые, только и просятъ Господа Бога, да сподобить имъ живымъ достигнуть до Іерусалима, да поклонятся живоносному Его гробу. И всѣ сіи входятъ въ Іерусалимъ съ необычайною радостію и веселіемъ, и отъ радости плачутъ, руки горѣ поднимаютъ, крестятся, благодарственными гласы восклицаютъ, и народу пшешедшему изъ Іерусалима поклоняются, и народъ ихъ привѣтствуетъ; и я грѣшный, смотря на это, не могъ удерживаться отъ слезъ; потому и любилъ туда ходить. И воздавалъ я хвалу и благодареніе Господу Богу, что сподобилъ меня быть во св. градъ Іерусалимъ, видѣть святыя мѣста, и лобызать ихъ своими скверными устами. Великая была въ семъ радость и утѣшеніе. Но часто приходила великая скорбь, и проливалъ я слезы о томъ, какъ мнѣ будетъ разлучиться со святыми мѣстами, какъ оставить святыи градъ

Іерусалимъ? Обаче, гдѣ ни буду, всегда буду повторять пророческое слово: *аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя.* Пс. 136, 5.

Въ первую недѣлю Филиппова поста постились, и всю седмицу каждую ночь ночевали во храмѣ Гроба Божія; въ субботу причастились Святыхъ Таинъ на гробѣ Христовѣ.

62. Декабря 5-го дня, повѣстили поклонникамъ, чтобы шли ночевать всѣ въ храмъ ко гробу Божію. Мы повечеряли, и пошли. Когда взошли въ великую церковь, — вдругъ увидѣли странное видѣніе, удивленія достойное. Вся кувуклія кругомъ гроба Божія обставлена разными иконами и крестами, всѣ въ окладахъ серебряныхъ и золотыхъ, и украшены разными дорогими камнями и жемчугомъ, и разными цвѣтами и фигурами; и обвѣшена вся кувуклія серебряными и позлащенными лампадами. Надъ дверями Гроба Божія повѣшена лампада, которой описать не могу: говорятъ, что больше милліона стоитъ: пожертвована Россійскимъ Императоромъ, Николаемъ Павловичемъ; сдѣлана изъ чистаго золота, украшена драгоценными камнями, и весьма велика, — съ пятью великими стаканами. Еще становятся четыре великія свѣчи. Лампада виситъ на четырехъ златыхъ цѣпяхъ; только дважды въ годъ и вывѣшивается, — на день Святителя Николая и на Пасху. Весь куполъ надъ гробомъ Божіимъ, вся Воскресенская церковь и гора Голгоѳа, изукрашены были лампадами. Кругомъ кувукліи гроба Божія, кромѣ лампадъ, стояли въ пять рядовъ свѣщи бѣлаго воску. Предъ вечеромъ всѣ зажгли. Пришло турецкое воинство для стражи и самъ паша. Потомъ въ великомъ алтарѣ все духовенство

облачилось въ священную одежду, двѣнадцать мальчиковъ въ стихаряхъ, взяли всѣ по подсвѣчнику со свѣщею зажженною; семь діаконѣвъ съ трикиріями и дякиріями; священники, архимандриты, игумены и діаконѣвъ взяли овыя кресты, овыя—Евангелія, овыя — рипиды, одинъ взялъ патріаршую мантию, другой — патріаршій жезлъ, овыя — прочія иконы, а воины очищали путь; и пошли изъ алтаря встрѣчать свѣтѣйшаго Патріарха.

63. И пошли кругомъ кувукліи, и потомъ къ мѣсту Снятія со креста. И стало духовенство отъ мѣста Снятія до вратъ церковныхъ въ два ряда: мальчики съ подсвѣчниками—кругомъ Снятія, а пѣвцы за ними. И зажгли кругомъ Снятія на подсвѣчникахъ свѣщи свои христіане разныхъ исповѣданій, такожде и кругомъ Божія гроба. Вотъ идетъ Патріархъ: впереди его идутъ турки съ жезлами, и очищаютъ ему путь; за нимъ шли Архіереи, по-два въ-рядъ. Когда возшелъ Патріархъ въ храмъ, то подшелъ прямо къ Снятію, и сотворивши два поклона до земли, лобызалъ св. мѣсто, и паки сотворилъ одинъ поклонъ. Потомъ надѣли на него мантию, а пѣвцы запѣли «*достойно есть*», и стали прикладываться прочіе Архіереи. Потомъ пошли мальчики впередъ, а за ними и прочіе, прямо ко гробу Божію, и тамъ остановились, пока Патріархъ съ Архіереями сходилъ и приложился къ гробу Божію. Потомъ пошли въ Воскресенскую церковь. Патріархъ сталъ на свою каѳедру, и поставили противъ него подсвѣчникъ съ великою свѣщею. А Митрополиты, Архієпископы и Епископы, прошли прямо въ алтарь.

64. Начали благовѣстити къ вечерни въ разныя

доски, разными переборами; сдѣлали три перебора, и благовѣстили цѣлый часъ, и весьма было пріятно слушать. Начали великую вечерню. «*Блаженъ мужъ*», всѣ три псалма, пѣли на-распѣвъ; такожде и стихиры пѣли всѣ распѣвомъ. Во время пѣнія стихиръ начали выходить изъ алтаря, по-два, прежде архимандриты, потомъ игумены, священники и діаконы: выходятъ предъ царскія врата, кладутъ по-два поклона въ-поясъ, и одинъ въ-землю; потомъ подходятъ къ Патріарху, и покланяются ему до земли; потомъ возмуть отъ него благословеніе, и цѣлуютъ руку его, и паки покланяются до земли; потомъ отходятъ въ алтарь и облачаются. Когда начали пѣть *славу*, тогда пошли на входъ. Впереди шли турки, раздвигали народъ; потомъ шли двѣнадцать мальчиковъ въ стихаряхъ, съ подсвѣчниками; за ними діаконы несли патріаршій жезлъ, великій запрестольный крестъ, двѣ рипиды; семь діаконовъ шли съ трикиріями и дикиріями, два діакона съ кадилами, а прочіе со свѣчами; за ними шли священники, съ опущенными руками; потомъ шли игумены; позади ихъ — архимандриты. Всѣхъ вышло болѣе ста человекъ, и сдѣлали великое полукружіе. Когда діаконъ возгласилъ «*Премудрость, прости*», то «*Свѣте тихій*» запѣлъ самъ Патріархъ, а съ нимъ и прочее духовенство, и пѣли на-распѣвъ, протяжно. Потомъ, по-два, начали входить: прежде покланялись Патріарху, а потомъ на обѣ стороны, и входили въ алтарь; діаконы въ царскихъ вратахъ кадили входящихъ. Когда пришло время, — пошло на литію, въ царскія врата, все духовенство, держа въ рукахъ великія бѣлаго воску свѣчи. Впередъ пошли мальчики съ подсвѣчниками, за ними

седмь діаконовъ съ трикиріями и дикиріями, двое съ рипидами, одинъ съ жезломъ патріаршимъ, а прочіе со свѣщамъ; за ними священники, игумены и архимандриты; за ними Епископъ, а позади Митрополиты. Первую стихирѹ пѣлъ самъ Патріархъ, прочія стихиры Митрополиты пѣли, а прочія по обычаю. Послѣ стихирѣ Патріархъ благословилъ хлѣбы, пшеницу, вино и елей. По отпустѣ вечерни, затворили врата церковныя. Патріархъ съ Архіереями остался въ храмѣ ночевать. Свѣщи погасили, а лампы оставили горѣть на всю ночь. Кругомъ кувуклія гроба Божія горѣло четыреста лампадъ серебряныхъ; еще зажигали на вечерни двѣсти свѣчей бѣлаго воску. Надъ гробомъ Божиимъ, по всему куполу, горѣло пятьсотъ лампадъ хрустальныхъ. Въ Воскресенской церкви горѣло до тысячи лампадъ разныхъ. На вечерни зажигали три паникадила, по пятидесяти свѣчей на каждомъ. На Голгоѣ горѣло болѣе ста лампадъ разныхъ. И такъ, всю ночь горѣло болѣе двухъ тысячъ (*). Это совершалось торжество за здравіе и спасеніе Благочестивѣйшаго Россійскаго Императора, Николая Павловича. Мы, русскіе, взявши благословеніе отъ Патріарха, собрались всѣ на Голгоѣ, и пропѣли канонъ съ акаѣстомъ честному Кресту, потомъ канонъ съ акаѣстомъ Пресвятѣй Богородицѣ, а потомъ пропѣли канонъ съ акаѣстомъ Святителю Николаю. И такъ проводили вечеръ до десяти часовъ.

65. Въ десять часовъ начали благовѣстити на утреню въ разныя доски, разными переборами; и сошелъ

(*) См. ниже гл. 199.

Патріархъ, и сталъ на свою кафедру, а прочіе Архіереи прошли въ алтарь. Зажгли всѣ свѣщи на паникадилахъ и кругомъ Божія гроба. Утреня продолжалась шесть часовъ. Потомъ начали Литургію на самомъ Божіемъ гробѣ. Служилъ Патріархъ съ двумя Митрополитами, и много было архимандритовъ съ игуменами и священниковъ съ діаконами; и была Литургія самая торжественная. Кругомъ Христова гроба не одна тысяча христіанъ возсылали ко Господу теплыя молитвы о благочестивѣйшемъ Россійскомъ Императорѣ, Николаѣ Павловичѣ. Въ концѣ Литургіи, архимандритомъ говорена была проповѣдь, на греческомъ языкѣ, о томъ, что это торжество и молитвы совершаются за благочестиваго Россійскаго Императора, Николая Павловича, попечителя и покровителя св. града Іерусалима и живоноснаго Христова гроба. Между прочимъ говорилъ: «вы, здѣсь собравшіеся отъ четырехъ странъ вселенныя, разныхъ родовъ, разныхъ языковъ, всѣ чада единыя Святыя Соборныя Апостольскія Христовы Церкви, всѣ вы должны принести ко Господу теплыя молитвы, на семъ святомъ мѣстѣ, гдѣ совершались великія таинства, и проливалась кровь Спасителя нашего Іисуса Христа, нашего ради спасенія, — да подастъ Господь Богъ благочестивѣйшему Россійскому Императору, Николаю Павловичу, тѣлесное здравіе и душевное спасеніе, и да покорить подъ нозѣ его всякаго врага и супостата.» Греки возглашали: «Аминь.» Говорилъ проповѣдь цѣлый часъ; которые понимали языкъ, тѣ всѣ плакали отъ умиленія, что весьма превознесъ Россійскаго Императора, Николая Павловича, благочестіе и усердіе ко Святой Соборной Апо-

стольской Христовой Церкви. По окончаніи Литургіи, пошли всѣ въ патріархію, и тамъ было всѣмъ поклонникамъ угощеніе. Въ Іерусалимѣ много славится имя Царя Русскаго; а изъ Іерусалима разносятъ во всю вселенную, что-де есть на сѣверѣ сильное христіанское Царство, и есть православный Царь, который сіяетъ своимъ благочестіемъ, и просвѣщаетъ всю вселенную.

66. Декабря 23-го числа, пошли мы, русскіе, всѣ въ Виѳлеемъ, и тамъ вечерню и утреню всю пѣли и читали по-русски; такожде и Литургію, 24-го числа, раннюю, служили въ вертепѣ всю по-русски. Потомъ мы въ вертепѣ прочитали два акаѳиста, Іисусу и Богородицѣ, и послѣ ходили вокругъ Виѳлеема.

67. Въ десятомъ часу дня начали благовѣстити въ колокольчикъ, и мы всѣ собрались въ великую церковь. Митрополитъ Виѳлеемскій Діонисій и всѣ священники и діаконъ облачились во всю священную одежду. Митрополитъ взялъ икону Рождества Христова; прочіе взяли — кто Евангеліе, овые — кресты, иные — иконы; семь діаконъ были съ трикиріями и дикиріями, два діаконъ съ кадилами, и было много подсвѣчниковъ. Впереди понесли двѣнадцать хоругвій и шесть фонарей; и пошли встрѣчать Іерусалимскаго Патріарха, и дошли до виѳлеемскаго базара; а навстрѣчу намъ шелъ Патріархъ со многими Митрополитами и Архіереями, и съ прочими священными лицами и множествомъ народа. Патріархъ ѣхалъ верхомъ на богато убранномъ конѣ. Велъ коня одинъ янычаръ, богато убранный. Кругомъ Патріарха шли двѣнадцать діаконъ пѣшіе. Позади ѣхали Митрополиты и Архіереи, также на коняхъ. За Владыками

ѣхалъ самъ Паша съ консулами, россійскимъ и греческимъ, и съ прочими военачальниками; впереди же и позади шло турецкое воинство, и было множество всадниковъ арабовъ, которые по странамъ безпрестанно скачутъ, и стрѣляютъ изъ ружей, въ честь Патріарха. Такожде шло множество народа, впереди и позади; были всѣ поклонники; былъ, можно сказать, весь Іерусалимъ и вся Палестина. Стеченіе народа было необыкновенно великое: потому что Патріарха въ Іерусалимѣ не было уже не одно столѣтіе, а всегда Патріархи проживали въ Константинополѣ. Это первый годъ случилось ему быть въ Іерусалимѣ, и пріѣхать въ Виѳлеемъ на праздникъ Рождества Христова. Когда Патріархъ подѣхалъ и слѣзъ съ коня, то надѣли на него мантию; онъ приложился къ иконѣ Рождества Христова, и шелъ пѣшій до самаго монастыря, съ пѣніемъ и при безпрестанной пальбѣ. Два діакона безпрестанно его кадили. Взошедши во храмъ, прошелъ прямо въ вертепъ, и приложился къ мѣсту, гдѣ Господь родился, и къ яслямъ, гдѣ положень былъ. Потомъ паки взошелъ въ великую церковь, сталъ на своей каѳедрѣ, и началъ *Царскіе часы*. На часахъ стихиры всѣ пѣли нараспѣвъ. Первое Евангеліе читалъ самъ Патріархъ, а прочія Евангелія читали Митрополиты. И былъ весь храмъ увѣшанъ свѣтильниками; горѣло болѣе тысячи лампадъ разныхъ, серебряныхъ и хрустальныхъ. Послѣ *часовъ* начали вечерню, потомъ Литургію; послѣ Литургіи всему народу была общая трапеза. Всю ночь полонъ храмъ былъ народа, и горѣли всѣ лампы; а наипаче вертепъ былъ преисполненъ народомъ.

68. Была тѣснота и духота великая: всѣ шли туда

потому, что тамъ въ тѣ самые часы, когда родился Иисусъ Христосъ, якобы качаются православныхъ лампы, на томъ мѣстѣ, гдѣ родился Господь. Я самъ того не видалъ, и тамъ не былъ: ибо не могъ стерпѣть тѣсноты и духоты; но о томъ отъ самого Митрополита Виѳлеемскаго Діонисія слышалъ. Онъ сказывалъ такъ: «Я здѣсь много лѣтъ живу, и никогда не случилось мнѣ въ это время быть въ Вертепѣ, и видѣть это чудо, а только слышалъ отъ прочихъ. Но, въ 1843 году, здѣсь былъ поклонникъ, Россійскій Князь С. Онъ меня попросилъ, чтобы съ нимъ сходить въ вертепъ, и посмотрѣть на это чудо. Я пошелъ съ нимъ; мы помолились и посидѣли. Потомъ, вдругъ начали качаться лампы болѣе и болѣе, и я тому много удивлялся. Князь же С. много плакалъ, и прославлялъ Бога. И то было дивно, что качались лампы однихъ православныхъ; а иновѣрныя тутъ-же рядомъ висятъ, но ни одна не пошевелилась. И мнѣ другіе говорили, что никогда такъ не качались сильно и долго; въ другое время — едва только можно замѣтить.» Потомъ еще Митрополитъ намъ сказалъ: «Это чудо Господь показалъ ради Князя С. и ради его благочестивой души: я въ Іерусалимѣ живу болѣе сорока лѣтъ, но такого благочестиваго, смиреннаго и кроткаго поклонника не видалъ. Воистинну онъ приходилъ въ Іерусалимъ ради Бога: хотя и великое лицо, но во всемъ подражалъ смиренію Іисуса Христа, и былъ здѣсь яко агнецъ незлобивъ, не отверзая много устъ своихъ, но только своими слезами омывалъ святыя мѣста; хотя и молодой человекъ, но разумъ его сѣдинами украшенъ.»

69. Въ четыре часа ночи, т. е. въ десять часовъ

вечера, начали звонить къ утрени, и зажгли всѣ паникадила и свѣщи, и сдѣлался храмъ яко огненный. На утрени мало что читали, а больше пѣли. Когда начали пѣть антифоны, тогда Патріархъ со всѣмъ духовенствомъ, во всемъ полномъ облаченіи, имуще въ рукахъ великія свѣщи, пошелъ въ вертепъ; и тамъ прочитали Евангеліе, пропѣли псаломъ « Помилуй мя Боже » и стихиру, и были три ектеніи, и была ектенія за Россійскаго Императора, Николая Павловича, и за всю Фамилію Его, какъ бываетъ на литіи. Когда начали пѣть канонъ весь на-распѣвъ, тогда начали и крестный ходъ, кругомъ великой церкви, но не внѣ, а внутри, сквозъ вертепа, и обошли трижды. Пѣли на два клироса: первый — по-арабски, а второй — по-гречески. И оглашался весь храмъ пѣніемъ. Впереди носили двѣнадцать хоругвий, носили въ стихаряхъ. Передъ каждою хоругвью шелъ мальчикъ въ облаченіи, и несъ подсвѣчникъ со свѣщею; за хоругвями шелъ хоръ пѣвчихъ арабскій; потомъ несли шесть фонарей и шесть рипидъ; потомъ несли крестъ; потомъ шли сорокъ діаконѡвъ и сто священниковъ. За ними шелъ хоръ пѣвчихъ греческій, потомъ — игумены, а послѣ — архимандриты; и шли всѣ, по-два въ-рядъ, со свѣщами. За архимандритами шли седмъ діаконѡвъ съ трикиріями и дикиріями; за діаконами Митрополиты несли икону Рождества Христова; передъ нею шли два діакона съ кадилами; потомъ шли и прочіе Архіереи. За ними шелъ Патріархъ, несъ на главѣ небольшую икону, и поддерживаемъ былъ двумя архимандритами. Впереди два діакона безпрестанно кадили Патріарха. За Патріархомъ несли великую хоругвь, а потомъ шли и

прочіе, и ходили тихо и благообразно. Сіе во всю жизнь мою въ первый разъ Богъ привелъ посмотриѣть. Какъ только кончили крестный ходъ, то одинъ іеромонахъ съ діакономъ въ вертепѣ начали служить раннюю Литургію; но только весьма трудно было служить, отъ великаго жару и духоты, такъ что служащій не могъ даже и возгласовъ сказывать; а потъ съ лица его текъ, какъ вода, и діаконовъ безпрестанно подавалъ ему платокъ—отирать лице; также лампы и свѣщи не могли горѣть; и я всячески старался отстоять Литургію, но не могъ. Когда священникъ причастился, то взяли дары и антиминосъ, икону и одежду съ мѣста, гдѣ родился Господь, и пошли всѣ вверху въ придѣлъ Святителя Николая, и тамъ кончили Литургію. А въ вертепѣ заступили мѣсто еретики: даже не дали и приложиться, пока не кончили свое служеніе. Въ великой же церкви утренняя продолжалась восемь часовъ. Послѣ утрени началась и Литургія. Служилъ самъ Патріархъ всѣмъ соборомъ. На Литургіи читали Евангеліе на разныхъ языкахъ, съ перезвонами, какъ бываетъ на Пасху. Три Евангелія читали по-славянски. Была говорена великая проповѣдь. По окончаніи Литургіи пошли всѣ лобызать святое мѣсто, гдѣ родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и ясли, гдѣ положенъ былъ. Потомъ затворили всѣ врата монастырскія, и только во едины врата стали выпускать народъ; и каждому давали по единой чашѣ вина и по единому хлѣбу и по полуфунту сыру; и пошли каждый въ свое мѣсто; и каждый воздавалъ благодареніе Господу Богу, Іисусу Христу, яко сподобилъ торжествовать пресвѣтлый праздникъ, плотскаго Его рождества, во св. градѣ

Внолеемѣ Іудейстѣмъ , въ самомъ томъ Божественномъ вертепѣ , на самомъ томъ мѣстѣ , гдѣ Онъ совершилъ таинство , нашего ради спасенія. И была въ Внолеемѣ великая ярмарка. Мы же пошли скоро въ Іерусалимъ : потому что намъ уже очень непріятны стали тѣснота и шумъ народа.

70. Въ Іерусалимѣ подъ Новый Годъ пошли почевать ко гробу Божію. Ночевалъ тамъ и Архіерей, и служилъ утрени торжественно. Послѣ утрени былъ небольшой крестный ходъ: Архіерей носилъ на главѣ мощи—десную руку св. Василя Великаго , и пошли, изъ великаго алтаря, прямо ко гробу Божію , и обошли его кругомъ дважды ; потомъ — на-десное , ко Снятію , и обошли его кругомъ единожды ; потомъ пошли обратно въ Воскресенскую церковь, и паки въ алтарь. Было въ ходу четыре діакона , четыре іеромонаха и два игумена , и единъ Архіерей ; у всего народа были въ рукахъ свѣщи. И ходили весьма тихо и благочинно , съ пѣніемъ. Потомъ на Христовомъ гробѣ служилъ Архіерей раннюю Литургію.

71. Дождались праздника и великаго торжества — св. Богоявленія. Украсили Божій гробъ и кувуклію, и весь храмъ , иконами и лампадами , подобно какъ въ день Святителя Николая. Къ утрени приходилъ Патріархъ ; и продолжалась утрени шесть часовъ. Послѣ утрени было освященіе воды. Потомъ служилъ Патріархъ Литургію соборомъ , на самомъ Божіемъ гробѣ ; но крестнаго ходу не было. А въ навечеріи св. Богоявленія была вечерня и Литургія Василя Великаго , и водоосвященіе по всѣмъ монастырямъ. Соборъ Іоанна Крестителя праздновали въ его монастырѣ. Января 18-го , свят. Кирилла , Патріарха

Александрійскаго, праздновали въ Патріаршей. Послѣ Литургіи было всѣмъ поклонникамъ угощеніе: потому что было тезоименитство святѣйшаго Патріарха Іерусалимскаго, Кирилла. Срѣтеніе Господне праздновали въ монастырѣ Малой Панагіи. Дождавшись св. Великаго поста, первую седмицу проводили каждый въ своемъ монастырѣ. Подъ субботу ночевали въ храмѣ у Божія гроба. Въ субботу на Литургіи причастились Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Въ тотъ день было торжество и въ Θεодоровскомъ монастырѣ.

72. Подъ *Недѣлю Православія*, паки украсили Христовъ гробъ и кувуклію иконами и множествомъ лампадъ, и весь храмъ. Предъ вечернею пришло турецкое воинство, пятьдесятъ человѣкъ къ православнымъ, и пятьдесятъ человѣкъ къ армянамъ. Потомъ сошлись въ великій алтарь діаконы и священники, игумены и архимандриты; и всѣ, облачившись, пошли встрѣчать Патріарха, подобно какъ и на день Святителя Николая. Вечерня была торжественная: зажигали всѣ паникадила и свѣщи, и была литія и благословеніе хлѣбовъ. Послѣ вечерни, паки Патріарха проводили въ патріархію. Народъ же и воинство остались въ храмѣ ночевать. Въ тотъ вечеръ было торжество и у армянъ. Всю ночь горѣло въ храмѣ болѣе тысячи лампадъ, и была въ храмѣ великая радость. Божій гробъ былъ какъ огненный фонарь: пбо и армяне свою часть украсили. До самой утрени продолжалось частное служеніе: кто гдѣ хотѣлъ, тамъ и пѣлъ. По храму стояли часовые войны, чтобы не случилось какого безпорядка. Въ двѣнадцатомъ часу ночи, а по-палестински — въ шестомъ часу, отворили великія

св. врата церковныя, пришелъ Патріархъ, и была утренняя торжественная. Послѣ утрени, Митрополитъ Севастійскій служилъ раннюю Литургію на Божіемъ гробѣ; потомъ, по обычаю, служили христіане другихъ исповѣданій. На разсвѣтѣ Патріархъ съ Владыками началъ Литургію въ Воскресенской церкви. Мы, монашествующіе, стояли всѣ въ алтарѣ. Продолжалась Литургія пять часовъ: читали три Апостола и три Евангелія, прежде по-гречески, потомъ по-арабски, а послѣ по-славянски. Служили съ Патріархомъ четыре Митрополита, два Архіепископа; архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ и діаконовъ, чело-вѣкъ до пятидесяти. Была на Литургіи великая проповѣдь о томъ, какъ надобно блюстись ересей, та-кожде и еретиковъ.

73. Послѣ Литургіи съ крестнымъ ходомъ ходили изъ алтаря въ царскія врата, и было двѣсти чело-вѣкъ турецкаго воинства, съ самимъ пашею, которое расчищало путь, гдѣ идти крестному ходу. Впередъ шелъ паша съ двѣнадцатыю янычарами; потомъ несли двѣнадцать хоругвій, въ стихаряхъ; передъ всякою хоругвію шелъ мальчикъ въ облаченіи, и несъ по подсвѣчнику со свѣщею возженною; потомъ несли запрестольный великій крестъ; потомъ несли иподіаконы рипиды и патріаршій жезлъ. Потомъ шелъ хоръ пѣвчихъ на арабскомъ языкѣ; потомъ шли діаконы по-два въ-рядъ: каждый несъ въ одной рукѣ икону, а въ другой великую свѣщу. Потомъ шли священники по-два въ-рядъ: каждый несъ икону и свѣщу; за ними шли игумены и архимандриты по-два въ-рядъ, несли ковчеги со св. мощами; за ними шелъ второй хоръ пѣвчихъ на греческомъ языкѣ. Потомъ шли семь діаконовъ съ трикиріями и дикиріями.

За ними шли Епископы, Архієпископы и Митрополиты: овые несли Евангелія, овые — иконы. Предъ всякимъ шелъ мальчикъ въ стихарѣ съ подсвѣчникомъ. За ними шелъ самъ Патріархъ, несъ на главѣ небольшую икону Спасителя; передъ нимъ два діакона съ кадилами, и безпрестанно его кадили. За Патріархомъ несли великую хоругвь съ изображеніемъ Воскресенія Христова. Всего было сорокъ діаконовъ и болѣе ста священниковъ, шесть игуменовъ, восемь архимандритовъ, шесть Архіереевъ, седьмой — Патріархъ. Пошли изъ алтаря прямо ко гробу Христову, и обошли его кругомъ дважды; потомъ пошли къ Снятію, и оттуда — коридоромъ кругомъ Воскресенской церкви, и обошли единожды, и пришли паки ко гробу Божію, и стали съ хоругвями кругомъ гроба, и пропѣли «*трисвятое.*» Духовенство стояло у дверей гроба; самъ Патріархъ прочиталъ Евангеліе; и были великія ектеніи, которыя бывають на литіи, потомъ отпущъ; самъ Патріархъ раздавалъ антидоръ. Во время крестнаго хода, на всѣхъ святыхъ мѣстахъ, христіане всѣхъ исповѣданій зажигали всѣ свои свѣщи: ибо всѣ православную вѣру уважають. Ходили очень тихо и благообразно; продолжался крестный ходъ полтора часа; пропѣли канонъ, стихиры и великое славословіе. Воистинну, едина есть Св. Соборная Апостольская Христова Церковь, собранная отъ разныхъ странъ, изъ разныхъ родовъ и языковъ, едина вѣра православныхъ христіанъ, сохраненная отъ св. Апостолъ и отъ святыхъ древнихъ Отецъ, святыхъ седми Вселенскихъ Соборовъ! Прочія же вѣры не суть вѣры, но—ереси, раздоры и суевѣріе, какъ видно изъ ихъ обрядовъ и обычаевъ: потому

что ни единая изъ нихъ не имѣетъ ни правильнаго разумѣнія о св. седми Тайнахъ, ни девяти чиновъ священныхъ, ни Литургій Василя Великаго и Іоанна Златоустаго, ниже Преждеосвященныя; но все дѣлають по своему неправому умствованію. Воистинну, достоинъ нарещися градъ Іерусалимъ святымъ градомъ, ибо только въ немъ можно видѣть полное благолѣпіе церковное и всѣ полныя церковныя чины и обряды; но и то не всѣ могутъ видѣть, а только тѣ, которые могутъ понимать и различать добро отъ зла, безъ всякаго пристрастія.

74. Дождавшись третьей недѣли великаго поста, *крестопоклонной*, паки украсили Божій гробъ и кувуклію и весь храмъ иконами и лампадами. А наипаче украшена была св. гора Голгоѳа. Вечеромъ была встрѣча Патріарху и вся церемонія — какъ и на Святителя Христова Николая: была литія и благословеніе хлѣбовъ; но послѣ вечерни паки Патріарха проводили въ патріархію; а остались ночевать въ храмѣ два Митрополита. На горѣ Голгоѳѣ горѣло до шести сотъ лампадъ всю ночь. Утреню служили въ Воскресенскомъ храмѣ; на великомъ славословіи, со свѣщами и съ рипидами, Митрополиты выносили крестъ — изъ самаго честнаго древа: крестъ очень порядочный. Когда вынесли и вокругъ аналоя обошли трижды, тогда положили, и было поклоненіе по уставу. Потомъ всѣ подходили и лобызали, только съ великою осторожностію и опасеніемъ. Не знаю, чего боялись: еретиковъ ли, или арабовъ, или турковъ; и скоро убрали. Этотъ крестъ я сподобился видѣть только единожды. Послѣ утрени, на Божіемъ гробѣ служилъ

Литургію Митрополитъ съ двумя діаконами и четырьмя священниками; только кончили здѣсь, какъ начали Литургію на Голгоѣ. Служилъ Митрополитъ за-Іорданскій, Мелетій, и служилъ всю Литургію по-русски. На разсвѣтъ пришелъ Патріархъ, и служилъ Литургію въ Воскресенскомъ храмѣ съ четырьмя Архіереями, во всемъ подобно, какъ и въ первую недѣлю поста. Послѣ Литургіи такожде былъ крестный ходъ: только вмѣсто иконъ несли кресты, и самъ Патріархъ несъ на главѣ крестъ самага честнаго древа, богато-убранный златомъ и каменіемъ еще Царицею Еленою; и все совершали какъ и въ первую недѣлю.

75. Проводивши сей праздникъ, мы вознамѣрились посѣтить св. градъ Назаретъ, св. гору Ѡаворскую и всю страну Галилейскую. Хотя и всю зиму просили Патріарха и русскаго консула, чтобы дали намъ провожатыхъ; но они намъ отказывали за неудобствомъ времени, по случаю междоусобныхъ браней; и мы, опасаясь того, что, бывши въ Іерусалимѣ, не посѣтимъ того мѣста, гдѣ былъ нашему спасенію начатокъ, и положившись на милость Божію и на предстательство Божія Матери, сами собою собравшись, овые наняли коней, овые ословъ, овые магарчиковъ, овые во имя Господне пѣшіе, изъ числа которыхъ былъ и я, потому что не имѣлъ ни сребра, ни злата, ни при поясѣ мѣди. Въ понедѣльникъ, на четвертой недѣлѣ Поста, отправились въ путь безъ провожатыхъ, и выѣхали изъ Іерусалима въ Дамасскія врата, и пошли на сѣверъ, когда была уже ночь; а шли по одному камню, земли отнюдь нѣтъ: пѣшимъ было не безъ труда. Отошли отъ Іерусалима четыре часа, т. е. двадцать верстъ, нашли болото; и тамъ на полѣ но-

чевали. По-утру встали, и шли по каменистымъ крутымъ горамъ между садовыми древами; древа — наиболе маслячныя и смоковныя, подобно лѣсамъ. Хотя повсюду камень на камени, но деревья между камней имѣютъ корни, и растутъ прекрасно: все воздѣлано руками человѣческими: ибо по обѣимъ странамъ много арабскихъ селеній, на мѣстѣ прежнихъ еврейскихъ. Сѣла подобны городамъ; всѣ дома подѣланы изъ тесаннаго бѣлаго камня, очень велики; но верхніе этажи болѣе разрушены, и арабы больше живутъ въ подвалахъ. Видится, что они прежде были христіане. Видны и до-днесь разрушенныя христіанскія церкви. Нынѣ же арабы — больше магометане. Около полудня пришли на источникъ воды, и тамъ отдыхали, обѣдали; и паки пошли въ путь. Отошли три часа, и паки пришли на источникъ, паки отдыхали, и паки пошли; уже близко сталъ вечеръ, и мы, пѣшіе, уже пріуспали. Мѣста же и горы стали повеселѣе: стали появляться широкія раздолья, поля засѣянныя, и камня стало поменьше; начали арабы попадаться съ базару. Былъ недалеко градъ *Самарія*; но мы его еще не видѣли, потому что стоитъ между горъ. Пріѣхали къ источнику воды; извозчики остановились ночевать, и мы, пѣшіе, такожде; до Самаріи оставалось только три версты. Недалеко, съ полверсты, былъ колодезь Іаковль, при которомъ бесѣдовалъ Іисусъ Христосъ съ женою самарянынею. Поутру воставши, пришли въ Самарію, купили себѣ что нужно, и скоро вышли, и пошли по пути, ведущему на Севастію. Отошли отъ Самаріи верстъ пятнадцать, и взошли въ селеніе; и тамъ большой источникъ текучей воды, и трава зеленая, и разныя садовыя древа;

и мы здѣсь остановились и пообѣдали. Лучше этой воды во всей Палестинѣ не видалъ.

76. Отошли верстъ десять, увидѣли въ лѣвой рукѣ селеніе, и въ немъ великое зданіе, и мы въ него поворотили. Это была самая *Севастія*. Мы пришли прямо къ монастырю, который почти весь разоренъ, только остались стѣны церковныя и алтарь. А гдѣ была темница, въ которой отсѣкли главу Іоанна Крестителя, тамъ сдѣлана турецкая мечеть, и насъ тогда въ нее не пустили. Она стоитъ въ глубокой ямѣ, выкладеной камнемъ; посреди сдѣлана темница; а послѣ она была вмѣщена внутри церкви въ притворѣ; и мы помолились въ алтарѣ, гдѣ прежде приносилась безкровная жертва, подлѣ того мѣста, гдѣ св. Іоаннъ Креститель принялъ мечную кончину отъ скверныя жены пласавицы и отъ безбожнаго царя Ирода. Посмотрѣли на разваленный дворецъ Иродовъ, гдѣ былъ незаконный пиръ. Потомъ паки пошли въ путь. Отошли верстъ десять, и пришли на траву зеленую, и тамъ нѣсколько уснули. Воды здѣсь нѣтъ: хотя и есть колодезь, но достать воды нечѣмъ; да въ немъ и воды очень мало, и та отъ дождей собирается. Пошли далѣе: уже камня совсѣмъ не стало, и горы стали отлогія, и мы прошли нѣсколько селеній.

77. Потомъ взошли на гору, и тамъ всѣ поклонники остановились у единого древа. А древо—то самое, подѣ которымъ спалъ Іаковъ, и видѣлъ во снѣ лѣствицу, утвержденну отъ земли до небеси, и Ангели Господни восходяху и нисходяху по ней, и Господь на ней утверждашеся. Онъ же сказалъ: «нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная.» Быт. 28, 17. Не только христіане къ нему имѣютъ ува-

женіе, но и магометане и еврей. Всѣ сучки дерева и вѣтви обвязаны разными лентами и завязками. А древо, отъ древности, естество свое утратило, и не можно познать, какое оно было, ибо совсѣмъ одинало; стоитъ кудряво и зелено, не очень толсто и не высоко. Потомъ мы пошли подъ гору, и минули едино селеніе, и паки пошли на гору, и паки въ долину; уже день сталъ къ вечеру.

78. Пришли во градъ *Наинъ*, гдѣ Господь воскресилъ сына вдовицы. Мы остановились внѣ града, и тамъ на травѣ расположились ночевать; пошли въ городъ на базаръ, и купили себѣ хлѣба, и кому что потребно. По край города—фонтанъ воды, очень великій и прекрасный. Когда стало смеркаться, — пришелъ къ намъ градоначальникъ, и сказалъ намъ, что здѣсь страна дикая, и ночевать на полѣ опасно; и предлагалъ, чтобы мы лучше пошли на ханъ, т. е. на гостинницу: тогда бы и намъ и ему не было страха. Мы его послушали, пошли и ночевали на хану. Христіанъ въ городѣ нѣтъ. По-утру вставши, мы пошли по ровному полю, засѣянному хлѣбами: земля вся—добрая, камня отнюдь нѣтъ, и поле столько ровно, что на сорокъ верстъ нѣтъ ни горы ни долины. Это поперегъ отъ града Наина до горъ Назаретскихъ, а въ длину отъ самага Средиземнаго моря до рѣки Іордана; только въ правой рукѣ къ Іордану стоятъ двѣ горы. Посреди долины стоитъ гора Ермонъ. Мало поближе къ горамъ Назаретскимъ стоитъ св. гора Оаворская. Обѣ горы стоятъ сами по себѣ, къ другимъ горамъ не прикосновенны. Ермонъ вершину имѣетъ острую; Оаворъ же имѣетъ вершину плоскоокатистую, на-подобіе купола, покрытую не-

большимъ лѣсомъ. Мы пришли на половину долины, почти напротивъ Ермона, и нашли болото, и стали отдыхать; поѣли хлѣба, и паки пошли.

79. Уже близко вечера подошли къ горѣ великой, крутой и каменистой. На этой горѣ стоитъ градъ *Назаретъ*. Показывали намъ мѣсто, куда привели Иисуса, да Его низвергнуть; Онъ же, прошедъ посреди ихъ, былъ невидимъ. Мы пошли на гору съ великимъ трудомъ. Когда взошли на верхъ, — увидѣли поля, засѣянные хлѣбами, сады и лѣса; но еще не видѣли искомаго нами Назарета. Шли еще половину часа: тогда открылся намъ славный градъ Назаретъ. Воистинну, славный и преславный св. градъ Назаретъ! Въ него съ небесныхъ круговъ посланъ былъ Архангелъ Гавріилъ—благовѣстити Дѣвѣ зачатіе. Въ немъ возросъ и воспитался самъ Спаситель всего міра, Иисусъ Христосъ. — Стоитъ Назаретъ на прекрасномъ мѣстѣ, на открытомъ воздухѣ, на скатѣ къ полудню. Мы прошли мимо града прямо въ православную церковь, которая стоитъ внѣ града, на источникѣ, откуда Божія Матерь носила на Своихъ плечахъ воду. И до-днесь всего Назарета жены оттуда носятъ воду, овыя на головахъ, овыя на плечахъ, кувшинами. Отперли намъ церковь, и разослали намъ рогозины, и мы расположились. Потомъ пошли въ градъ, каждый за своею потребою; и пришедши начали вечерню. Потомъ каждый по своей силѣ сдѣлалъ пожертвованіе. Потомъ проѣли Божіей Матери акаѳистъ съ канономъ. Церковь очень прекрасная и великая: три престола въ-рядъ, иконостасъ деревянный—высокой рѣзьбы, только не вызлащенный; иконъ очень довольно, всѣ — высокой греческой работы; и

много лампадъ. На лѣвой сторонѣ есть небольшой придѣлъ, и въ немъ, въ алтарѣ, источникъ Божія Матери. Въ великой церкви къ задней стѣнѣ сдѣлана перегородка для женъ. Назаретская же церковь бѣдна; ибо содержатъ ее только сами обыватели, а постороннихъ доходовъ нѣтъ; православныхъ поклонниковъ въ Назаретѣ очень мало бываетъ, потому что отъ Іерусалима далеко, и путь труденъ; а мѣста святыя — больше въ рукахъ франковъ; только и посѣщаютъ русскіе, и то рѣдко. Сказывали намъ, что уже четыре года и русскіе не бывали, потому что Консулъ не пускаетъ; а прочіе роды отнюдь не ходятъ. Русскіе каждый годъ ходили бы, да не пускаютъ; и мы уже самовольно пустились, и то немного насъ. На другой день поутру служили арабы утреню и Литургію. Напившись воды отъ источника Божія Матери, пошли въ Назаретъ, въ домъ Іосифа обручника, и приложились къ святымъ мѣстамъ: къ первому — гдѣ стояла пречистая Дѣва Марія во время Благовѣщенія, ко второму мѣсту — гдѣ стоялъ Архангелъ Гавріилъ. Мы спросили франковъ: не позволяютъ ли намъ что пропѣть? Они дали намъ волю. Мы воспѣли: «Днесъ спасенія нашего главизна, и еже отъ вѣка таинства явленіе: Сынъ Божій Сынъ Дѣвы бываетъ, и Гавріилъ благодать благовѣствуетъ. Тѣмже и мы съ нимъ Богородицѣ возопіимъ: радуйся, Благодатная, Господь съ тобою!» Потомъ: «Повелѣнное тайно, пріемъ въ разумъ, въ кровъ Іосифовъ тщаніемъ предста Безплотный, глаголя Неискусобрачній: приклонивый сходженіемъ небеса, вмѣщается неизмѣнно весь въ Тя. Егоже и видя въ ложеснахъ Твоихъ, пріемша рабій зракъ, ужасаюся звати Тебѣ: радуйся Невѣсто не-

невѣстная!» — тропарь акаѳиста. Потомъ — кондакъ:
«Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся
отъ злыхъ, благодарственная восписуемъ Ти раби
Твоя Богородице. Но яко имущая державу непобѣ-
димую, отъ всякихъ насъ бѣдь свободи, да зовемъ
Ти: радуйся Невѣсто неневѣстная!»!

Надъ этимъ мѣстомъ сдѣланъ престолъ; позади
престола есть дверь; внутри показываютъ и прочія
комнаты дома Іосифова; тамъ есть кухня—гдѣ Божія
Матерь готовила пищу. Еще есть комната—гдѣ была
колыбель Іисуса Христа. Но всѣ сіи комнаты отъ
времени обветшали, и ихъ, видится, никогда не по-
правляли; а сдѣланъ весь домъ изъ дикаго камня,
и стоитъ среди великой и прекрасной церкви. По-
верхъ дома сдѣланъ главный престолъ, и стоятъ тамъ
два великіе органа: каждый изъ нихъ несравненно
больше іерусалимскаго; потому что здѣсь полная во-
ля франкская. Въ Іосифовъ домъ сходятъ внизъ по
ступенямъ; а къ великому престолу восходятъ по
лѣстницамъ. Верхъ расписанъ стѣннымъ писаніемъ.
Надъ домомъ Іосифовымъ написано — какъ Богъ
отецъ Гавріилу Архангелу открываетъ совѣтъ Свой
превѣчный, и посылаетъ Его во градъ Назаретъ
благовѣстити Дѣвѣ Маріи зачатіе Спасителя. Франки
начали играть въ органы, а мы пошли вонъ. Потомъ
пошли въ мастерскую Іосифа древодѣля: тамъ неболь-
шая церковь. Потомъ пошли въ домъ, гдѣ Христосъ
обѣдывалъ съ учениками Своими: и до-днесъ цѣль
тотъ камень, на которомъ Онъ трапезовалъ. Пошли
въ синагогу, гдѣ Христосъ въ юности училъ жидовъ.
Всѣми этими мѣстами завѣдываютъ франки. Градъ
Назаретъ—порядочный по постройкамъ и по базарамъ;

жители всѣ—христіане разныхъ исповѣданій : православные, католики и униаты. Народъ арабы—весьма услужливы и уважительны.

80. Вкусивши хлѣба и довольно подкрѣпившись, отправились въ путь на *Тиверіадское море*, до котораго ходу 8 часовъ, т. е. 40 верстъ. Отошли 10 верстъ, и пришли въ селеніе — *Кану Галилейскую*. Взошли въ домъ, гдѣ былъ Господь Іисусъ Христосъ на бракъ, и воду въ вино претворилъ: въ томъ домѣ сдѣлана церковь, и сохраняется единъ отъ тѣхъ сосудовъ; живетъ при ней священникъ православный. Церковь весьма бѣдна. Жители въ селѣ всѣ—христіане, православнаго исповѣданія. Отсюда мы пошли ровными полями: такія растутъ травы, что и коней не видать. Прошли мимо того мѣста, о которомъ писано въ Евангеліи: *ста Іисусъ на мѣстѣ равнѣ: и народъ ученикъ Его, и множество много людей.* Лук. 6, 17.

81. Подъ вечеръ увидѣли *Тиверіадское море*, и пришли на мѣсто, гдѣ Господь пятью хлѣбами пять тысячъ народа насытилъ. Поклонились тому камню, гдѣ сидѣлъ Іисусъ Христосъ, когда благословлялъ хлѣбы: камень самородный, и на немъ высѣчены кресты, ради вѣчной памяти, дабы событіе не пришло въ забвеніе впредь будущимъ родамъ. Это мѣсто отъ Тиверіады одинъ часъ ходу.

82. Пошли въ городъ *Тиверіаду*; но пришли поздно, и насъ не пустили. Мы пришли прямо на *горячія воды*, которыя пониже города версты двѣ, и тамъ ночевали. Поутру, въ день недѣльный, пошли въ *Тиверіаду*,—нѣкоторые называютъ и *Виѳсаидой*,—отечество св. Апост. Петра. Мы купили хлѣба, а нѣ-

которые купили и рыбы; потому что Тиверіадское море рыбой изобильно. На базаръ было рыбы много. Жители во градъ больше жиды. Есть немного и христіанъ, но римскаго исповѣданія. Есть и церковь, но уніатская. Градъ Тиверіада былъ порядочный прежде, и была кругомъ великая каменная крѣпость, но нынѣ вся почти разрушилась, и не осталось почти камня на камнѣ, и жителей во градъ очень мало: въ 1838 году ихъ земля пожрала со всѣми домами. Такое было землетрясеніе, что земля какъ море колебалась, и всѣхъ почти засыпала. А въ городъ было тогда собравшихся жидовъ до сорока тысячъ. Пропустили повсюду молву, якобы пришелъ Мессія, и является въ Тиверіадъ: чрезъ то тамъ собралось жидовъ множество изъ разныхъ странъ; наѣхали, радовались и хвалились, что пришелъ ими ожидаемый Мессія. Христіане же испугались, думая, не антихристъ ли пришелъ? Но когда жиды собрались, — Господь ихъ наказалъ, и всѣ почти пропали: отъ землетрясенія самая малая часть спаслась, — они сами о томъ намъ рассказывали; они знаютъ по-русски, ибо пришли изъ Польши и изъ Молдавіи. Паки на развалинахъ начали строить дома и шалаши: но, о чудесе! гдѣ какое было зданіе или школа жидовская, — и знаку не осталось; только изъ земли показываются нѣкоторыя колонны. Петровъ же домъ и донынѣ остался цѣль: зданіе небольшое, и столько годовъ не разрушимъ! Нынѣ стоитъ пустъ. Поистинѣ, исполнились Господни словеса: «горе тебѣ, Вѣсаидо! горе тебѣ, Хоразине!»

Пониже Вѣсаиды, недалеко, былъ славный Хоразинъ: но нынѣ только мѣсто примѣтно; однѣ развалины, да колонны мраморныя изъ земли торчатъ;

неизвѣстно—сколько прошло лѣтъ, какъ его пожрала земля. Только сказывалъ намъ одинъ старый еврей (и самъ головой качалъ) о величинѣ града и о красотѣ его, что было въ немъ двѣнадцать синагогъ еврейскихъ великихъ, но всѣ пожрала земля; и показывалъ намъ тѣ мѣста: до-нынѣ видны изъ земли мраморныя колонны. Славный же *Капернаумъ*, вознесыйся до небесъ, нынѣ уже сошелъ до ада; мы сами къ нему не ходили, но намъ евреи сказывали, что мало есть и знаку — гдѣ былъ градъ; тоже весь земля пожрала. Эти города стояли по берегу Тиверіадскаго моря. Красота мѣстоположенія удивительная; всякое преизобиліе, такое—что мало гдѣ по свѣту сыщешь: рыбы и лѣсу множество, земля способная къ хлѣбопашеству и садоводству; но когда люди прогнѣвали Господа Бога своего, то все мѣсто лежитъ пусто, покрыто одною травою.

Пришедши изъ Тиверіады съ базару, пообѣдали, и въ горячихъ водахъ попарились, и въ Тиверіадскомъ морѣ выкупались. Воды горячія текутъ изъ земли большими ручьями по берегу, сажень на сто; вода столь горяча, что никакъ не можетъ коснуться рука человѣческая, почти кипить, и весьма соленая, подобна морской. Тутъ есть родники и холодной воды, есть и ванна, сдѣланная ради купанья: берутъ по десяти коп. съ человѣка.

83. Въ Тиверіадскомъ морѣ вода чистая, сладкая и пріятная; кругомъ моря стоятъ горы. Но оно нѣсть море, а великое озеро,—ибо берега кругомъ видно,—не круглое, а продолговатое. Въ немъ св. Апостолы рыбу ловили, и освящено оно самимъ Спасителемъ, Іисусомъ Христомъ: ибо Онъ самъ многожды по не-

му плавалъ въ кораблѣ. Изъ Тиверіадскаго моря исходитъ освященная рѣка Іорданъ, и впадаетъ въ Мертвое море. Но сколько оно велико въ окружности, — того объяснить не могу, потому что кругомъ его не ходилъ. На берега изъ Тиверіадскаго моря много выносятъ маленькихъ ракушекъ, которыхъ всегда набираютъ поклонники, для памяти и благословенія. И я набралъ немного, да буду помнить, что былъ на морѣ Тиверіадскомъ.

Того-же дня мы отправились въ путь, но уже другою дорогою, прямо на Фаворскую гору. Когда поднялись отъ моря, то недалеко, въ лѣвой рукѣ, осталась гора Блаженствъ; но мы на нее не заходили, а поспѣшали, чтобы ночевать на горѣ Фаворской; однако запоздали, и не могли взойти на верхъ, а ночевали въ полугорѣ, на зеленой травѣ: былъ небольшой лѣсъ, и мы расклали большіе огни, и спали спокойно.

84. Поутру, вставши, оставили на томъ мѣстѣ коней съ извозчиками и сумки свои, и поспѣшали взойти на св. гору Фаворскую, насладиться ея красоты; шли не дорогой, а кто какъ попало. И какъ стало солнце всходить, мы взошли на гору, и нашли то самое мѣсто, гдѣ преобразился Господь нашъ Іисусъ Христосъ предъ ученики Своими. Мы отъ радости много плакали, и запѣли тропарь: «Преобразился еси на горѣ, Христе Боже, показавый ученикомъ Твоимъ славу Твою, якоже можаху. Да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный, молитвами Богородицы. Свѣтодавче, Слава тебѣ!» Потомъ пропѣли кондакъ: «На горѣ преобразился еси, и якоже вмѣщали ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже,

видѣша : да егда Тя узрять распинаема , страданіе убо уразумѣютъ вольное, мірови же проповѣдять, яко Ты еси воистинну Отчее Сіяніе.» Потомъ прочитали акаѳистъ Іисусу Сладчайшему. Прежде на семъ мѣстѣ была великая церковь ; а гдѣ Господь стоялъ, былъ алтарь, и стоялъ престолъ ; нынѣ только осталось основаніе. Мѣсто—прекрасное; гора стоитъ яко свѣща на свѣщникѣ. На востокъ, до самаго Іордана, прекрасное широкое раздолье, покрыто зелеными травами ; видны рѣка Іорданъ и за-іорданскія горы. На югъ тоже—широкая долина, до самыхъ горъ Самарійскихъ. Посреди раздолья стоитъ гора Ермонъ. Къ югозападу простирается широкое раздолье, до самаго Средиземнаго моря и до горы Кармила ; къ западу—раздолье до горъ Назаретскихъ; къ сѣверу — раздолье до самаго моря Тиверіадскаго: видно и море Тиверіадское ; за моремъ видны высокія горы, покрытыя снѣгами. Овые говорятъ, что это горы Ливанскія, а другіе утверждаютъ, что Ермонитскія. На горѣ Фаворской — мѣсто пространные, и довольно земли удобной и мягкой ; и видится по постройкѣ, что много было монастырей. Были и огороды и великія систерны, т. е. широкіе колодези дождевой воды; и много есть пещеръ, такихъ, — что можно въ нихъ жить. Гора покрыта вся лѣсомъ, но небольшимъ. Воистинну, сія гора отъ начала міра на то сотворена, чтобъ совершить на ней Господу нашему такое таинство, открытъ на ней Свое Божество, и показать славу Свою всему міру. И Давидъ Пророкъ въ радости и веселіи воспѣваетъ: « Фаворъ и Ермонъ о имени Твоемъ возрадуется.» Нынѣ же св. гора Фаворская стоитъ пуста и необитаема. Отъ подошвы

до верха одинъ часъ ходу , т. е. пять верстъ. Мы поклонились св. мѣсту , полюбовались на св. гору *Ѡаворскую* , поѣли хлѣба и попили воды , и пошли внизъ къ своимъ сумкамъ. Потомъ отправились въ путь, и у самой подошвы *Ѡавора* прошли мимо *селенія Деворы* ; а ночевать пришли во градъ *Наинъ* , и ночевали внѣ града на травѣ ; но только всю ночь беспокоили насъ арабы.

85. Поутру, воставши, къ вечеру пришли во градъ *Самарію* , и взошли прямо въ христіанскую церковь. И дали намъ комнаты для отдыха. Мы ходили на базаръ, и прохаживались по всему граду. Градъ великъ и прекрасенъ , и торговля порядочная : второй градъ по *Іерусалимѣ* ; народъ пригожоватъ на лицо, но весьма грубъ. Показывали намъ садъ *Навуѣевъ* , за который Пророкъ *Илія* обличалъ Царя *Ахава* и Царицу *Іезавель*. Въ семъ градѣ была столица Царей *Израильскихъ* ; въ семъ градѣ былъ *Симонъ волхвъ*. Градъ *Самарія* преизобиленъ водою : почти въ каждый домъ проведена вода , и подѣланы фонтаны. Улицы во градѣ хотя узкія , но прямыя ; христіанъ во градѣ немного , но церковь прекрасная , и много гостинницъ ; а христіане—весьма обходительные, хотя и одного рода съ прочими жителями , но другаго свойства: живутъ яко овцы посреде волковъ. Противъ *Самаріи*, на сѣверъ , на горѣ, есть небольшой монастырь : нынѣ стоитъ пустъ. Сказываютъ , что тѣло *Іоанна Предтечи* туда принесено изъ *Севастіи*, и тамъ погребено; но мы туда не ходили.

86. По-утру , воставши , пошли въ путь , и два араба, христіане, пошли насъ провожать. И привели насъ на тотъ колодезь — гдѣ *Іисусъ Христосъ* бесѣ-

девадь съ женою самарянынею. Колодезь есть : по
 турки почти весь сверху завалили ; а воды въ немъ
 много, и достать можно малою посудиною; и вокругъ
 него много развалинь : должно быть, прежде былъ
 монастырь. На западъ отъ колодезя, на горѣ, былъ
 самарянскій градъ *Сихарь*, откуда жена пришла чер-
 пать воду. Нынѣ градъ Сихарь разрушенъ : только
 видны нѣкоторыя развалины, и стоитъ одна башня;
 такъ сказывали намъ провожатые наши самаряне.
 Апостолы ходили покупать хлѣба въ самую Самарію.
 Нынѣ Самарія называется Наплузъ. Самарійская до-
 лина поперегъ пересѣкла горы отъ Іордана до Сре-
 диземнаго моря; долина — богатая : частыя по ней
 селенія, много садовъ и водяныхъ мельницъ. Потомъ
 мы пошли въ путь, и зашли ночевать въ сторону, въ
 христіанское село, и спали въ церкви : церковь —
 великая, весьма древняя, но весьма бѣдная. На дру-
 гой день, къ обѣду, пришли въ Іерусалимъ, радуясь
 и веселясь, что благополучно спутешествовали. А
 возвратились мы во св. градъ чрезъ девять дней,
 на пятой недѣлѣ, въ четвертокъ. На пятой недѣлѣ,
 въ субботу, на Похвалу Пресвятыя Богородицы, было
 великое торжество въ Геѳсиманіи, на гробѣ Пресвя-
 тыя Богородицы. Утреню и Литургію служилъ самъ
 Патріархъ, соборомъ. Весь храмъ украшенъ былъ
 лампадами; весь гробъ Божія Матери обставленъ былъ
 множествомъ свѣчей бѣлаго воску. Такое было тор-
 жество, что лучше и сдѣлать почти невозможно. Но
 намъ сказывали живущіа въ Іерусалимѣ русскія мо-
 нахини, что на праздникъ Успенія Божія Матери
 несравненно болѣе бываетъ торжество, ибо и тогда бы-
 ваетъ великое стеченіе народа, а наипаче палестинскихъ

жителей. Поютъ Божіей Матери погребеніе, и носятъ плащаницу, — какъ носятъ въ Великую Субботу. Видѣлъ я и плащаницу, которая сохраняется на геосиманскомъ подворьѣ. Такое-же въ Геосиманіи было торжество и на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы: тоже служилъ Патріархъ, соборомъ.

87. Пришедши изъ Геосиманіи отъ Литургіи, на Благовѣщеніе, и пообѣдавши, пошли за Давидовы врата для прогулки; и случилось тамъ близъ вратъ такое происшествіе: « Одинъ молодой арабъ застрѣлилъ изъ ружья молодаго христіанина, поклонника, родомъ болгарина, одной вдовицы единороднаго сына, осьмнадцатилѣтняго. Были двѣ вдовицы — родныхъ братьевъ жены: у каждой осталось по малолѣтнему сыну. Матери ихъ вскормили и вырастили, и обучили ихъ золотыхъ дѣлъ мастерству, и обручили имъ невѣстъ; но они, какъ благоразумные юноши, захотѣли прежде брака сходить во св. градъ Іерусалимъ, въ дѣвствѣ своемъ и въ тѣлесной чистотѣ поклониться живоносному гробу своего Спасителя, Іисуса Христа, и прочимъ св. мѣстамъ. Матери отъ нихъ не отстали, но съ ними захотѣли путешествовать. И не было въ Іерусалимѣ изъ всѣхъ поклонниковъ прекраснѣе ихъ; всѣ удивлялись красотѣ лицъ ихъ, благоразумію и кротости. Матери смотрѣли на нихъ и радовались. Были они какъ родные братья, на одно лицо, и всегда вмѣстѣ двое. Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, какъ прежде сказано, пошли они оба на прогулку; и какъ только вышли за Давидовы врата, — выстрѣлилъ одинъ арабъ изъ ружья, — нарочно-ли или ненарочно, Богъ вѣсть, — и убилъ изъ двоихъ одинаго, хотя и не до смерти; но ране-

ный на другой день померъ. О, какъ много бѣдная мать вдовица плакала, и горько рыдала о возлюбленномъ своемъ сынѣ, котораго воспитала во вдовствѣ своемъ! Смотри на нее, горько рыдающую, весьма многіе плакали. Мертвый лежалъ три дня, пока происходило слѣдствіе; и она, горькая мать, безпрестанно сидѣла надъ нимъ и плакала, и простила убійцу своего сына. Полагали — что и сама помретъ; но осталась жива.»

88. Шестую недѣлю поста мы говѣли; подъ субботу Лазареву пошли ночевать въ храмъ къ гробу Божію, чтобы тамъ причаститься Св. Тайнъ. Вечеромъ на Голгоѣ прочитали повечеріе; потомъ мы хотѣли къ причащенію читать правило: но у франковъ началась литія: у нихъ тогда была великая Суббота, и они шли съ крестомъ на Голгоѣ. Мы захотѣли подождать, пока они пройдутъ, и наши православные, русскіе и греки, стояли на Голгоѣ, также чтобы посмотрѣть на ихъ процессію и обряды. Нашихъ было очень мало; грековъ не болѣе человѣкъ пятидесяти и съ пѣвчими. Франковъ же было болѣе пяти сотъ, да у нихъ-же было человѣкъ пятьдесятъ воинства. Пришедши на Голгоѣ, франки прежде на своемъ мѣстѣ пѣли и читали, а потомъ пришли на наше мѣсто, гдѣ стоялъ крестъ Христовъ. Наши монахи сняли лампы, которыя имъ мѣшать могли, отнесли подсвѣчники, и очистили мѣсто; только оставили на престолѣ одну одежду. Франки за нашимъ престоломъ поставили свой крестъ, и стали говорить, чтобы сняли и одежду съ престола. Греки имъ отвѣчали: «этого сдѣлать невозможно: ибо одежда никогда не снимается, и фирманъ не позволяетъ; а вы

постелите сверху свою пелену.» Когда франки успевались снять пелену, греки же не давали, — пришел франкскій архиепископъ, и безобразно сдернулъ съ престола пелену. Тамъ стояли близко два консула: Русскій и Греческій. Греки тотчасъ зашумѣли, и бросились вонъ, въ коридоръ, принесли съ кухни много дровъ, и началась на Голгоѣ драка. Греки били дровами, а франки свѣчами, а послѣ и они принесли дровъ. Турки было бросились разнимать, но и у нихъ ружья поотнимали; и они бросились спасать Божій гробъ и Воскресенскій храмъ: ибо тогда, къ вербной недѣлѣ, все было украшено серебромъ и золотомъ. Мы же не знали, куда бѣжать, отъ страха оцѣпенѣли. Русскій консулъ своихъ спасаетъ, и препровождаетъ въ трапезу; мы, человекъ двадцать, попали въ Воскресенскую церковь, и отъ страха не знали — куда дѣваться, не-то въ алтарь, не-то подъ престолъ. Шумъ, крикъ, вопли восходятъ до небесъ, наипаче на Голгоѣ; всѣ христіане быють тревогу: наши во всѣ доски, такожде армяне и франки и копты. Войнство же стояло кругомъ Божія гроба, рука по рукѣ, съ оружіемъ, и около вратъ Воскресенскаго храма, дабы не было похищенія. Драка распространилась по всему храму; Патріарха Франкскаго съ Голгоѣ сбросили; но хорошо что упалъ на людей, а то бы убился до смерти. Пришелъ Митр. Мелетій, и началъ увѣщавать, чтобы оставили драку; но ему сказали: «ты, Владыко, ступай въ свое мѣсто; а мы всѣ здѣсь за вѣру свою помремъ; ибо насъ мало, а еретиковъ много.» Владыка, дѣлать нечего, сѣлъ съ турками. Драка продолжалась больше часа, пока пришло турецкое воинство, и самъ Паша: тогда всѣхъ нашихъ

по одному разобрали, и по гостиницамъ позапирали; мы же, немного русскихъ, ушли въ храмъ Богородицы. И насъ воины хотѣли взять и запереть; но мы сказали, что мы москвы, и насъ оставили. Потомъ съ часъ продолжался совѣтъ: разсуждали Архіерей, Паша и Консулы. Я въ то время успѣлъ прочитать правило ко причащенію. Послѣ совѣщанія, Паша, Владыки и Консулы, пошли по своимъ мѣстамъ. Франки снова начали литію и кончили на Божіемъ гробѣ; потомъ воины выгнали ихъ всѣхъ вонъ, а сами ушли; врата церковныя заперли, и нашихъ всѣхъ выпустили. И пакы начали ударять въ било къ утрени. Утреню правили въ Воскресенской церкви; потомъ Литургію служили на Божіемъ гробѣ, и я сподобился быть здѣсь причастникомъ Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Гора же Голгоѳа вся полита была кровію; и всю утреню четыре человѣка мыли ее водой; трехъ человѣкъ убили до смерти: такого страха я не видалъ отъ роду моего.

89. Утромъ отворили врата, и мы вышли. И пошли всѣ поклонники на Елеонскую гору; тамъ, гдѣ вознесся Господь, подъ полотняною палаткою служилъ Литургію Митрополитъ Мелетій, всѣмъ соборомъ.

10. Послѣ Литургіи пошли всѣ поклонники въ Виванію ко гробу праведнаго Лазаря, котораго воскресилъ Господь отъ мертвыхъ. Виванія отъ горы Елеонскія — недалеко, не больше двухъ верстъ. Подъ недѣлю Ваіи вечерня была торжественная: приходилъ самъ Патріархъ, съ церемоніей — подобно какъ и на день Святит. Николая. На вечерни была литія и благословеніе хлѣбовъ; но Патріархъ ночевать ушелъ въ

патріархію; а вечеромъ пришло воинство къ христіанамъ каждаго исповѣданія, по сту человѣкъ. И было во храмѣ все украшено златомъ и серебромъ, превосходи́ѣ паче первыхъ недѣль: ибо у православныхъ и у армянъ и у коптовъ была недѣля Ваіи, а у франковъ была Пасха; почти всю ночь на Божіемъ гробѣ было служеніе. Къ утрени пришелъ Патріархъ, и утренняя была торжественная. Стояли всѣ съ ваіями (вмѣсто вербы — съ финиками): каждый заготовилъ себѣ въ субботу. Ранняя Литургія была на Божіемъ гробѣ: служилъ Митрополитъ съ четырьмя священниками и тремя діаконами. Позднюю Литургію служилъ самъ Патріархъ всѣмъ соборомъ въ Воскресенскомъ храмѣ. Всю Литургію стояли всѣ роды съ ваіями; я стоялъ Литургію въ алтарѣ; на Литургіи читали три Апостола и три Евангелія, по-гречески, по-арабски и по-русски; и была великая проповѣдь. Послѣ Литургіи былъ великій крестный ходъ, несравненно торжественнѣе первыхъ ходовъ. Всѣ священники и мірскіе несли ваія (финики) со свѣщами, и еще носили великую вѣтвь масличную, украшенную. Воистинну, такое было торжество — что прежде никогда не видалъ, да и послѣ едва ли увижу! Когда начали выходить изъ церкви, — дали всѣмъ повѣстку, что немущіи, пѣшіе, кому угодно, — могутъ идти сегодня въ Іерихонъ при экипажѣ.

91. И мы вознамѣрились послѣ обѣда при экипажѣ идти на *Іорданъ*. Вышли за геосиманскія врата, и узнали, что уже ушли съ экипажемъ, и мы не успѣли съ ними; а собралось насъ человѣкъ двадцать пять, мужи и жены. Одинъ арабъ нашелся якобы провожатый, посланный отъ патріархіи для провожанія

насъ, дабы догнать обозъ. Мы ему повѣрили, и пустились съ нимъ въ *Іерихонъ*, который отъ *Іерусалима* сорокъ пять верстъ; мѣсто было — самая дикая пустыня, наполненная разбойниками. Провожатый нашъ былъ на конѣ верхомъ, и ѣхалъ съ нами до полпути, а потомъ отъ насъ уѣхалъ, оставивъ насъ однихъ. День уже былъ къ вечеру, а дороги никто не зналъ; и мы увидѣли, что находимся въ опасности. Пошли на гору, къ тому мѣсту, о которомъ упоминается въ словахъ Господа: *человѣкъ илькій сходяще отъ Іерусалима во Іерихонъ, и въ разбойники впаде. Лук. 10, 30.* И мы на томъ-же мѣстѣ попали въ разбойники, которые и раны на насъ наложили, и едва жизни не лишили. Только стали мы подниматься на гору, — увидѣли, что съ горы на встрѣчу ѣдутъ къ намъ, на коняхъ верхомъ, четыре человѣка, арабы, синіе, полунагіе, вооруженные ружьями, кинжалами и пистолетами. Какъ только подѣхали къ намъ, то, яко львы лютые, начали насъ бить ружьями изъ рукъ безъ пощады, и гнать впередъ. Опасность была великая: вечеръ уже близко, а *Іерихонъ* еще далеко; кругомъ дикая пустыня; и мы бѣжали, одинъ другаго предваряя; только и помышляли, что кто-нибудь изъ насъ лишится жизни. Когда взошли на самую гору, то увидѣли развалины: неизвѣстно — что это было, гостинница ли, или какой монастырь; только стѣны еще до половины стоятъ. Тамъ еще другое увидѣли страшное зрѣлище: стояла великая толпа полунагихъ дикихъ арабовъ, овые на коняхъ, а другіе — пѣшіе. Насъ остановили, и между собой переговорили; потомъ спросили насъ по-турецки: какіе мы люди и какого роду? Мы сказали, что мы

московы, русскіе. Они насъ кругомъ обступили, пѣшіе спереди, а конные сзади и съ боковъ, всѣ вооруженные, и погнали насъ, какъ овецъ беззловѣчныхъ, а заднихъ били. Не знали мы — куда насъ гнали, только бѣжали мы съ горы на гору, а уже начало смеркаться. Каждую минуту ожидали страшнаго часа смертнаго; призывали въ помощь единаго Всевышняго Бога, Царя Небеснаго; къ Нему свои душевныя очи возводили, и взывали: О, Господи Боже нашъ! Ты буди помощникъ намъ днесь въ скорбяхъ, обрѣтшихъ ны зѣло! Аще что Тебѣ согрѣшили, — прости намъ, и приими къ Себѣ въ сей дикой пустынѣ души наши, въ день входа Твоего въ Іерусалимъ! Впрочемъ, при общемъ великомъ страхѣ, мое сердце не испугалось, и я часто прочимъ говорилъ: дерзайте, не бойтесь! готовится намъ помощь Божія, и сотворить Господь съ нами чудо. Но мнѣ отвѣчали: откуда намъ теперь помощь? До Іерихона далеко, а изъ Іерусалима теперь никто не поѣдетъ. Но отъ чловѣкъ и чловѣческому разуму помощи ожидать было невозможно и не откуда; а отъ Бога вся возможна, — и помощь была готова. Взошли мы на высокую гору, и вдругъ, впереди насъ, подъ горою, недалеко, увидѣли мы многое множество народа. Это были поклонники, прежде насъ выѣхавшіе изъ Іерусалима: у нихъ подъ горою упалъ верблюдъ съ экипажемъ, и они болѣе часа стояли, многожды поднимали, а онъ паки падалъ. Увидѣвши ихъ, мы великой радости исполнились; пали на землю, и воздали благодареніе Всевышнему Богу. Воистинну, близокъ Господь въ помощь призывающимъ святое имя Его! А враги наши посрамились, и возвратились тщи; якоже пчелы отъ

дыма, такъ они отъ насъ разсыпались, и ни одного не осталось ни сзади ни спереди. Между тѣмъ наши спутники увидѣли насъ, а провожатые къ намъ прискакали, и насъ спрашивали: всѣ ли живы? И весьма тому удивлялись, что остались мы живы, и даже ни въ чемъ не обижены; удивлялись же потому, что хотя самихъ ихъ было и много, но были въ великомъ страхѣ; ибо часто арабы и на обозы нападаютъ; а къ этому времени нарочито приходятъ изъ-за Іордана: знаютъ, что поклонники приходятъ въ Іерусалимъ съ деньгами. Они же не только за деньги, но и за одежду убьютъ человека: ибо они почти нагіе.

92. Когда мы пришли въ *Іерихонъ*, — было уже темно; поставили кругомъ насъ цѣпь часовыхъ, и мы ночевали благополучно. Поутру разставили полотняныя палатки, и сдѣлалось подобно городу, при источникѣ водъ іерихонскихъ, который прежде былъ вредоносенъ, но св. Пророкъ Елисей исцѣлилъ его, сыпавъ водоносъ соли (4 Цар. 2, 19 — 22). Кругомъ много лѣсу, наипаче много тѣхъ древъ, отъ которыхъ питался Іоаннъ Предтеча, называемыхъ акриды; есть и другія, подобныя имъ, отъ которыхъ также можно питаться. Въ половинѣ дня, въ понедѣльникъ, показалось съ горы отъ Іерусалима блестящее оружіе, послышался барабанный бой и музыка, и открылось многое множество народа, до двадцати тысячъ человекъ. Одного воинства тысяча, да провожатыхъ арабовъ до тысячи. А поклонники были — иные на верблюдахъ, иные на коняхъ, иные на ослахъ, иные на магарахъ, иные — пѣшіе. Большая часть были православные поклонники, не только чужестранцы, но и палестинскіе жители; много было изъ патріаршаго

монастыря. Самъ Патріархъ въ сей годъ къ Іордану не приходилъ. Было много христіанъ другихъ исповѣданій. Пришедшихъ распорядили всѣхъ по палаткамъ; и сдѣлалась большая ярмарка и торговля разными съѣстными и питейными припасами.

93. Теперь скажу о достопаечивномъ обстоятельстве. Богъ казнить не только самихъ грѣшниковъ, но и землю, которую они населяютъ и оскверняютъ. Такъ, Господь пожегъ огнемъ, потопилъ водою и погрузилъ въ землю содомскіе и гоморрскіе города; и до-нынѣ стоитъ на томъ мѣстѣ *Мертвое море*, столько горькое, что не имѣетъ въ себѣ никакого животнаго. Въ окружности его, гдѣ были сады и огороды, не можетъ расти ни трава ни древо, чему мы были самовидцы. Отъ самаго Мертваго моря до самаго источника іерихонскаго два часа ходу; мѣстоположеніе — прекрасное и ровное, и земля — самая добрая: нѣтъ ни песку ни камня, еще и напается водою, источникомъ іерихонскимъ и рѣкою Іорданомъ, когда бываетъ наводненіе, какъ сказалъ праведный Авраамъ Лоту, своему племяннику: страна Сodomская, яко рай Божій, блага и плодородна и напается водою. Бытія, 13, 10. Нынѣ же страна содомская—плача достойна, и смотрѣть на нее скучно: нѣтъ на ней ничего растущаго и зеленаго, нѣтъ ни травы ни древа, даже нѣтъ песку и камня, а только какая-то изгарь. Еще растутъ какія-то древа, похожія на смородину, или на малую яблонь, или на баклажанъ; листь на нихъ полубѣлый, посыпанъ подобно какъ солию, и плоды приносятъ похожіе на небольшія яблоки, полукрасныя; когда раздавишь его, то ничего не обрящешь, кромѣ смраду. Называютъ ихъ *содомскими яблоками*. По

другой же странѣ источника іерихонскаго — подобно раю: трава зеленая, покрыта разными цвѣтами,—такъ что и коней не видать. А гдѣ былъ славный градъ Іерихонъ, ничего на томъ мѣстѣ не обрѣтается, только мало замѣтенъ фундаментъ стѣнъ іерихонскихъ. Пониже Іерихона есть развалины *монастыря св. Пророка Елиссея*; а повыше, подъ горами, есть небольшое селеніе, которое нынѣ называютъ *Іерихономъ*.

94. Во вторникъ, на Страстной недѣлѣ, часа за четыре до свѣта, начали бить въ барабаны, стрѣлять изъ пушекъ и тревожить народъ. Цѣлый часъ дали собираться; запалили огни и военные фонари. Мы пѣшіе пошли впередъ, но насъ провожатые не пустили, пока всѣ собрались. Потомъ начали палить изъ пушекъ, забили въ барабаны, заиграла музыка, и пошли въ путь по ровному мѣсту; кругомъ насъ — воинство и огни. Потому рано пошли, что отъ Іерихона до Іордана три часа ходу, т. е. пятнадцать верстъ. Отошли одинъ часъ, да остановились; мало постояли, и паки пошли; одинъ часъ отошли, и паки остановились; развели огни, и постояли довольно долго: потому что боялись рано допустить народъ къ Іордану, дабы иные не потонули. Мы же очень скучали, и минута казалась намъ за часъ. Когда начало свѣтать, тогда насъ пустили по своей волѣ. Мы, пѣшіе, одинъ другаго предваряли, верховые также. Куда тогда дѣвалась наша старость? Обновися, яко орля, юность наша. Пустились всѣ бѣжать, сколько у кого было силы. Старики, сѣдая борода, уцодобились младымъ отрокамъ, съ ноги на ногу прыгали. Старыя жены, хотя и не могли прыгать, но и тѣ, подхвативши свои одежды, еще и со сле-

зами, обаче бѣжали, сколько силы есть, дабы скорѣе и прежде всѣхъ прибѣжать къ Іордану.

95. Какъ только подбѣжали къ *Іордану*, то кто въ чемъ былъ, въ томъ и бросились въ воду. Мы искупались до большаго народа; и я со дна Іордана взялъ немного камней, благословенія ради. Самъ Богъ повелѣлъ Іисусу Навину взять двѣнадцать камней изъ Іордана, ради памяти—что переходили рѣку Іорданъ по суху. И я взялъ того ради, что былъ и купался въ Іорданѣ. Купались мы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Іисусъ Навинъ переводилъ Израиля. А гдѣ св. Іоаннъ Предтеча крестилъ Господа Іисуса Христа, то мѣсто выше; и тамъ купаться такому множеству народа неудобно, потому что берегъ очень крутъ. Іорданъ рѣка ширины саженой пятьдесятъ, но только весьма быстрая, и отъ быстроты мутная и глубокая въ ярахъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ купаются, сажени на двѣ можно ходить отъ берега. А гдѣ на прочихъ мѣстахъ купались, тамъ держались за вѣтви древъ; овые и переплывали, но съ великимъ трудомъ, ибо очень быстра струя, и заплескиваетъ. По обѣимъ сторонамъ растеть лѣсъ прекрасный и трава великая. Іорданъ течетъ изъ Тиверіадскаго моря, а впадаетъ въ Мертвое море. Искупавшись еще въ Іорданѣ, пошли обратно въ Іерихонъ, каждый по своей волѣ. Когда возвращались отъ Іордана, и прошли одинъ часъ ходу, то недалеко, въ лѣвой рукѣ, видны были развалины монастыря св. *Герасима*; еще до половины стѣны стоятъ. А въ правой рукѣ, на берегу Іордана, видны развалины монастыря св. *Іоанна Предтечи*, Крестителя Господня.

96. Пришедши въ Іерихонъ, пообѣдали — кто что

имѣлъ; овые купили. Недалеко отъ Іерихона, къ западу, стоитъ гора *Сорокодневная*, на которой Господь постился сорокъ дней и сорокъ ночей. Близу ея были монастыри, и до-днесь видны развалины ихъ; въ горѣ же множество пещеръ и монашескихъ келій, съ малыми церквами, и до-нынѣ видно стѣнное иконное писаніе; но нынѣ до конца мѣсто запустѣло: въ нѣкоторыхъ келіяхъ живутъ полудикіе арабы. Двое русскихъ пошли на верхъ горы; но когда стали спускаться съ горы, то на одного арабы напали, и убили бы, ежели бы другой скоро не увидалъ, и не закричалъ. Арабы подумали, что много русскихъ, — бросили его, а сами убѣжали.—Переночевавши въ Іерихонѣ третью ночь, въ среду поутру съ полунощи поднялись, и пошли въ путь при огняхъ и при музыкѣ и при ружейныхъ выстрѣлахъ; но только ночью по горамъ и по камнямъ идти весьма было трудно отъ множества народа: дорога узкая, только проѣхать одному коню верховому, а народу много тысящъ; и потому шли не по дорогѣ, а прямо по камнямъ, на полверсты ширины и версты на три длины; вокругъ же насъ скакали арабы, на своихъ легкихъ коняхъ, и отбивали разбойниковъ. Хотя шли мы ночью, но отъ множества огня и фонарей идти было свѣтло, и шли мы по пустынѣ, подобно Израилю, Моисеемъ водимому.

97. Въ среду, въ половинѣ дня, стали подходить къ Іерусалиму. Іерусалимскіе жители, остававшіеся дома, христіане, турки и евреи, мужи и жены, вышли насъ встрѣчать отъ Іерусалима до самой Вифаніи. По обѣимъ сторонамъ дороги стоялъ и сидѣлъ народъ. Христіане поздравляли насъ съ обмытіемъ грѣховъ въ

Иорданъ и съ чистымъ тѣломъ и душою. И былъ во всемъ Іерусалимѣ какъ великій праздникъ. Да и воистинну былъ праздникъ: было самое великое стеченіе народа изъ всѣхъ странъ и изъ всея Палестины. Наступили для христіанъ самыя великіе праздники и торжества. Приближалось время радости и скорби. Радовались о томъ, что наступаютъ великіе праздники и торжества, получимъ новую благодать небеснаго свѣта, и будемъ праздновать пресвѣтлый праздникъ, св. Пасху, въ святомъ градѣ Іерусалимѣ. Скорбѣли сердцемъ о томъ, что приходитъ время всѣмъ другъ съ другомъ разлучаться. Жили полгода, со всѣми познакомились. А наипаче страшили насъ тѣ горькія минуты, когда надобно будетъ разставаться намъ съ св. градомъ Іерусалимомъ, разлучаться съ святымъ и живоноснымъ Христовымъ гробомъ и съ прочими святыми мѣстами. Пришедши на квартиры, пообѣдали, отдохнули, и потомъ пошли ночевать во храмъ ко гробу Божію. Утренья въ четвертокъ была торжественная; ранняя Литургія была на Божіемъ гробѣ; служилъ одинъ Архіерей соборомъ; на Литургіи много было причастниковъ.

98. Поздняя Литургія была въ Патріархін; служилъ самъ Патріархъ. Умовеніе ногъ было на площадкѣ, противъ святыхъ вратъ храма Гроба Божія. Сдѣланъ былъ амвонъ на три ступени; кругомъ — перилы, по угламъ — колонны, на колоннахъ — великія свѣчи. Амвонъ устланъ былъ коврами. На срединѣ стоялъ стулъ позлащенный; по сторонамъ стояло 12 стульевъ; на стѣнѣ къ востоку поставлены были иконы, и предъ ними горѣли свѣчи; къ той-же стѣнѣ сдѣлана была кафедра для чтенія Евангелія. Пришло сто

человѣкъ востанова, и стали кругомъ каѳедры. На площадкѣ, на Аврааміевомъ монастырѣ, на Геосиманскомъ подворѣ, на Патріаршемъ монастырѣ и на храмѣ Христова Гроба стояло многое множество народа. Мы стояли на храмѣ Христова Гроба. Смотримъ: изъ Патріаршаго монастыря идетъ Патріархъ во всемъ облаченіи, съ двѣнадцатыо священниками, сопровождаемый Архіереями. Впереди его шли двѣнадцать мальчиковъ въ облаченіи клириковъ, съ подсвѣчниками и со свѣчами, потомъ пѣвчіе, потомъ діаконы съ кадилами; за ними шли священники; потомъ семь діаконовъ съ дикиріями и трикиріями; за ними шелъ Патріархъ, и обѣими руками благословлялъ народъ; за нимъ шли Архіереи въ рясахъ. Взошедши на амвонъ, Патріархъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ, и прочимъ священникамъ приказалъ сѣсть по чину. Архіереи стояли внизу и смотрѣли. Начался чинъ умовенія ногъ и чтеніе Евангелія, читалъ архимандритъ на каѳедрѣ. И было совершено умовеніе по чину. Предъ вечеромъ во всѣхъ монастыряхъ было *освященіе елея*, и всѣхъ поклонниковъ соборовали масломъ, — вездѣ сами Архіереи. Въ тотъ вечеръ храмъ Гроба Божія не отворяли, и ночевать никого не пустили. Но русскія благородныя жены упросили Патріарха и Консула отправить стояніе на Голгоѣ по-русски. Патріархъ уважилъ просьбу, и уже поздно вечеромъ съ фонарями отперли святыя врата, и впустили въ храмъ однихъ русскихъ. Повечеріе прочитали на Голгоѣ, и пѣли Кресту канонъ весь на-распѣвъ, по-гречески. Потомъ греки легли спать, а мы русскіе пошли въ пещеру, гдѣ Царица Елена обрѣла крестъ. Тамъ прочитали двѣнадцать Евангелій

страстныхъ и синаксарь, и другія приличныя тому дню слова, и пропѣли акаѳистъ честному Кресту.

99. Когда начали ударять въ било на утреню, — мы пошли всѣ на Голгоѳу, и началась утреня по уставу. Евангелія читали — шесть по-гречески и шесть по-русски. Антифоны и каноны пѣли на-распѣвъ, правый клиросъ по-гречески, а лѣвый по-русски; и продолжалось стояніе шесть часовъ. Часы царскіе всѣ прочитали и пропѣли на Голгоѳѣ по-русски. Утромъ врата церковныя не отворяли, и была въ храмѣ тишина и безмолвіе. Въ двѣнадцатомъ часу дня пошли кадить святыя мѣста по два діакона. Прежде кадили два діакона православныхъ. Потомъ пошли кадить два діакона армянскихъ, въ митрахъ. Потомъ пошли два діакона коптовъ, тоже въ митрахъ. Католики не кадили. У нихъ діаконы одежду носятъ странную отъ всѣхъ вѣръ. Потомъ ходили всѣ съ литіями. Въ первомъ часу по полудни отворили св. великія врата церковныя. Народъ бросился въ храмъ безъ порядка, и произошелъ въ храмѣ великій шумъ: бросились себѣ мѣста захватывать. И мы заняли себѣ мѣста. Въ одну минуту наполнился весь храмъ народомъ.

100. Чрезъ полчаса, вдругъ, около Божія гроба сдѣлался шумъ, и закричали арабы необыкновеннымъ гласомъ: схватились человекъ пятьдесятъ, встали одинъ другому на плечи, въ три человека, подняли руки на небо, и всѣ закричали. И начали бѣгать кругомъ Божія гроба, а потомъ по всему храму; и бѣгали и кричали до самой вечерни. Потомъ пришло тысяча человекъ воинства турецкаго, подлѣ св. вратъ сдѣлали гауптвахту, и по всему храму разставили часовыхъ. Потомъ пришелъ Патріархъ со славою

многою; и была ему великолѣпная встрѣча. Вечерня была торжественная; но плащаницу съ Голгоѣы не сносили, по опасенію безпорядка. Послѣ вечерни паки арабы принялись за свою работу, паки начали бѣгать и кричать. Я спрашивалъ тѣхъ, которые знаютъ по-русски: что они приговариваютъ? Мнѣ сказали, что они хвалятъ едину православную вѣру, прочія же исповѣданія укоряютъ, яко лживыя и душепагубныя. Къ армянамъ приходятъ, и ихъ укоряютъ, что хотѣли сами получить благодать, но вмѣсто того наѣлись нечистоты. Франковъ укоряютъ, что не вѣрятъ благодати, и не принимаютъ святаго свѣта отъ гроба Господня, но сами высѣкаютъ огонь. Неправославные даютъ воинамъ деньги, чтобы били арабовъ, и отгоняли отъ нихъ. Потому арабы всѣ въ крови и въ поту; спустятъ съ плечъ свои длинныя рубахи, и ходятъ полунагіе; кто ихъ бьетъ, не скорбятъ, но свое дѣло дѣлаютъ. Когда бѣгаютъ кругомъ гроба Божія и по Воскресенскому храму, — все одни слова говорятъ. Мнѣ растолковали, что они говорятъ сіе: « Единъ Богъ Іисусъ Христосъ! Едина вѣра православныхъ христіанъ! » — Потомъ носили плащаницу христіане всѣхъ исповѣданій, армяне, копты и сиріане. Прежде всходили на Голгоѣу, потомъ сходили ко Снятію, а послѣ обходили по-трижды Божій гробъ, а потомъ уходили въ свои придѣлы. Такъ проводили ночь до заутрени, среди безпрестаннаго шума; и былъ въ храмѣ какъ бы базаръ, или ярмарка. До сего времени поклонники разсѣяны были по всему Іерусалиму; а теперь всѣ христіане, изъ разныхъ странъ, собрались въ одинъ храмъ къ гробу своего Спасителя, Іисуса Христа. Народомъ наполнены были

всѣ хоры, всѣ галлерей. Всѣ просятъ, всѣ требуютъ по своему обычаю. Всюду тѣснота, всюду отъ тѣсноты драки; языковъ другъ друга не понимаютъ, а турки войны безпрестанно разнимаютъ. Можно сказать, что теперь вмѣстѣ небеси подобный храмъ въ себя всю вселенную. Такъ проводили ночь до заутрени.

101. Потомъ начали въ доски благовѣстить къ утрени, и арабы шумѣть перестали. Самъ Патріархъ началъ утреню по уставу, и роздали всѣмъ православнымъ свѣщи. Всю каѳисму « Блаженіи непорочніи » пѣли на-распѣвъ, въ Воскресенскомъ храмѣ. Читать Евангеліе пошли на гору Голгоѳу. Прочитавши Евангеліе, подняли плащаницу и понесли съ Голгоѳы, съ хоругвями и съ фонарями; было множество духовенства: кромѣ діаконовъ, священниковъ, игуменовъ и архимандритовъ, шесть Архіереевъ и Патріархъ, и множество пѣвцовъ. Когда снесли съ Голгоѳы, — обошли Снятіе трижды. Потомъ положили плащаницу на томъ мѣстѣ, гдѣ Іисуса Христа повиляли пеленами, и мазали муромъ на погребеніе. Здѣсь говорена была великая проповѣдь. Потомъ понесли плащаницу на гробъ Іисуса Христа, и обнесли кругомъ гроба трижды. Потомъ внесли во-внутрь гроба, и положили плащаницу на самомъ гробѣ. Все духовенство стало вокругъ кувуклія Христова гроба. И пѣли весь канонъ « *волною морскою* » и стихи на-распѣвъ одно духовенство. Весь народъ держалъ въ рукахъ свѣщи. Тамъ же пѣли и *хвалитныя* и великое *славословіе*, и читали Евангеліе; тамъ кончили утреню и часы. Послѣ плащаницу убрали въ свое мѣсто, а гробъ турки запечатали. Послѣ службы, паки арабы

начали свою работу, но еще и приумножили: ибо и жители іерусалимскіе, купцы и старики, поскидали свои чалмы, схватились одни съ другими, и всѣ начали кричать и прыгать. Когда разсвѣло, начали огни и лампы гасить, и нигдѣ не оставили ни единой лампы горящей. Турки отворили Божій гробъ, и внутри погасили всѣ лампы. Потомъ пришло турецкое начальство, и самъ Паша; кругомъ Христова гроба стало множество воиновъ вооруженныхъ. И во храмъ все перемѣнилось: всѣ приуныли, а арабы приохрипли и изнемогли. Въ храмъ тѣснота и духота необыкновенная. Вверху на всѣхъ хорахъ въ четыре ряда набито народу; и на всѣхъ иконостасахъ и въ куполахъ полно людей; всѣ держатъ въ обѣихъ рукахъ по тридцати по три свѣщи, во образъ Христовыхъ лѣтъ. Огня нигдѣ нѣтъ.

102. Патріархъ съ консулами взошелъ на передній иконостасъ. А Мелетій Митрополитъ за-Іорданскій съ прочими Владыками сидѣли въ алтарѣ, приунывши и головы повѣсивши. Въ храмъ распоряжаются магометане, съ военнымъ оружіемъ; арабы бѣгутъ уже перестали, но стоятъ, поднявши руки на небо, и умоленные гласы испускаютъ; христіане всѣ плачутъ, или непрестанно воздыхаютъ. И кто бы могъ тогда удержаться отъ слезъ, видя столь множество людей со всѣхъ странъ вселенной, плачущихъ и рыдающихъ, и отъ Господа Бога милости просящихъ? Но радостно было видѣть, что теперь и не-хотя прочіе христіане православную греческую вѣру и православныхъ христіанъ уважаютъ, и на православныхъ, яко на пресвѣтлое солнце, взираютъ: ибо всѣ надѣются получить благодать святаго свѣта токмо отъ право-

славныхъ. Пришли въ алтарь Армянскій Патріархъ съ двумя Архіереями и Коптскій Митрополитъ, поклонились Митрополиту Мелетію и прочимъ Владыкамъ, и просили, чтобы, когда получаютъ благодать святаго свѣта, удѣлили и имъ. Митрополитъ Мелетій со смиреніемъ отвѣтилъ, и велѣлъ имъ молиться Богу; и они пошли въ свое мѣсто. Потомъ были сняты царскія врата, и повѣшены другія, съ отверстіемъ. Не можно описать—что тогда было во храмъ: якобы ожидали всѣ втораго пришествія Царя Небеснаго; на всѣхъ напалъ страхъ и ужасъ; сами турки пріуныли. Больше въ храмъ ничего не слышно, какъ только воздыханія и стоны. И Митрополитъ Мелетій слезами омочалъ свое лицо. Потомъ самъ турецкій паша съ прочими начальниками пошелъ во-внутрь ко гробу Божію повѣрять, не осталось ли гдѣ огня. И когда вышли, — гробъ запечатали. Но туда еще прежде отнесли великую лампаду, налитую до самаго верха елеемъ, и въ нее пущена великая свѣтильня, и поставили лампаду посреди Христова гроба. Уже кругомъ кувукліи христіанъ близко нѣтъ, а одно турецкое начальство. А съ хоръ спущено было на веревкахъ множество желѣзныхъ рѣшетокъ съ пуками свѣчъ. Когда пробило восемь часовъ, по-русски — два часа съ полудня; тогда начали готовиться къ крестному ходу. Архіерей, священники и діаконы, облачившись во всю священную одежду, взяли всѣ по тридцати по три свѣщи безъ огня. Потомъ подали изъ алтаря, чрезъ царскія врата, двѣнадцать хоругвій, и взяли — кто могъ. Воины очистили путь. И пошли за хоругвями пѣвчіе. Потомъ изъ алтаря, въ царскія врата, пошли, по-два въ-рядъ, діаконы, священники, игумен-

ны и архимандриты, потомъ Архіереи, а позади всѣхъ Митрополитъ Мелетій; и пошли прямо ко гробу Господню. Обошли его кругомъ трижды, поюще: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небсѣхъ: и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славить.» — Кончивши ходъ, все духовенство скоро пошло въ алтарь и съ хоругвями; остался одинъ Митрополитъ Мелетій у дверей гроба, въ рукахъ турокъ. Турки его разоблачили, и сами начальники всего его обыскали. Потомъ надѣли на него подризникъ и омофоръ, и отворили Божій гробъ, и впустили его вовнутрь. О, какой тогда напалъ страхъ и ужасъ на всѣхъ тамъ бывшихъ! Всѣ рыдали и воздыхали, и просили Господа Бога, да не лишитъ Своей благодати, небеснаго Своего свѣта. Прошло нѣсколько времени, не знаю, много или мало, ибо были всѣ внѣ себя отъ какого-то страха, — только вдругъ около Божія гроба возсіялъ свѣтъ; скорѣ свѣтъ показался и изъ алтаря, въ царскія врата, въ отверстіе. И текли яко двѣ огненныя рѣки, — одна отъ запада, отъ Божія гроба, а другая съ востока, отъ алтаря. О, какая тогда въ храмѣ сдѣлалась радость и ликованіе! Сдѣлались всѣ яко піяны, внѣ себя, и не помнили, кто что говоритъ, или кто куда бѣжитъ. И поднялся по всему храму великій шумъ: всѣ бѣгаютъ, всѣ восклицаютъ съ веселіемъ и благодареніемъ, а наипаче арабскія жены. Сами турки, магометане, пали на колѣна, и кричали: *алла, алла*, т. е. *Боже, Боже*. О, странное и преславное видѣніе! Весь храмъ обратился въ огонь: больше во храмѣ ничего не видно, кромѣ небеснаго свѣта. Вверху и внизу и по всѣмъ хорамъ разлился святой свѣтъ, и сдѣлался послѣ по всему

храму дымъ. И пошелъ народъ со свѣтомъ, большая половина, вонъ; и понесли по всему Іерусалиму, каждый въ свой домъ, и по всѣмъ монастырямъ.

Въ великой церкви началась вечерня, а потомъ Литургія Василія Великаго. Служилъ одинъ Митрополитъ, соборомъ, и хиротонисалъ одного діакона. Литургію народъ стоялъ со свѣчами.

Митрополитъ за-Іорданскій когда входитъ во-внутрь гроба, — обрѣтаетъ великую лампаду, стоящую на Христовомъ гробѣ, саму о себѣ возжегшуюся; а иногда при немъ нечаянно загорится. Но только самъ онъ никогда не видалъ—какъ она загорается. Въ Іерусалимѣ я отъ многихъ слышалъ, которымъ самъ Митрополитъ сказывалъ по откровенности, сіе: «Иногда я взойду, а она уже и горитъ; тогда и я скоро вынесу; а иногда взойду, а лампада еще не горитъ; тогда я паду на землю отъ страха, и со слезами начинаю просить милости отъ Бога. Когда встану, — лампада уже горитъ, и я зажигаю два пука свѣчей, выношу и подаю.» Митрополитъ выноситъ свѣтъ въ притворъ, и вкладываетъ пуки въ желѣзные фонари, и подаетъ отъ гроба въ отверстія, для того устроенныя, правой рукой—православнымъ, а лѣвой — армянамъ и прочимъ. Православныхъ арабовъ цѣлая толпа стоитъ подлѣ отверстія. И какъ только Митрополитъ покажетъ святой свѣтъ, — одинъ арабъ, схвативши бѣжить прямо въ алтарь; а оттуда, въ царскія врата, раздаютъ народу; а подлѣ отверстія едва только успѣетъ одинъ запалить свѣщи. Митрополитъ же какъ обращается ко Христову гробу, и еще зажигаетъ два пука, и выходитъ изъ дверей гроба. Арабы же самые сильные стоятъ у дверей гроба, и его дожидаются.

Только онъ выйдетъ , держа въ рукахъ по тридцати по-три свѣщи горящихъ , — арабы , взявши его на свои руки , несутъ прямо въ алтарь. Народъ весь бросается къ нему : всѣмъ желательно прикоснуться къ его одеждѣ. И едва , съ великимъ трудомъ , могли его донести до алтаря ; и посадили его на стулъ : онъ просидѣлъ всю Литургію , яко внѣ себя , наклонивъ главу ; очами не смотрѣлъ и устами ничего не провѣщалъ ; и никто его не беспокоилъ. Когда унесли его отъ гроба , — народъ бросился во-внутрь гроба прикладываться ; и я сподобился приложиться. Весь Христовъ гробъ былъ мокрый , якобы дождемъ вымоченъ ; но я не могъ узнать — отъ чего это. Посреди гроба стояла та великая лампада , которая сама зажглась , и великимъ свѣтомъ горѣла.

По Литургіи , каждый пошелъ въ свое мѣсто , и одинъ другаго поздравлялъ съ полученіемъ новаго благодати святаго свѣта.

103. Вечеромъ всѣ мы пошли ночевать во храмъ , ко Христову гробу. Когда же пришли въ храмъ , — увидѣли дивное и преславное зрѣлище : весь храмъ , а наипаче Божій гробъ , неизреченно украшенъ разными серебряными и златыми иконами и фигурами , а наипаче множествомъ серебряныхъ и вызлащенныхъ лампадъ , горящихъ великимъ свѣтомъ ; обставленъ множествомъ свѣчей бѣлаго воску , но еще не зажженныхъ. Весь храмъ увѣшенъ былъ лампадами : гдѣ прежде была одна лампада , тамъ десять : хотѣлъ я пересчитать , но не могъ. Вездѣ тихо и спокойно. Врата церковныя оставлены были не затворенными на всю ночь. Воины на площади развели огни. И была та ночь веселѣе всякаго дня : куда ни пойдешь ,

всюду радость найдешь; и не только сія радость во храмъ Христова Гроба, но и по всему Іерусалиму; всю ночь по улицамъ ходилъ народъ толпами; всюду горѣли огни, и всѣ монастыри были отворены. Самые турки сдѣлались веселы и кротки, и толпами шли посмотрѣть въ храмъ Христова Гроба.

Только одни жидаы заперлись въ своихъ домахъ, не терпя видѣть свѣта истины, и коснѣя въ своей злобѣ. Франки же, хотя и враги Восточной Церкви, но и тѣ съ нами торжествуютъ. Въ храмъ же хотя и стоятъ воины кругомъ Христова гроба, но ко гробу Христову подходитъ никому не возбраняютъ. Такъ проводили вечеръ до десяти часовъ. Потомъ, за три часа до полуночи, начали благовѣститъ къ утрени въ разныя доски, разными переборами, самымъ торжественнымъ образомъ. Пришелъ Патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ, и была ему самая церемоніальная встрѣча.

Потомъ начали утрению. Канонъ «волною морскою» пѣли весь на-распѣвъ, по стихамъ и по клиросамъ, съ ирмосомъ на четырнадцать; пѣли два часа. Въ то время зажигали по всему храму свѣщи и паникадила; въ самыхъ куполахъ зажгли не одну тысячу лампадъ.

Мы, монашествующіе, стояли всѣ въ алтарѣ. Потомъ Патріархъ и Митрополиты, Архіепископы и Епископы, архимандриты и игумены, священники и діаконы, и весь причетъ церковный, облачившись во всю священную одежду, взяли двѣнадцать хоругвій. Хоругви были богато украшенныя; жертвованы древними греческими и грузинскими Царями; вышиты золотомъ и жемчугомъ: только на Пасху и показы-

вали ихъ. Позади Патріарха несли одну хоругвь три человека, шитую однимъ златомъ, съ изображеніемъ воскресенія Христова, російской работы, пожертвованную московскими купцами. Потомъ роздали всѣмъ большія свѣчи бѣлаго воска. Также и по всему храму зажгли свѣчи и паникадила. Гробъ Христовъ казался якоже одинъ огненный фонарь. Отъ большихъ свѣчей въ рукахъ cadaго сдѣлался весь храмъ въ огнѣ, и освѣтились церковные куполы подобно солнцу. Бывшіе въ крестномъ ходу взяли Евангелія, иконы, кресты и зажженные свѣчи, и пошли изъ алтаря Воскресенскаго храма въ царскія врата, прямо къ гробу Христову, поюще: « Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ: и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славить! » Когда обошли Христовъ гробъ трижды, — все духовенство остановилось противъ дверей гроба. Потомъ самъ Патріархъ прочиталъ воскресное Евангеліе, которое читается въ вечеру въ субботу на Литургіи: отъ Матѣ. зач. 115. Потомъ, взявши кадило, пошелъ вовнутрь, и покадилъ Божій гробъ; вышедши, покадилъ кругомъ всю кувуклію и всю братію. Потомъ съ Архіереями пошелъ во-внутрь къ Христову гробу, и тамъ покадивши, возгласилъ: « Слава Святѣй, и Единосущѣй, и Животворящей, и Нераздѣльнѣй Троицѣ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. » Владыки возгласили « аминь. » Тогда самъ Патріархъ со всѣми Архіереями, внутри надъ самымъ гробомъ, воспѣли: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ, и пропѣли сіе трижды. Пѣли не по-русски, а по-гречески, т. е.: « Христосъ аněсти экъ некрѣиъ, ѡанато ѡана-*

тонъ патісасъ , ке тисъ энъ тисъ мнѣмаси зойнъ харисаменосъ.» Потомъ пѣли пѣвцы ; и всѣ вокругъ Христова гроба стоящіе пѣли многожды. О , какая тогда у всѣхъ была радость , и кто отъ радости могъ не плакать , видя гробъ своего Спасителя , Іисуса Христа , предъ очами своими стоящъ празденъ , и Самого Его воскресша изъ мертвыхъ ? Кто могъ не благодарить своего Создателя — что сподобилъ праздновать св. Пасху , Его славное изъ мертвыхъ воскресеніе , въ св. градъ Іерусалимъ , вокругъ самага Его гроба , и на самомъ томъ мѣстѣ — гдѣ совершилось таинство нашего спасенія ? Какое перо можетъ описать нашу неизреченную радость , или кто можетъ ее объяснить устами ? Который языкъ можетъ ее рассказать ? Только развѣ тотъ ее понять можетъ , кто вкусить той радости въ чистотѣ своего сердца. Какъ намъ было не радоваться , и не веселиться ? Собрались мы отъ четырехъ концовъ вселенныя , христіане разныхъ исповѣданій , разные языки , всѣ собрались въ одинъ храмъ ; всѣ стоимъ вокругъ гроба своего Спасителя , и всѣ прославляемъ Его славное изъ мертвыхъ воскресеніе. Поистинѣ , нынѣ вся исполнилася свѣта ; тогда канонъ Пасхи сдѣлался намъ весь открытъ и явствененъ. Ибо что поемъ , то и своими очами видимъ. И съ какими чувствами мы восклицали къ Сіону , на которомъ стояли : « возведи окрестъ очи Твои , Сіоне , и виждь : се бо придоша къ Тебѣ , яко Богосвѣтлая свѣтила , отъ запада , и сѣвера , и моря , и востока чада Твоя , въ Тебѣ благословящая Христа во вѣки.» Пѣсп. 8. ст. 2. Кан. Пасхи. Воистину для насъ была священная и всепразднственная сія спасительная ночь , и свѣтозарная свѣтоноснаго дне ,

востанія сущи провозвѣстница, въ нейже безлѣтний Свѣтъ изъ гроба плотски всѣмъ возсія. Пѣсн. 7.

Потомъ была ектенія. Когда начали канонъ пѣть, — пошли въ великую церковь; а на Христовомъ гробѣ одинъ священникъ съ діаконъ начали раннюю Литургію. Въ великой же церкви канонъ Пасхи весь пѣли на-распѣвъ. Послѣ утрени безъ расходу начали и Литургію. Служилъ Патріархъ съ полнымъ соборомъ, въ самомъ великолѣпномъ и торжественномъ видѣ. Апостолъ читали на трехъ языкахъ: на греческомъ, на славянскомъ и на арабскомъ. Евангеліе читали на разныхъ многихъ языкахъ: на славянскомъ читали трое, прочіе на еллиногреческомъ и на греческомъ, на латинскомъ, на турецкомъ, на молдавскомъ, на грузинскомъ, на сирскомъ, на арабскомъ, на египетскомъ и на абиссинскомъ; читали съ переборами въ доски. Литургію всѣ стояли со свѣщами. Мы утрению и Литургію стояли въ алтарѣ.

Когда окончилась Литургія, — начало свѣтать. Всѣ православные пошли въ патріархію, и тамъ во вратахъ каждому давали по два яйца красныхъ. Потомъ всѣ пошли по своимъ мѣстамъ.

104. Впрочемъ дали всѣмъ православнымъ поклонникамъ повѣстку, чтобы въ первомъ часу по полудни шли въ патріаршій монастырь къ вечерни. И мы пришли въ церковь патріаршую: она убрана и украшена была множествомъ лампадъ и свѣщей. Роздали всѣмъ въ руки по великой бѣлаго воска свѣщѣ, и стояли всю вечерню со свѣщами. Вечерня была самая торжественная. На входъ шло больше ста священниковъ и множество діаконъ. Впередъ шли семь діаконъ съ кіріями; за ними несли двѣнадцать ри-

идѣ. Шли позадь всѣхъ столбовъ. Евангеліе читали, подобно какъ на Литургіи, много человѣкъ на разныхъ языкахъ, съ перезвонами. Послѣ вечерни было всѣмъ поклонникамъ угощеніе.

Потомъ отворили храмъ Христова Гроба, и пошли всѣ поклонники приложиться къ гробу Христову. Тамъ было плачевное зрѣлище: всѣ плачутъ, всѣ рыдаютъ; всѣ гробъ своего Спасителя, Іисуса Христа, обнимаютъ, и горячими слезами обливаютъ: потому что пришло время съ нимъ разлучиться, и на вѣки съ нимъ разстаться. Плачь и рыданіе, по всему храму; а наипаче жены громкіе гласы и вопли выпускаютъ. И на всѣхъ св. мѣстахъ лежитъ народъ, и встать не хотятъ. Такъ всѣмъ грустно и скорбно разлучаться съ Іерусалимомъ, и разставаться съ живоноснымъ Христовымъ гробомъ.

105. Въ понедѣльникъ, по-утру, когда вышли мы отъ Литургіи,—уже по улицамъ и пройти стало нельзя. Всюду наполнено верблюдами и ослами, и арабами извозчиками. Всѣ суетятся, и отправляются каждый во свою страну. Во вторникъ еще больше отправилось. Мы же въ среду выѣхали. Взяли двое одного верблюда, на которомъ и отправились изъ Іерусалима, какъ и прочіе, со многими слезами. Іерусалимскіе жители и сами Архіереи выходятъ ежедневно за Давидовы врата провожать поклонниковъ. А Митрополитъ Мелетій всѣхъ благословляетъ. Мы выѣхали, едва помня себя отъ горести и отъ печали, что навсегда удаляемся изъ св. града Іерусалима, и что въ другой разъ увидѣть его не имѣемъ надежды. Но еще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя, еще не помяну тебе, еще не предложу

Іерусалима, яко въ началѣ веселія моего. Наконецъ закрылся отъ очей нашихъ св. градъ Іерусалимъ! Тогда мы возопили ко Господу: «Господи, Господи! аще и извелъ еси насъ изъ земнаго сего рукотвореннаго Іерусалима, въ которомъ плотію Своею пострадалъ Ты; но не лиши насъ Твоего Іерусалима небеснаго, нерукотвореннаго, въ которомъ царствуеши во вѣки безконечныя. Аще Ты и закрылъ отъ тѣлесныхъ нашихъ очей Свой живоносный гробъ; но, о Господи, Владыко человеколюбче! открой нашимъ душевнымъ очесамъ Самого Себя, да видимъ Тебя разумно, и да утѣшаемся Тобою, нашимъ Создателемъ! О, Господи! виждь, како мы любимъ Твой живоносный гробъ. О, Господи! сподоби насъ возлюбити Тебе Самого отъ всея души, и отъ всего сердца нашего, и отъ всего помышленія нашего, да всегда предъ Тобою ходимъ, во вся дни живота нашего, да Тебя, нашего Владыку, ни въ чемъ не прогнѣваемъ! И скажи намъ, Господи, путь, въ онъже поидемъ; и научи насъ творити святую волю Твою: яко Ты еси Богъ нашъ. Аще куда насъ поведеши: самъ предъиди предъ нами; потому что безъ Тебя и Твоея помощи не можемъ благое творити ничтоже. Господи! аще посылаеши на насъ скорби и смущенія: Самъ даруй намъ крѣпость и терпѣніе. Аще насъ утѣшаеши: даруй намъ кротость и смиренномудріе, да не превознесемъ, и да не возгордимся. Но молимся Тебѣ, Господи: не пошли намъ скорби выше силъ нашихъ, избави насъ отъ лукаваго и отъ всѣхъ дѣлъ его.»

Бхали мы полями: пшеница уже поспѣвала, и начинали ее жать. Ночевать пришли мы въ городъ

Ремль; а по-утру въ четвертокъ пріѣхали въ Яффу. т. е. въ Іоппію. Въ пятокъ сѣли на корабль, и отправились въ путь прямо во св. Гору Аѳонскую.

106. Много дней плавали по Средиземному морю. Потомъ занесло насъ вѣтромъ въ древнюю Ликійскую страну, недалеко отъ града Муръ; и забѣжали мы между горъ, подобно какъ во врата. Внутри горъ великое озеро, верстъ на десять въ длину, такожде почти будетъ и въ ширину. По сторонамъ того озера и посреди на камняхъ множество домовъ стоитъ, какъ городъ. Дома всѣ изъ тесаннаго камня, а живущаго нѣтъ ни единого. Мы тому удивлялись, и спрашивали своихъ корабельщиковъ: «что это значитъ — что домовъ много, а жителей нѣтъ?» Они же намъ рассказали такую вещь: «Гдѣ эта вода и все озеро, близъ коего мы стоимъ, — все было одинъ великій городъ, а какъ его называли, того не знаемъ. Но есть у насъ преданіе словесное такое, что еще до Рождества Христова, во времена идолопоклонства, былъ въ семъ градѣ богомерзскій праздникъ. Въ то время весь градъ провалился, и на томъ мѣстѣ сдѣлалось сіе озеро. Которые дома стояли по край города и оставались пустые, когда жившіе въ нихъ всѣ были на праздникѣ, тѣ дома остались, и до-днесь стоятъ. Такожде и внутри града, гдѣ не было людей, тѣ дома остались.» Мы много тому удивлялись. Дѣйствительно, посреди озера остались мѣста — гдѣ домовъ по пяти, а гдѣ и больше и меньше, а индѣ половина дому осталась. Дома были великіе и прекрасные, и до-днесь еще удивляютъ. И до-днесь видна, поверхъ дверей и оконъ, по цѣльному тесанному камню богатая рѣзьба. Еще осталось кладбище, которое было внѣ города, и

до-днесь стоятъ гробы, высѣченные изъ цѣльнаго камня. И до-днесь изъ горъ мимо кладбища течетъ вода, которая проведена была въ городъ; но и она сдѣлалась красновата и вредна. Наши корабельщики по нуждѣ набрали ея; но мы всѣ сдѣлались отъ нея нездоровы; послѣ вылили вонъ. Градъ былъ очень великъ. Врата, которыя были къ морю, до-нынѣ стоятъ. Дома, которые остались, весьма великолѣпны и по нынѣшнимъ временамъ; колыма паче въ тогдашнее время. Названіе города осталось неизвѣстно. Мы стояли тамъ пять дней. И градъ Мѹры Ликійскія былъ не далеко; но не можно было намъ посѣтить его, потому что не стояли еще въ карантинѣ.

107. Потомъ пошли въ путь, и прошли мимо многихъ острововъ. Пришли къ острову *Самосу*, и тамъ стояли въ карантинѣ десять дней. Островъ Самосъ великъ и плодороденъ, имѣетъ своего Князя; жители его — на особыхъ правахъ, подъ вѣдѣніемъ Султана турецкаго. Святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій, Кириллъ, уроженецъ съ сего острова Самоса. Выстоявши карантинъ, еще три дни стояли въ городѣ, потому что не было попутнаго вѣтра. Потомъ отправились въ путь. Еще при островѣ *Хіосѣ* стояли за неблагополучнымъ вѣтромъ. Потомъ отправились, и пришли во святую Гору Аѳонскую, мѣсяца мая въ 18-й день.

108. Благодарю Господа Бога моего, яко сподобилъ мене сходить во св. градъ Іерусалимъ, поклониться Его живоносному гробу и прочимъ св. мѣстамъ во Іерусалимѣ и Палестинѣ. За все сіе возсылаю славу и благодареніе, честь и поклоненіе Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОПИСАНІЕ

СВЯТЫЯ ГОРЫ АѦОНСКІЯ.

109. Теперь мнѣ надобно отдать долгъ св. Горѣ АѦонской, въ которой я проживалъ не малое время, — съ 1839 и по 1846 годъ, и которую исходилъ своими ногами. Хочу, хотя не во всей подробности и полнотѣ, описать пресловутую св. Гору АѦонскую, Царицы небесной жребій, монашеское царство, обуреваемымъ мірскими страстями тихое и небурное пристанище и упокоеніе, грѣхами недугующимъ лечебницу, и отъ мірскихъ прелестей удаляющимся прибѣжище.

Сію гору избрала Божія Матерь, Царица Небесная, Себѣ во жребій, якоже пишетъ Стефанъ Святогорецъ, когда ходила Она посѣщать праведнаго Лазаря, на островѣ Кипрѣ жившаго. Многожды онъ Ее просилъ, да его посѣтитъ. И Она, собравшись съ Іоанномъ Богословомъ, сѣла на корабль, и поплыла въ Кипръ. Но поднялась великая буря, и носила ихъ по морю много дней. Потомъ принесло ихъ къ Горѣ АѦонской, и пристали они къ Климентовой пристани — гдѣ нынѣ стоитъ Иверскій монастырь. Въ то время

на Горѣ Аѳонской множество было идоловъ, и приходили идолопоклонники имъ поклоняться, и приносить скверныя жертвы. Въ то-же самое время, когда пристала Божія Матерь, въ идолахъ жившіе бѣсы возопили, принуждаемые невидимою Божіею силою: «О, горе, и увы намъ! И сюда пришла Божія Матерь насъ мучити: се бо стоитъ въ Климентовомъ пристанищѣ.» Вскорѣ они умолкли, а народъ побѣждалъ къ Климентову пристанищу. Увидя корабль, начали спрашивать: «которая Божія Матерь? и какъ Она родила Бога?» Царица небесная, отверзши Свои пречистыя и божественныя уста, повѣдала имъ все по ряду. И всѣ увѣровали во Христа, и крестились. Святыи Іоаннъ Богословъ поставилъ имъ Епископа. Тогда Пречистая Дѣва, небесная Царица, отверзла божественныя Свои уста, и сказала: «сей Мой жребій, данный Мнѣ отъ Сына Моего, и не имамъ его оставити до скончанія вѣка, и сама буду здѣсь пребывать, и буду мѣсту сему заступница и покровительница.» Въ другой разъ обѣщаніе Богоматери о св. Горѣ Аѳонской было по слѣдующему случаю: св. Петръ Аѳонскій, въ званіи воеводы, плѣненъ былъ варварами и въ темницѣ заключенъ. Его избавили чудесно Святитель Николай Чудотворецъ и св. Симеонъ Богопріимецъ. Онъ пришелъ въ Римъ, и тамъ постриженъ былъ въ иноческій образъ. Однажды стоялъ онъ ночью въ церкви, и молился Пречистѣй Богородицѣ, да наставитъ его, и покажетъ мѣсто, гдѣ имать спастися, и Она, явившись ему, сказала: «Есть въ Европѣ гора великая и предобрая, и внутри моря довольно протяженная. Сію гору Азъ избрала въ жилище Себѣ, и не оставлю ея до скончанія вѣка, и

сколько въ ней будутъ жить и спастись, всѣмъ сама буду промыслительница, цѣлительница и питательница. И будутъ они имѣть все потребное, съ малымъ трудомъ. И Азъ буду пещись о тѣлесномъ ихъ пропитаніи, вкупѣ и о душевномъ ихъ спасеніи, научать, что подобаетъ творити, и возбранять отъ не-
 полезныхъ дѣлъ.» Услышавъ о такомъ обѣщаніи Царицы Небесной, св. Петръ поселился въ сей горѣ; а послѣ него многіе другіе оставили міръ и вся яже въ мірѣ, иные—царскія короны, иные — архіерейскія кафедры, иные—княжескія чести и всякую славу міра сего, иные—богатство, дома, семейство и сродниковъ своихъ; и пришли въ св. Гору Аѳонскую, вселились въ ней, и сотворили пустыню аѳонскую яко градъ прекрасенъ: украсили ее священными лаврами и честными монастырями и св. киновіями, скитами, келліями, жилищами постниковъ и отшельниковъ; обогатили ихъ, и соорудили въ нихъ прекрасные храмы и трапезы, келліи, больницы и гостинницы, ради братій, живущихъ и спасающихся, и ради приходящихъ и страннихъ, да упокоются; и не токмо соорудили, но и украсили разными вкладами, св. чудотворными иконами, Честнаго Древа крестами и св. мощами, священными сосудами и одеждами; еще же даровали имъ села, земли, метохы и подворья, къ упокоенію и препитанію живущихъ въ нихъ братій, и страннихъ, и мимоходящихъ, и пустынножителей.

110. Теперь приступлю къ описанію монастырей, стоящихъ по восточной странѣ Аѳона. Начну отъ полудня, отъ самаго лба Аѳона. Первый монастырь—славная *Лавра Аѳанасія Аѳонскаго*: храмъ во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Основатель

Лавры былъ св. Аѳанасій Аѳонскій; внутри церкви есть гробъ его, а мощи его подъ спудомъ почиваютъ. Въ церкви хранятся: жезлъ св. Аѳанасія, которымъ ударила Божія Матерь въ камень, и явился источникъ воды; — крестъ, который св. Аѳанасій на себѣ носилъ. Еще здѣсь обрѣтается чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, нарицаемая «*Икономисса*», именуемая такъ потому, что Богоматерь обѣщалась св. Аѳанасію—его Лавръ и всей Горѣ Аѳонской быть икономомъ. Еще имѣются кресты Честнаго Древа, и множество частей отъ св. мощей. Въ завѣдываніи Лавры много есть скитовъ и келлій. Первый скитъ—во имя св. *Анны*, матери Пресвятыя Богородицы. Второй — называется *Малая св. Анна*. Третій — св. *Василія*. Четвертый — *Кавсокалиба*, во имя Святыя Троицы. Пятый—св. *Іоанна Предтечи*. Шестой скитъ—*Керася*. Здѣсь живутъ самые строгіе постники. Здѣсь при мнѣ жилъ общій аѳонскій духовникъ, именемъ Неофитъ, съ учениками. Они никогда не вкушали ни сыру, ни рыбы, ни вина; а съ масломъ деревяннымъ вкушали пищу только по великимъ праздникамъ. Отъ сего скита идетъ дорога на самый Аѳонъ. Седьмой скитъ — *Нила Мгроточиваго*: храмъ во имя Успенія Богородицы. Осьмой — великая и богатая келлія св. *Троицы*, на мѣстѣ славномъ, нарицаемомъ *Морѳана*. Девятый—славное мѣсто, нарицаемое *Провата*: много имѣетъ келлій богатыхъ, съ церквами. Десятый — славная келлія *Каруля*: стоитъ почти въ непроходимомъ мѣстѣ, во имя св. Великомученика Георгія. Одиннадцатый—*пещера Петра Аѳонскаго*. И до-нынѣ въ ней проживаютъ пустынножители, которые никогда не показываются прочимъ. Двѣнадцатый — *источникъ*

Божія Матери, гдѣ она повелѣла св. Аѳанасію ударить жезломъ въ камень. Лавра завѣдывается и самымъ верхомъ Аѳона. Отъ Лавры до вершины шесть часовъ ходу, т. е. тридцать верстъ. На самой вершинѣ есть церковь Преображенія Господня. Еще принадлежитъ Лаврѣ множество келій и колибъ. Лавра весьма велика, но ветха, и церковь такожде; общежитія не содержитъ. Отъ моря отстоитъ на полчаса ходу; стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ, на открытомъ воздухѣ; воды имѣетъ много холодной; и много имѣетъ водяныхъ мельницъ: одна подлѣ монастыря. Великій имѣетъ огородъ, ради овощія, и много разныхъ лѣсовъ, садовъ и виноградниковъ.

111. Отъ Лавры четыре часа ходу — второй Монастырь, *Каракалъ*, во имя св. Апостолъ Петра и Павла. Монастырь не великъ, но красивъ. Церковь и трапеза расписаны иконнымъ стѣннымъ писаніемъ. Имѣетъ много частей отъ св. мощей и крестъ небольшой Честнаго Древа. Братія содержатъ общежитіе. Монастырь весьма бѣденъ, потому что хлѣбопашества не имѣютъ. Келій имѣетъ много, воды и лѣсу изобильно; отъ моря полчаса ходу. Стоитъ въ долині. Огородъ имѣетъ хорошій.

112. Отъ Каракала на одинъ часъ ходу — третій монастырь, *Филоѳей*, въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Выстроенъ однимъ пустынножителемъ, Филоѳеемъ, при помощи разныхъ лицъ. Церковь и трапеза иконописаны; много есть отъ св. мощей частей, и крестъ съ частию Честнаго Древа. Братія общежитія не имѣютъ. Монастырь не богатый. Имѣетъ много келій; воды и лѣсу довольно; вода холодная. Хлѣбопашество имѣетъ; садовъ и виноградниковъ до-

вольно. Отъ моря одинъ часъ ходу. Стоитъ на полу-горѣ, на открытомъ мѣстѣ, на красотѣ.

113. Отъ Филофея полтора часа ходу — четвертый монастырь, *Иверъ*, преславная и богатая Лавра: храмъ во имя Успенія Божія Матери; храмъ великъ и прекрасенъ, благолѣпно убранъ и весь иконописанъ. Въ семъ монастырѣ обрѣтается пречудная икона Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, нарицаемая *Иверская*, *Вратница Аѳонская*, которая и до-днесь источаетъ чудеса многія. Преданіе о ней сицевое имѣется: « Сія икона пришла въ Аѳонскую Гору по морю, поверхъ воды, яко на лакоть. Пришла она пощю. По-утру отцы, увидѣвши икону на морѣ стоящую и яко солнце сіяющую, вышли съ литією, крестнымъ ходомъ, и хотѣли ее взять; но она поднялась на высоту. Отцы много молились, но ничтоже успѣли. Отъ монастыря два часа ходу, въ глубочайшей пустынѣ, и до-нынѣ зовомой *Гаврилина гора*, жилъ одинъ монахъ, пустынножитель, именемъ *Гавріилъ*. Въ ту ночь явившись ему Царица небесная, Богородица, сказала ему, чтобы онъ скоро шелъ въ монастырь, взялъ съ моря Ея икону, и поставилъ ее во вратахъ монастырскихъ; и еще сказала: « Азъ есмь вратница и стражъ монастырю сему и всей Горѣ Аѳонской »; и стала невидима. Старецъ Гавріилъ, послушавъ и скоро вставъ, пришелъ въ монастырь, и увидѣлъ, что братія на брегѣ моря стоятъ, а нѣкоторые въ ладіяхъ плаваютъ, икона же Пресвятыя Богородицы на воздухѣ стоитъ. Старецъ съ вѣрою пошелъ по морю, яко по-суху, взялъ чудотворную икону Богородицы, и вынесъ ее на берегъ. Гдѣ вышелъ на сушу, тамъ появился источникъ воды, кото-

рый и до сего дня течетъ. Гавріилъ поставилъ икону во вратахъ монастырскихъ, какъ заповѣдала Богородица, и сказалъ, что Она будетъ вратница обители сей и всей Горѣ Аѳонской; а самъ ушелъ въ свою пустынную келлію. Отцы поставили икону въ соборной церкви, но по-утру паки обрѣли ее во вратахъ. Трижды покушались вносить икону въ храмъ, но паки обрѣтали ее на вратахъ. Потомъ оставили ее тамъ стоять. По этому и наречется *Вратница*. Тамъ устроили малую церковь, которая и до-днесь существуетъ, и въ ней стоитъ чудотворная икона Богоматери *Вратарница*. А врата отъ иконы повернули на право. Иверскою икона названа по сему случаю: Послѣ ея явленія прошло нѣсколько времени; приходитъ въ монастырь нѣкій юноша, отъ Иверскія земли, что нынѣ именуется Грузія. Когда юноша вошелъ въ церковь, и увидалъ икону, то узналъ ее, заплакалъ, и сказалъ къ ней: «Вотъ куда Ты пришла, моя Владычица? Теперь прими и мене къ Себѣ, и не остави мене, къ Тебѣ пришедшаго.» Отцы, видѣвши сіе, начали его спрашивать: «какъ и почему знаетъ онъ икону?» Онъ же отвѣчалъ: «Какъ мнѣ ее не знать? Она изъ нашего дому. Я при ней родился и воспитался, и мать моя отдала меня ей на сохраненіе. Она стояла въ нашемъ домѣ, отъ прародителей намъ преданная. Отецъ мой на брани убитъ былъ, и мать моя осталась вдовою. Пришли персы, и опустошили нашу землю. Нѣкоторые воины вторглись въ домъ нашъ, и одинъ изъ нихъ ударилъ копіемъ въ лице иконы; и абіе изъ язвы истекла кровь; сами вы видите язву и кровь на лицѣ ея. Мать моя горько восплакала, а воины, видѣвши сіе чудо, испу-

гались и ушли. Но не имѣя надежды сохранить у себя икону, и боясь видѣть ее поруганною отъ злобныхъ воиновъ, мать моя взяла меня, привела къ иконѣ, и сказала къ ней со слезами: «Царица моя небесная! Тебѣ препоручаю сына моего: сама спасайся, и сына моего сохраняй.» Потомъ взявши икону, пустила ее на рѣку, и сказала: «О Пресвятая Богородице! ищи сама Себѣ мѣсто, такожде и сыну моему», и обратившись ко мнѣ сказала: «иди въ греческую страну, и тамъ спасайся.» А сама воротилась въ домъ свой. Вскочили въ домъ другіе воины, и убили мать мою; а я бѣгствомъ спасся. И до-днесь, ходя и странствуя, искалъ своей поручницы, и сенинѣ нашелъ ее здѣсь.» Тогда отцы уразумѣли, что отъ Иверской земли пришла икона въ Аѳонскую Гору, и нарекли ее *Иверская*, а *Вратарница Аѳонская*. Юноша же тотъ постригся тамъ въ монашество, а послѣ былъ въ этомъ монастырѣ игуменомъ. Узнавши сіе, благовѣрные Иверскіе Цари распространили сей монастырь. И начали приходить въ него изъ Иверской земли братія, и постригаться въ монашество. По этому и именуется сія обитель *Иверскою*.»

Сіе преданіе содержится въ святой Горѣ Аѳонской, и сохранилось между скитниками и пустынножителями: потому что у нихъ болѣе достовѣрное сохранилось преданіе о каждомъ аѳонскомъ монастырѣ, его происхожденіи и святынѣ, нежели въ самыхъ монастыряхъ. Я сіе испыталъ на дѣлѣ. Во многихъ монастыряхъ спрашивалъ братію о нѣкоторыхъ предметахъ и о ихъ происхожденіи; но всегда братія отзывались незнаніемъ. А причина тому слѣдующая: новоначальнымъ, приходящимъ изъ міру, совершенно

запрещено—о чемъ либо спрашивать и любопытствовать, и между собою на послушаніи разговаривать, и также ходить одинъ къ другому въ келлію; старцы строго наказываютъ, чтобы только каждый учился молчанію и созерцанію, и внималъ самъ себѣ. По большей части и это случается, что новоначальныхъ и молодыхъ посылаютъ на разныя послушанія въ святой Горы, на метохи и на подворья, гдѣ часто проживаютъ лѣтъ по десяти. По этому устное преданіе имъ неизвѣстно. Напротивъ, въ скитахъ и въ пустыняхъ, всякое преданіе сохранилось живо и вѣрно: ибо тамъ живутъ попростѣ, вдвоемъ и втроемъ, и часто случается, что какъ кто прійдетъ въ Аѳонскую Гору, такъ до смерти не выходя тамъ и проживаетъ. И ученики старца своего обо всемъ разспрашиваютъ, и не по-однажды; а старецъ имъ рассказываетъ все по-подробну, то, что также слышалъ отъ своего старца и отъ прочихъ отцовъ. У нихъ между собою бываютъ частыя собранія, какъ то: въ храмовые праздники, въ именины и поминки, и часто въ таковыхъ душеполезныхъ бесѣдахъ препровождаютъ цѣлыя ночи. И тамъ есть чего послушать назидательнаго, когда сѣдинами украшенные старцы между собою разговариваютъ, а юные сидятъ и со вниманіемъ слушаютъ, а иногда дѣлаютъ и вопросы. Симъ старцамъ извѣстна вся Гора Аѳонская, какъ свой садъ: они знаютъ—по какой причинѣ и къмъ каждый монастырь основанъ и выстроенъ, и какая святыня въ немъ находится, и какія достопамятныя событія тамъ происходили, и какіе прежде бывали и нынѣ есть тамъ подвижники, чего и своя братія не знаютъ. Они знаютъ—какая гора или долина, или келлія, отъ

чего получила названіе, и какое тамъ случилось происшествіе. Объ этомъ у скитниковъ частыя бываютъ бесѣды; этимъ они себя и назидаютъ. Но все это только содержится по устному преданію; а писанію, къ сожалѣнію, едва ли кто что предалъ, да едва ли кто о томъ и подумалъ. Я и самъ, на келліи поживъ годъ, тогда только кое-что могъ узнать; а чтобы предать писанію, того и на мысль не приходило; а послѣ, проживши шесть лѣтъ въ общежительномъ русскомъ монастырѣ, уже ничего новаго не узналъ, и послѣднее, что зналъ и слышалъ живя на келліи, то почти все позабылъ, ибо тамъ каждый только внимаетъ своему спасенію. Мнѣ случилось быть въ монастырѣ Хилендарѣ; я спросилъ: «что такое значитъ икона *Троеручица*? откуда и кѣмъ она къ нимъ въ монастырь принесена?» Но они отвѣчали: «мы не знаемъ.» Я спросилъ скитниковъ и пустынножителей, и они всѣ знаютъ. Какъ тогда полагалъ, такъ и теперь увѣренъ, что эти всѣ преданія — самыя древнія и вѣрныя. Только скоро и отъ скитниковъ узнать всего невозможно; а надобно между ними пожить, ближе съ ними познакомиться, ходить на ихъ собранія, и обо всемъ любопытствовать и спрашивать ихъ; да еще тому хорошо, кто знаетъ греческій и болгарскій языки.

Въ Иверской обители хранится множество частей отъ св. мощей и три креста съ частями Честнаго Древа. На паперти у соборнаго храма есть написанная на стѣнѣ чудотворная икона Самого Спасителя Іисуса Христа, въ самый подлинный ростъ, какого Онъ былъ во плоти; и горитъ предъ ней неугасимая лампада. Монастырь великъ и прекрасенъ, а трапеза

старая и обветшала. Воды имѣетъ много, но лѣтомъ тепла, потому что издалика проведена. Лѣсу много всякаго. Есть великій огородъ, не только ради братій, но много овощія и продаютъ. Много хлѣба, масла и вина, но общежитія не содержатъ. Страннопріятія и страннолюбія во всей Аѳонской Горѣ нѣтъ такого, какъ въ Иверскомъ монастырѣ. Каждую недѣлю и праздникъ бываетъ для всѣхъ странныхъ общая трапеза. Хотя и во всей Горѣ странныхъ принимаютъ и упокояютъ, но не столько тамъ бываетъ народу, какъ въ Иверѣ: ибо у Ивера пристань корабельная и близко Карея, т. е. базаръ; также вблизи его много скитовъ, колюбъ и келлій. Но не токмо въ праздничные дни дѣлаютъ трапезу, а ежедневно всѣмъ мимоходящимъ подаютъ во вратахъ по порціи пшеничнаго благаго хлѣба, котораго довольно человѣку на день. Хотя бы случилось и дважды кому пройти въ день, никогда не отказываютъ. И течетъ, яко рѣка великая, изъ Иверскаго монастыря ежедневная милостыня. Имѣетъ подъ собою одинъ великій *скитъ*, называемый *Иверскій*, во имя честнаго Пророка Іоанна Предтечи, усѣкновенія его честныя главы. Къ этому же монастырю принадлежитъ славный скитъ *Магула*, процвѣтавшій въ свое время великими подвижниками. Стоитъ на самой красотѣ, на открытомъ воздухѣ, противъ монастыря Филофея; нынѣ же находится почти въ заустѣніи, и мало въ немъ живущихъ; храмъ — во имя Преподобныхъ Отецъ и пустынножителей, Онуфрія Великаго и Петра Аѳонскаго. Монастырь Иверъ много имѣетъ въ своемъ завѣдываніи великихъ и богатыхъ келлій. Стоитъ близъ моря, сажень сто отъ моря, между горъ, въ долинѣ.

114. Отъ Ивера въ гору полтора часа ходу — пятый монастырь, *Котлomuшъ*: храмъ во имя Преображенія Господня. Храмъ великъ и прекрасенъ, и весь иконописанъ, и трапеза такожде. Имѣетъ много частей отъ св. мощей и крестъ съ частию Честнаго Древа. Общежитія братія не имѣютъ. Лѣсу и воды довольно, и вода холодная. Монастырь имѣетъ подъ собою великій *скитъ Котлomuшскій*, гдѣ храмъ во имя св. Великомученика Пантелеимона. Много имѣетъ богатыхъ келлій и садовъ. Отъ моря одинъ часъ ходу. Стоитъ на открытомъ воздухѣ, между келлій и садовъ, подобно какъ во градѣ.

115. Отъ сего монастыря сажень двѣсти находится *Карей*, или базаръ, — первое мѣсто во всей Горѣ Аѳонской: подобна хорошему граду; много лавокъ съ разными товарами, и ежедневная торговля. Посреди Карей стоитъ великая соборная церковь, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы.

116. Въ томъ храмѣ въ алтарѣ стоитъ чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, нарицаемая «*Достойно есть*», предъ которой Гавріилъ Архангелъ первоначально пропѣлъ сію пѣснь Царицѣ Небесной: достойно есть яко воистинну блажити Тя, Богородице, и пр. до конца. Много есть и частей отъ св. мощей и крестъ съ частию Честнаго Древа. Близъ церкви находится *Протатъ*, т. е. аѳонское судебное мѣсто, гдѣ засѣдаютъ члены собора, по очереди изъ всѣхъ монастырей. Тамъ живетъ и турецкій начальникъ, называемый Агѣ. На Кареѣ каждую субботу собирается базаръ. Мірскіе привозятъ что требуется для монаховъ, а монахи приносятъ продавать каждый свое рукодѣліе. При Кареѣ каждый монастырь имѣетъ

свое подворье съ церковію и гостинницею. Вокругъ Карей много живутъ разныхъ мастеровыхъ людей, и вокругъ множество келлій, садовъ и лѣсовъ, и прѣизобильно холодной воды.

117. На Кареѣ есть одна келлія, называемая *Постница*: храмъ во имя Саввы Освященнаго. Въ ней стоитъ чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, именуемая «*Млекопитательница*», ибо питаетъ Предвѣчнаго Младенца сосцами. Принадлежитъ сія келлія къ монастырю Хилendarю. Выстроилъ ее св. Савва, Сербскій Царевичъ. Икону самъ принесть изъ Іерусалима, и поставилъ ее въ этой келліи, на правой странѣ, на Спасителевомъ мѣстѣ. И написалъ уставъ своею рукою на пергаментѣ, и положилъ въ этой келліи. Уставъ же такой: «Аще кто хочетъ жити на сей келліи, да живутъ два или три брата богобоязливые, и да содержатъ и соблюдаютъ уставъ таковъ: службу церковную да отправляютъ по уставу, еще же да прочитываютъ каждый день весь Псалтирь, Богородицѣ акаѳистъ съ канонѣмъ, и часть Апостола. Каждую седмицу да прочитываютъ Евангеліе. Монашеское келейное правило да не оставляютъ. Пищу же тако да употребляютъ: пять дней сухоѣдятъ, а рыбы и сыру никогда; въ субботу и недѣлю да разрѣшаютъ на масло и вино.» И другое много тамъ написано. И до-днесь сохраняется рукою св. Саввы писанный уставъ, и соблюдается его преданіе въ цѣлости безъ упущенія. Еще близъ Карей есть великая келлія, называемая *Серай*: принадлежитъ къ Ватопедскому монастырю, а проживаютъ на ней русскіе. Еще при Кареѣ есть великое училище, въ которомъ учатся іеромонахи и іеродіаконы, а простыхъ монаховъ не

принимаютъ. Вся Карей стоитъ на ровномъ , открытомъ и здоровомъ мѣстѣ.

118. Отъ Карей къ морю, полтора часа ходу, шестой монастырь — *Ставроникита* , во имя Святителя Христова Николая Чудотворца; отъ Иверскаго монастыря до него , по берегу моря , одинъ часъ ходу. Монастырь малъ и бѣденъ , храмъ не великъ , но прекрасенъ и весь иконописанъ. Имѣетъ въ себѣ чудотворную икону Святителя *Николая* , не красками писанную, но изображенную мусіею. Сія икона обрѣтена въ морѣ сицевымъ образомъ:

119. Когда святѣйшій Патріархъ Константинопольскій Іеремія былъ въ Россіи, въ царствованіе Благочестиваго Россійскаго Царя , Θεодора Іоанновича , и поставилъ въ Россіи перваго Патріарха Іова : тогда, какъ самъ Царь , такъ и прочіе россияне щедро наградили его. Онъ же, возвратившись въ Константинополь, захотѣлъ поправить аѳонскіе монастыри, а паче обратилъ вниманіе на монастырь Ставроникиту , который былъ уже почти разрушенъ. Сей монастырь прежде былъ во имя Іоанна Предтечи. Когда же начали его строить, то почти построили снова. Когда воедино время рабочіе ловили рыбу , то изъ моря веводомъ вытащили икону Святит. Николая , мусіею изображенную: между очей на лбу мусія высорилась, и въ той язвинѣ вмѣстилась устрица. Тѣ видѣвши, мастера и братія сказали Патріарху. Когда начали устрицу вытаскивать , то отъ иконы пошла кровь, которая и до-днесь видна на иконѣ. Видѣвши Патріархъ Іеремія сіе чудо, преименовалъ монастырь во имя Святит. Николая. Стоитъ монастырь на камени, на скалѣ , надъ самымъ моремъ ; скала вышины

саженъ десять; весьма малъ и тѣсенъ. Имѣеть много отъ св. мощей частей и великій крестъ изъ Честнаго Древа. Братія общежитія не имѣютъ; воды мало, и та теплая; лѣсу очень мало, и то мелкій. Имѣеть двѣнадцать келлій съ церквами, но весьма бѣдныя. Хлѣбопашества много. Хлѣба и масла много продаютъ, и вина про себя становится. Огородъ имѣется хорошій. Подъ вѣдомствомъ сего монастыря сначала не мало я проживалъ.

120. Отъ Ставроникиты одинъ часъ ходу — седьмой монастырь, *Пантократоръ*: храмъ во имя Преображенія Господня. Храмъ порядочный и весь иконописанъ; имѣеть въ себѣ чудотворную икону Пресвятыя Богородицы. Въ этой обители хранится св. Евангеліе Іоанна Кушника, которое написали ему родители. Довольно имѣеть отъ св. мощей частей и крестъ Честнаго Древа. Воды имѣеть не много, и та теплая; лѣсу, хлѣба, вина и масла довольно. Общежитія братія не имѣютъ. Подъ вѣдомствомъ сего монастыря находится русскій скитъ *Иліи Пророка* и еще другое славное мѣсто — *Капсалъ*: прежде былъ Капсальскій скитъ, но нынѣ стоитъ пустъ. По Капсалу много келлій и колибъ, въ которыхъ много проживаетъ братій, а наипаче русскихъ. На Капсалѣ находится знаменитая келлія, нарицаемая «*Достойно*», въ которой сію пѣснь пѣлъ Гавріилъ Архангелъ. Монастырь Пантократоръ много имѣеть богатыхъ и бѣдныхъ келлій и колибъ; и довольно имѣеть лѣсовъ и хлѣбопашества, садовъ и виноградниковъ. Стоитъ на скалѣ; отъ моря, отъ воды саженей двадцать.

121. Отъ Пантократора до скита *Иліи Пророка* одинъ часъ ходу. Скитъ великъ и прекрасенъ, на-

подобіе монастыря. Житіе имѣють общее. Живуть одни малороссіане; отъ св. мощей имѣють только одну часть св. Апостола Андрея Первозваннаго. Служба отправляется на славянскомъ языкѣ. Напѣвомъ поють російскимъ, пустыннымъ. Лѣсу имѣють мало; хотя и въ лѣсу стоитъ, но въ монастырскомъ. Хлѣбопашества отнюдь не имѣетъ, такожде и масла. Вина про себя становится; воды мало, и та теплая. Хотя и есть внутри колодезь, но вода вредная. Рыбы имѣють довольно. На рѣкѣ Дунаѣ имѣють свой заводъ. Стоитъ на полугорѣ въ лѣсу.

122. Отъ скита Іліи Пророка одинъ часъ ходу — *скитъ Богородицы*: храмъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Живуть болгары; содержатъ прекрасное общежитіе. Воды, лѣсу и вина имѣють довольно; хлѣбопашества и масла не имѣють. Отъ моря два часа ходу; стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ въ лѣсу. Лучше этого скита я незнаю во всей Горѣ Аѳонской: никакихъ особенныхъ попеченій не имѣють; всегда въ тишинѣ и въ безмолвіи трудятся, отъ утра до вечера находятся въ безмятежномъ послушаніи, близу скита, и всегда игуменъ съ братіею вмѣстѣ трудится. Ночью упражняются въ келейной и соборной молитвѣ. Уставъ содержатъ русскаго общежительнаго Пантелеимонова монастыря; къ нему принадлежитъ и скитъ. Службу отправляютъ на славянскомъ языкѣ. Напѣвомъ поють греческимъ. Прежде находилась въ немъ чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, нарицаемая «*Пресладкое цѣлованіе*.» Но во время смутныхъ временъ пропала; нынѣ только списокъ остается.

123. Отъ Пантократора два часа ходу — осьмой монастырь, *Ватопедъ*: знаменитая славная и богатая

Лавра; превосходятъ всѣ аѳонскіе монастыри богатствомъ, святынею и постройкою. Главный храмъ — въ воспоминаніе Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Храмъ великъ, иконописанъ и богато изукрашенъ; выстроенъ Царемъ Великимъ Θεодосіемъ; возобновленъ при Аѳанасіи Аѳонскомъ; достроенъ и украшенъ св. Саввою, Царемъ Сербскимъ. Здѣсь находится шесть иконъ чудотворныхъ Пресвятыя Богородицы. Здѣсь и поясъ Ея хранится. Здѣсь въ обители Пресвятая Богородица взяла на Себя два послушанія — трапезаря и ключаря.

124. Первая чудотворная икона Пресвятыя Богородицы — нарицаемая «*Ктиторская*», стоявшая въ алтарѣ въ кладезѣ семьдесятъ лѣтъ, съ восженною свѣчею, во время нашествія поганныхъ арабовъ. Поставилъ ее одинъ молодой еkkлeсiархъ; самого же его увели въ плѣнъ. Когда онъ состарѣлся, тогда его отпустили, и онъ паки пришелъ въ св. Аѳонскую Гору въ свою Ватопедскую обитель. Но братія его не принимали, и говорили — что старъ, не можетъ проходить послушанія. Онъ же увѣрялъ ихъ, что онъ сего монастыря монахъ, и былъ много лѣтъ въ плѣну. Братія же ему не вѣрили. Тогда онъ ихъ спросилъ: «а гдѣ у васъ Ктиторская икона?» Они ему отвѣтили: «мы не знаемъ; у насъ въ обители Ктиторской иконы нѣтъ.» Онъ паки спросилъ ихъ: «а знаете ли — что у васъ въ алтарѣ есть?» Они отвѣтили — что не знаютъ. Онъ же имъ сказалъ: «а я знаю, что тамъ есть кладезь, а въ немъ икона Пресвятыя Богородицы Ктиторская, которую я самъ поставилъ, и зажегъ предъ нею свѣщу»; и показалъ имъ мѣсто. Когда разломали полъ, то воистинну

нашли кладезь, и въ немъ икону стоящую, и свѣчу предъ нею горящую. Тогда братія прославили Бога и Божію Матерь. И до-днесь свѣща та цѣла; только подкладываютъ воску, и горитъ неугасаемо.

125. Вторая икона—яже проглагола Царицѣ, женѣ Царя Θεодосіа. Когда было освященіе храма, — Царица была на кораблѣ, и захотѣла посмотрѣть храмъ. Во время Литургіи пошла она въ церковь. Когда взошла во-внутрь, — икона Богородицы, стоящая къ стѣнѣ, обратила очи свои назадъ къ Царицѣ, и испустила гласъ: «ты зачѣмъ, жено, сюда пришла?» Царица же отвѣтила: «я — Царица!» Отъ иконы слышался паки гласъ: «Азъ есмь здѣсь Царица, а не ты.» Тогда Царица упала. И до-нынѣ на иконѣ Богородица имѣетъ очи свои назадъ обращенныя.

126. Третія икона Богородицы стоитъ въ притворѣ. Ее одинъ діаконъ ударилъ ножемъ въ лице, и тотчасъ изъ язвы истекла кровь; и до-нынѣ язва и кровь на лицѣ ея. Діаконъ же ударилъ ножемъ икону Богоматери по такой причинѣ: Служивши всенощное бдѣніе и Литургію, и пришедши въ трапезу къ келарю, началъ просить для подкрѣпленія и утѣшенія себѣ вина. Келарь ему отказалъ; онъ началъ просить усильственно, и даже вышелъ изъ себя, по свойственному грекамъ характеру и пылкой юности. Келарь вынужденъ былъ сказать, что сегодняшній день нѣтъ разрѣшенія на вино, и ему не приказано никому давать. Діаконъ же спросилъ: «кто не приказалъ давать? я служащій и очень ослабѣлъ!» Келарь отвѣтилъ, что ему Божія Матерь, Келарша, стоящая въ паперти, не велѣла давать вина никому. Діаконъ, разгорячившись на келаря, и схвативши ножъ, по-

бѣжалъ въ паперть, подошедши къ иконѣ, и сказавши: « я служивши изнемогъ, а Ты еще мнѣ не приказала дать вина », ударилъ ножомъ въ лицо ; и изъ язвы брызнула кровь. Онъ же , испугавшись , упалъ на землю какъ мертвъ; и потомъ стоялъ противъ иконы, къ задней стѣнѣ , десять лѣтъ , и плакавши просилъ прощенія въ своей дерзости и грѣхѣ. Потомъ отъ иконы, нынѣ именуемой *Закланная*, былъ ему гласъ: « тебѣ прощаю , а съ рукой твоей буду судиться. » Послѣ того діаконъ въ скоромъ времени умеръ , и отцы похоронили его. Потомъ, по обычаю аѳонскому, чрезъ три года откопавши кости его, нашли все тѣло его предавшимся тлѣнію ; рука же его , ударившая икону, осталась цѣла и смѣряща; и до-нынѣ лежитъ въ ящикѣ и испускаетъ смрадъ. Сей діаконъ написанъ на стѣнѣ молящійся, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ: онъ былъ очень молодъ , едва началъ усъ пробиваться, не болѣе какъ лѣтъ двадцати.

127. Четвертая икона стоитъ въ ризницѣ. Она прежде была Ключарница. Каждый вечеръ, когда запирали врата монастырскія , ключи относили къ ней. Когда нощію кто приходилъ , то вратарь приходилъ и бралъ отъ нея ключи. Когда кто приходилъ изъ братій, то она молчала ; когда же приходили разбойники , то отвѣчала : « не отпирать вратъ : не добрые люди. » Тогда ворота не отпирались. Въ одну ночь пришли разбойники, и начали толкать во врата. Вратарь спросилъ ихъ: « что за люди? » Они сказали, что братія мимоходящіе. Вратарь, надѣясь на Богородицу, что Она ему откроетъ , пришелъ и взялъ ключи, и никакого гласа не было. Она и хотѣла сказать, но предвѣчный Младенецъ рукою Своею заградилъ Ей

уста; ибо захотѣлъ наказать монаховъ. Вратарь сего не усмотрѣлъ, и отперъ врата монастырскія. Разбойники взошли въ монастырь, и его разграбили. Поутру братія пошли къ Божіей Матери спросить: почему Она не объявила о тѣхъ злодѣяхъ? И нашли уста у Ней загражденныя рукою Сына Ея. Тогда узнали, что самъ Богъ ихъ наказалъ, и икону поставили въ ризницу.

Пятая икона — *Ключарница*, стоитъ на паперти; и до-днесъ вѣшаютъ у ней ключи.

Шестая икона — *Трапезница*, стоитъ въ келарнѣ. Ибо преданіе говоритъ, что Богоматерь нѣкогда умножила масло въ сосудахъ, и многожды Ее видали въ трапезѣ, братіямъ служащую. Въ этой обители сохраняется крестъ, устроенный Царемъ Константиномъ Великимъ, и много крестовъ отъ Честнаго Древа. Множество здѣсь стоитъ древнихъ иконъ, которыя еще писаны до иконоборства; много частей отъ св. мощей. И кто можетъ описать сего монастыря святыню, ризницу и библіотеку? Пріѣзжавшій изъ Россіи, въ 1845 и 1846 годахъ, Архимандритъ Порфирій хотѣлъ описать св. Гору Аѳонскую, и имѣлъ открытыя грамоты отъ Россійскаго Правительства и отъ Султана турецкаго и отъ Патріарха Константинопольскаго: но ему всего не показывали; давалъ злата, и усиленно просилъ, но не успѣлъ. Нѣкоторую часть выносятъ и показываютъ на праздникъ, въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; и это много удивляетъ зрящихъ. Еще въ этомъ великолѣпномъ храмѣ отъ лѣтъ Θεодосія Великаго, Царя греческаго, осталось немного иконъ на стѣнахъ, мусією изображенныхъ. Прежде, сказываютъ, была ими вся церковь

изображена, по нынѣ уже осталось немного: три иконы праздника Благовѣщенія Богородицы, — двѣ на столбахъ, а одна по сторонамъ вратъ церковныхъ: Архангелъ по лѣвую страну, а Богородица по правую. Архангелъ Гавріилъ имѣетъ правую руку, указывающую къ Богоматери именованнымъ благословеніемъ. Повыше изображены мусією слова: « херекхаритомени, киріосъ мета су », т. е. радуйся, благодатная, Господь съ Тобою. Еще надъ враты церковными тоже изображенъ мусією Деисусъ: у Спасителя благословляющая рука сложена именованно. На боковыхъ дверяхъ, на правой странѣ противъ придѣла Святителя Николая, надъ дверьми, есть икона Святит. Николая, тоже мусією изображенная; благословящая рука изображена у Святителя такъ, что большой перстъ совокупленъ съ двумя послѣдними. Итакъ греки въ самыя древнія времена въ перстосложеніи не поставляли догматической важности, и въ одно время одинъ и тотъ-же мастеръ тако и тако изобразилъ. Нынѣ уже сего не употребляютъ.

Трапеза крестообразна, расписанная.

128. Воистинну обитель Ватопедская яко градъ прекрасенъ. Имѣетъ въ завѣдываніи великій скитъ, во имя св. *Великомученика Димитрія Солунскаго*, и много великихъ и богатыхъ келлій. Много разнаго лѣсу, пахатной земли, виноградниковъ и масла; всего преизобильно. И воды много, но не холодная; есть великій огородъ. Общежитія монастырь не имѣетъ. Стоитъ близъ моря на открытомъ воздухѣ. Въ семъ монастырѣ проживалъ много лѣтъ св. Савва, Царевичъ Сербскій, и много обогатилъ его. Здѣсь постриженъ въ монашество Сербскій Царь Стефанъ, въ ино-

чествѣ Симеонѣ, родитель св. Саввы Сербскаго. Сія же обитель произрастила ученаго мужа Максима грека, много въ Россіи претерпѣвшаго за истину отъ ревнителей раскола, за то, что онъ началъ въ книгахъ поправлять погрѣшности, вшедшія отъ неискусныхъ переводчиковъ и переписчиковъ. Послѣ двадцатидвухъ-лѣтняго тяжкаго заточенія, былъ освобожденъ и въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ скончался, гдѣ и мощи его почиваютъ. И много Ватопедская обитель произрастила великихъ и ученыхъ и благочестивыхъ мужей, Патріарховъ и Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ; многихъ Патріарховъ и Митрополитовъ препроводила въ небесную торжествующую Церковь, на вѣчное блаженство. Безпрестанно проживали въ ней и до-нынѣ проживаютъ на покоѣ Патріархи и Митрополиты, добровольно оставившіе свои каѳедры; въ тишинѣ и безмолвіи препровождаютъ остальные дни свои. И теперь живетъ на покоѣ, съ 1846 года, Адрианопольскій Митрополитъ Григорій, и славится своею строгою жизнію и подвигами; увѣряютъ, что имѣетъ даръ прозорливства. Ватопедская Лавра всѣмъ преизобильна: богатствомъ, украшеніемъ, святынею, постройкою, учеными мужами и подвижниками.

129. Отъ Ватопеда три часа ходу — девятый монастырь, *Есфименъ*, или *Сименъ*: храмъ во имя Вознесенія Господня. Монастырь старъ и ветхъ. Сначала выстроенъ Царицею Пульхеріею. Церковь нововыстроенная и вся иконописанная. Много есть отъ св. мощей частей и два креста отъ Честнаго Древа. Келлій имѣетъ мало, и тѣ бѣдныя. Лѣсу строеваго не имѣетъ; хлѣбопашества немного, вина и масла

такожде; воды много, и огородъ великій. Братія содержатъ прекрасное общежитіе. Обитель стоитъ подлѣ самаго моря, такъ что волны ударяются въ стѣны. Между моря и стѣны не можно пройти и пѣшему. Стоитъ между горъ въ долинѣ. Въ этомъ монастырѣ жилъ и постриженъ св. *Антоній* Кіевопечерскій. И до-нынѣ показываютъ его пещеру. Въ 1846 году, начали надъ пещерой становить новую церковь во имя его. И сія святая киновія много произрастила великихъ мужей, Святителей и великихъ отцевъ: Аѳанасія, Патріарха Константинопольскаго, и Григорія Паламу, Митрополита Солунскаго, также Аноима, Патріарха Константинопольскаго, который и до-нынѣ находится на кафедрѣ, т. е. въ 1847 году. И азъ грѣшный сподобился въ сей обители пожить два мѣсяца.

Отъ Есфигмена одинъ часъ ходу — десятый монастырь, *Хилендарь*, съ храмомъ во имя Входа во храмъ Божія Матери. Сей монастырь—сербскій, выстроенъ сербскими Царями, св. Сүмеономъ Муроточивымъ и сыномъ его св. Саввою, Сербскимъ чудотворцемъ. Храмъ великъ и прекрасенъ, и весь иконописанъ; имѣетъ семь вратъ; превосходитъ красотою всѣ аѳонскіе храмы. Монастырь сей великъ и прекрасно устроенъ.

131. Въ немъ игуменія сама Пресвятая Богородица; на игуменской кафедрѣ стоитъ чудотворная Ея икона, нарицаемая «*Троеручица*.» О ней преданіе такое: «Сія икона прежде находилась въ Сиріи, въ градѣ Дамаскѣ, въ домѣ св. Іоанна Дамаскина; предъ нею онъ молился и плакалъ, когда ему отсѣкли руку. Когда Царица Небесная чудесно исцѣлила его, тогда

онъ въ память этого чудеса подписалъ третью руку для вѣчной памяти. Когда онъ удалился въ Лавру св. Саввы Освященнаго, для препровожденія остальной своей жизни, то икону сію туда же принесъ, и поставилъ въ соборномъ храмѣ, и при ней поставилъ жезлъ св. Саввы Освященнаго. При кончинѣ же своей далъ завѣщаніе братіи такое: « въ послѣдствіи времени прійдетъ сюда одинъ поклонникъ отъ сѣверныя страны, именемъ Савва; когда онъ поклонится иконѣ, и жезлъ сей поклонится ему напротивъ, то отдайте ему жезлъ сей и икону.» Самъ же преставился съ миромъ. По прошествіи чотыреста лѣтъ, пришелъ отъ св. Горы Аѳонскія (св. Гора Аѳонская отъ Іерусалима на сѣверъ) св. Савва, Сербскій Царевичъ, въ Іерусалимъ ради поклоненія Христову гробу и прочимъ святымъ мѣстамъ. Когда пришелъ въ Лавру св. Саввы Освященнаго, и началъ поклоняться иконѣ Божія Матери, то жезлъ, стоявшій подлѣ иконы, палъ напротивъ его. Тогда братія спросили его: « какъ онъ нарицается? » Онъ же сказалъ: « *Савва* нарицаюсь.» Тогда игумень съ братіею отдали ему икону и жезлъ. Когда онъ пришелъ во св. Аѳонскую Гору, то поставилъ сію чудотворную икону въ своемъ монастырѣ, Хилендарѣ, по лѣвую страну царскихъ вратъ. А когда поставили его Архіепископомъ Сербіи, и когда онъ отправлялся на кафедру, то препоручилъ свою обитель Богоматери, и просилъ Ее имѣть о ней попеченіе, помогать и защищать ее во всякихъ опасныхъ случаяхъ. Потомъ написалъ своей рукой общезительный уставъ, и приказалъ братіи — во всемъ его исполнять безъ малѣйшаго опущенія. И поставилъ въ обители игумена, и препоручилъ ему братію;

самъ же отправился въ Сербію. По прошествіи нѣ-
 сколько лѣтъ, во едино время помре въ сей обители
 игумень. Братія же, собравшись въ великую церковь,
 начали избирать себѣ игумена; но всѣ отъ сего бре-
 мени отказались. Тогда икона Пресвятыя Богороди-
 цы, Троеручица, двинулась сама съ мѣста изъ иконо-
 стаса, стала на игуменскомъ мѣстѣ, и испустила гласъ:
 «отселѣ Азъ сама вамъ игумень и всей Горѣ Аѳон-
 ской.» Отъ того времени въ этомъ монастырѣ не
 избираютъ себѣ игумена, а только епитропа, и то
 на одинъ годъ, а игумень — сама Пресвятая Бого-
 родица. До-днесь стоитъ икона на игуменскомъ мѣстѣ,
 и у ней на всякое дѣло берутъ благословеніе.

Вторая икона Богородицы еретика священника въ
 морѣ утопила. Нѣкогда, во время крестнаго хода,
 освящали на морѣ воду; священникъ несъ икону:
 Предвѣчный Младенецъ правою рукою ударилъ свя-
 щенника, и испустилъ гласъ: «не подобаетъ тебѣ
 еретику съ православными служить.» Священникъ
 упалъ, и утонулъ. И до-нынѣ рука у Предвѣчнаго
 Младенца не благословящая, но нѣкако странно.
 Стоитъ икона противъ лѣваго клироса на столбѣ.

Третія икона Богородицы — испустившая гласъ во
 время скудости; стоитъ за лѣвымъ клиросомъ.

Четвертая икона Богородицы, бывшая въ домѣ у
 св. Царя Сѹмеона Сербскаго, изображенная мусією,
 стоитъ за правымъ клиросомъ, надъ гробомъ св.
 Сѹмеона. Еще есть двѣ иконы съ мелкими лицами,
 вышитыя, которыя стояли потаенно въ ложницѣ Ца-
 рицы Θεодоры, жены Царя Θεофила, иконоборца;
 стоятъ надъ архіерейскимъ мѣстомъ, на правомъ кли-

росѣ. Еще одна чудотворная икона Св. Троицы, стоитъ противъ Игуменіи, на столбѣ.

Здѣсь въ алтарѣ хранится въ сосудѣ кровь Владыки нашего, Іисуса Христа. Здѣсь хранятся и дары, принесенные Христу, злато, ливанъ и смирна, Честнаго Древа часть столь великая, что такой части во всей св. Горѣ ни въ какомъ монастырѣ нѣтъ, и множество частей отъ св. мощей. Здѣсь находится и гробъ св. Сѹмеона Муроточиваго, Царя Сербскаго; а муроточивыя его мощи отнесены сыномъ его, св. Саввою, въ отечество его, въ Сербію. А изъ гроба его выросла виноградная лоза, которая приноситъ плодъ изобильный. Нынѣ братія общежитія не содержатъ; правило въ церкви читаютъ на славянскомъ языкѣ, по русскимъ книгамъ, а поютъ греческимъ напѣвомъ. Монастырь много имѣетъ великихъ и богатыхъ келій; хлѣба, вина и масла, и лѣсу имѣетъ довольно, воды немного; огородъ великъ и плодороденъ. Отъ моря полчаса ходу, стоитъ между горъ въ долинѣ, и отъ того въ жары въ немъ воздухъ вредителенъ. Отъ Хилендаря до перешейка шесть часовъ ходу; мѣсто пусто, покрыто темными лѣсами.

132. Теперь вкратцѣ опишу жизнь блаженныхъ ктиторовъ св. обители Хилендарскія, св. Саввы и родителя его, святаго Сѹмеона, Царей Сербскихъ.

Святой *Савва*, мірское имя *Растко*, въ юности оставилъ земное свое царство и міра сего прелесть, отца своего и мать, отвергся себя, взялъ крестъ свой, и пошелъ во слѣдъ Христа. Шестнадцати лѣтъ отъ роду тайно отлучился отъ своихъ родителей, и съ однимъ аѳонскимъ монахомъ отправился во св. Гору Аѳонскую, и прибылъ въ русскій монастырь

св. Великомученика Пантелеимона. По отъѣздѣ его, родители скоро его хватились, и догадались, что непременно онъ съ монахомъ уѣхалъ въ Аѳонскую Гору. Послали за нимъ скоро погоню, своихъ бояръ; однако они на пути Царевича не догнали; уже нашли его въ русскомъ монастырѣ. Царевичъ, видя, что дѣлають его намѣренію препятствіе, прибѣгнулъ къ хитрости. Когда бояре съ воинствомъ обступили монастырь, и монахи всѣ испугались: Царевичъ не велѣлъ ничего бояться, сказавъ, что онъ одинъ отвѣчаетъ. Потомъ вышелъ къ боярамъ своимъ одинъ, поклонился имъ, и сказалъ: «Добрѣ пришли, мои вѣрные бояре и друзья. Я радуюсь вашему пріѣзду: ибо монахъ обманулъ меня, сманилъ отъ милыхъ и любезныхъ моихъ родителей, и привезъ въ сію дикую пустыню. Я уже много плакалъ, да не зналъ, какъ возвратиться къ дражайшимъ моимъ родителямъ. Теперь слава Богу, что вы пріѣхали: за-утра же съ вами отправлюсь къ моимъ родителямъ. Только прошу васъ: бѣдныхъ монаховъ не оскорбляйте; потому что они не виноваты, и виновника они сами уже наказали.» Бояре и Князья весьма возрадовались сему, и много лобызали и слезами обливали Царевича; рассказывали, какъ о немъ сожалѣють и плачутъ его родители и всѣ сродники, и все царство Сербское сожалѣетъ. Царевичъ много ихъ утѣшалъ, и они всѣмъ словамъ его вѣрили. Онъ привелъ ихъ на гостинницу, приказалъ игумену какъ можно лучше приготовить имъ пищу и подать самага лучшаго вина до изобилія. Самъ Царевичъ съ ними веселился; а они отъ радости упились. Потомъ Царевичъ приказалъ игумену сдѣлать всенощное бдѣніе. Когда началось

бдѣніе ; тогда Царевичъ сказалъ своимъ боярамъ : « господа , здѣсь не міръ , а св. Гора Аѳонская ; надобно помолиться Богу , пойдѣте въ церковь ; послушайте роднаго пѣнія . » Бояре , пришедши въ церковь , стали въ монашескія формы , потомъ сѣли , а послѣ , сидя , подъ звуками пѣнія заснули . Царевичъ того и дожидался , и началъ просить игумена , чтобы скорѣе постригъ его въ монашество , въ другой церкви . Хотя игумень и боялся , и не хотѣлъ постригать ; но Царевичъ не велѣлъ бояться , и сказалъ , что онъ самъ за все отвѣчаетъ . Игумень положился на волю Божию , и постригъ его въ другой малой церкви , во время всенощнаго бдѣнія ; Растко наречень былъ *Савва* . Бдѣніе отошло по-утру , и бояре проснулись ; хватились Царевича , начали спрашивать , искать , сдѣлали въ монастырѣ шумъ и тревогу , и начали монаховъ истязать . Тогда Царевичъ вышелъ на крыльцо въ полной монашеской одеждѣ , въ мантии и въ клобукѣ , и сказалъ со смиреніемъ : « Господа , князья и бояре ! что шумите ? что монаховъ истязываете ? Я здѣсь : но Царевичъ вашъ Растко уже міру умеръ ; а стою здѣсь я грѣшный и изъ всѣхъ послѣдній монахъ Савва . Поѣзжайте съ Богомъ домой , и скажите своему Царю , а моему родителю , что сынъ его міру умеръ и сдѣлался монахъ . А ежели онъ хочетъ меня видѣть , то пусть оставляетъ свое земное царство , и приходитъ ко мнѣ , и получитъ небесное . » Князья и бояре , увидя Царевича въ монашеской одеждѣ и услышавъ отъ него такія слова , упали на землю , и со слезами начали говорить : « Что ты , Царевичъ , надъ нами сдѣлалъ ? Обманулъ насъ , безумныхъ стариковъ , молодой ты юноша . Мы безумные повѣрили твоимъ льстивымъ

словамъ, и выпустили тебя изъ рукъ. Какъ мы теперь возвратимся къ своему Царю, а къ твоему родителю? Какъ, видѣвши тебя, не привеземъ къ нему?» Царевичъ ихъ успокоилъ, а къ родителямъ написалъ письмо своею рукою, въ которомъ писалъ о непостоянствѣ міра сего и о его обманчивыхъ прелестяхъ, и совѣтовалъ имъ земное царство оставить, яко временное, а лучше достигать царствія небеснаго и вѣчнаго. О себѣ писалъ, чтобы о немъ не плакали, ибо онъ обрѣлъ себѣ тихое и небурное пристанище въ жребіи Царицы небесной, и онъ уже теперь гражданинъ св. Горы Аѳонскія. И прочаго много написалъ. Съ тѣмъ и отпустилъ своихъ бояръ. Они же, пріѣхавши къ Царю, все ему рассказали и отдали ему письмо. Когда прочитали родители письмо, толико распалились любовію къ Богу, что начали оба помышлять, чтобы оставить свое земное царство, и поступить въ монашество.

О постриженіи Царевича, въ русскомъ монастырѣ св. Великомученика Пантелеимона, вскорѣ узнала вся Гора Аѳонская. Въ скоромъ времени Протъ, т. е. начальникъ всея Горы Аѳонскія, призвалъ къ себѣ Царевича, юнаго монаха Савву, и сказалъ ему: «Чадое Савво, тебѣ жить въ русскомъ монастырѣ опасно; потому что монастырь малъ и бѣденъ: когда узнаютъ, что Царскій сынъ въ немъ постригся, — случится можетъ, что прійдутъ разбойники, и тебя убьютъ, и монастырь разграбятъ; поэтому я тебѣ жить въ немъ не позволяю и не благословляю, а перейди въ Вагопедъ монастырь, и тамъ живи.» Прискорбно показалось молодому монаху разлучиться съ своею матерію, русскою обителію, породившею его монашествомъ,

разлучиться и съ своимъ природнымъ славянскимъ языкомъ, и идти въ чужой, греческій монастырь. Но, хотя и съ неудовольствіемъ, противиться великому старцу Проту не сталъ; хотя и со слезами, но перешелъ въ Ватопедскій монастырь. А это Проть сдѣлалъ потому, что хотѣлъ обогатить свой греческій монастырь. Чрезъ нѣсколько времени родитель прислалъ много золота и сребра, и онъ выстроилъ въ Ватопедѣ корпусъ, болѣе ста келій, и три церкви, и весь монастырь отстроилъ и обогатилъ. И до-нынѣ въ Ватопедѣ называются *Сербскіе корпуса*. Потомъ еще Савва къ родителямъ написалъ увѣщательное письмо о суетѣ міра. Тогда родитель Саввы, Царь *Стефанъ*, послушавъ благихъ совѣтовъ сына своего, вознамѣрился оставить земное свое царство и идти въ монастырь къ сыну своему; но супругъ своей сего не объявилъ, потому что она не согласна была его отпустить. Онъ же къ сыну своему Саввѣ написалъ письмо, и обѣщался къ нему пріѣхать совсѣмъ на жительство, и назначилъ тому время. Потомъ сказалъ своей женѣ якобы хочетъ повидаться съ сыномъ своимъ, монахомъ Саввою, и царство свое препоручивъ на время другому своему сыну Стефану, самъ отправился въ путь, въ св. Гору Аѳонскую. Въ то время монаха Савву, Царевича, послалъ игумень въ Константинополь по монастырскому дѣлу. Царевичъ просилъ игумена, чтобы, когда пріѣдетъ безъ него въ монастырь родитель его, Царь Сербскій, — скоро его въ братство не принимали, а искусили его — не принесъ ли онъ въ монастырь царской важности. И говорилъ: «Скажите ему такъ: ты Царь, да уже и старъ; послушанія монастырскаго понести не можешь.

А у насъ новоначальнымъ послушаніе такое : пасти муловъ. Ежели согласится , то пріимите его , и пошлите его пасти муловъ.» Игуменъ Саввъ сказалъ: « нѣтъ, чадо; выше силъ искушать Царя не надобно.» Царевичъ же сказалъ игумену: « отче, сотвори такъ, какъ я говорю »; а самъ отправился въ Константинополь. Въ скоромъ времени пріѣхалъ Сербскій Царь Стефанъ, родитель Саввы , въ Аѳонскую Гору , въ Ватопедъ. Встрѣтили его съ честію и славою ; ввели прежде въ церковь, а потомъ на гостинницѣ упокоили его, какъ дорогаго гостя и ктитора. Когда Царь спросилъ о возлюбленномъ своемъ сынѣ Саввъ: ему сказали, что посланъ въ Константинополь за послушаніе. Царь, погостивши три дня, пришелъ къ игумену, упалъ ему въ ноги , объявилъ намѣреніе поступить въ монашество, и просилъ принять его во св. обитель, въ число послушниковъ. Игуменъ сталъ ему отказывать и говорилъ: « Ты не можешь понести монашеской жизни, ибо ты Царь , прожилъ свою жизнь въ довольствѣ, изобиліи и славѣ; въ такой жизни и состарѣлся. Какъ ты можешь употреблять монашескую грубую пищу? Какъ ты можешь стяжать иноческое смиреніе? Какъ ты можешь понести монастырское послушаніе? Первое у насъ послушаніе новоначальнымъ — пасти муловъ: какъ же ты можешь такое послушаніе совершать? » Царь на все соглашался , и все обѣщался перенести, и со слезами просилъ принять его въ обитель. Игуменъ , видя его глубокое смиреніе , принялъ его съ любовію, причислилъ къ братству, облекъ его въ послушническую одежду , въ подрясникъ , подпоясалъ его ремнемъ, надѣлъ на него рясу, на голову скуфью братскую , въ руки далъ четки , и изъ Царя сдѣлалъ

почти монаха, и послалъ его пасти муловъ. Царь, взявши благословеніе, съ радостію пошелъ. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ изъ Константинополя Царевичъ, и спросилъ у игумена о родителѣ своемъ. Игумень сказалъ — что пріѣхалъ, и принять въ обитель, и теперь пасетъ муловъ. Царевичъ весьма обрадовался такому смиренію отца своего, и взявъ пищи, пошелъ посѣтить и повидать своего любезнаго родителя, прежде бывшаго Царя, а теперь пастуха муловъ. Увидавшись, много отъ радости плакали оба. Потомъ сынъ отдалъ отцу пищу, велѣлъ ему пообѣдать, а самъ пошелъ прохаживаться по лѣсу. Внезапно возвратившись и подошедши къ отцу своему, покачалъ головой, и сказалъ: «Вотъ Царь-то и есть Царь, никогда не можетъ быть монахомъ, не можетъ оставить свою царскую гордость: для чего ты разостлалъ на земли платокъ, и положилъ на него пищу? Не лучше ли бы тебѣ положить пищу на зеленую траву? — Это бы было монаху приличнѣе.» Царь вскочилъ, упалъ сыну въ ноги, и со слезами просилъ прощенія, и обѣщался впредь такъ не дѣлать. Сынъ простилъ, и приказалъ впредь быть осторожнѣе, и учиться монашеской нищетѣ и смиренію. Чрезъ нѣсколько времени, Царь постриженъ былъ въ монашество, и пожелалъ себѣ имѣть старцемъ и наставникомъ своимъ сына своего, монаха Савву. И сдѣлались, по духовному рожденію, сынъ отцемъ, а отецъ сыномъ. Потомъ явившись имъ обоимъ Божія Матерь сказала, чтобы они выстроили свой особенный монастырь въ память Входа Ея во храмъ. Они избрали мѣсто, взяли благословеніе отъ Прота св. Горы Аѳонскія, и выстроили монастырь Хилендарь. Потомъ

Савву сдѣлалъ Патріархъ Архіепископомъ, и послалъ его въ Сербію, въ отечество его. А родитель его, прежде бывшій Царь Стефанъ, въ иночествѣ *Симеонъ*, препроводилъ остальную свою жизнь въ св. Горѣ Аѳонской, въ своей обители Хилендарской, въ монашескихъ подвигахъ, и съ миромъ скончался. Супруга его такожде поступила въ монашество, и въ отечествѣ своемъ выстроила женскій монастырь, въ немъ постриглась и препроводила свою жизнь, и съ миромъ скончалась. Архіепископъ Савва, по смерти отца своего, св. Симеона, восхотѣлъ мощи отца своего перенести изъ Аѳонской Горы въ свое отечество, Сербію. Приѣхавши въ св. Аѳонскую Гору, призвалъ въ свою обитель Прота и игуменовъ, Ватопедскаго съ братіею, и русскаго монастыря, и прочихъ множество монаховъ, и сдѣлалъ въ своей обители Хилендарской великій праздникъ. Послѣ малой вечерни откопали гробъ св. Симеона, вынули изъ земли его мощи, и поставили въ соборномъ храмѣ среди церкви. Потомъ начали всенощное бдѣніе: въ соборномъ храмѣ, — Протъ съ греками, по-гречески, а Савва въ другомъ храмѣ съ своей братіею и съ русскими по-славянски. Когда начали пѣть поліелей, то изъ гроба отъ мощей св. Симеона потекло миро, и наполнило весь храмъ неизреченнаго благоуханія. Греки удивились сему, и сказали Архіепископу Саввѣ. Всѣ прославили Бога, и назвали св. Симеона *Мироточивымъ*. Потомъ Савва съ мощами своего родителя отправился въ Сербію, а изъ гроба св. Симеона выросла лоза виноградная, которая и до-нынѣ приноситъ плодъ и дѣлаетъ чудотворенія. Таковыхъ имѣетъ ктиторовъ св. обитель Хилендарская! Жезлъ, который Савва

принесъ изъ Лавры Саввы Освященнаго и поставилъ на келліи Успенія Богородицы, близъ Карей, до-нынѣ стоитъ цѣль, и келлія называется по жезлу *Пятерисса*. По-болгарски называется жезлъ *пятерица*.

133. Отъ монастыря Хилендаря, чрезъ хребетъ на западную сторону, два часа ходу, одиннадцатый монастырь, *Зографъ*, во имя св. Великомученика Георгія Побѣдоносца. Храмъ великъ и прекрасенъ, нововыстроенъ, весь иконописанъ и украшенъ. Въ немъ имѣются три чудотворныя иконы св. Великомученика Георгія. Первая — *самонаписанная*, въ честь которой и монастырь выстроенъ. Строили сей монастырь три брата, Цари Болгарскіе. Когда выстроили, тогда освящать каждый хотѣлъ во имя своего Ангела, и сдѣлалась между ними великая распря. Потомъ уговорились такъ: поставить на мѣсто храмовой иконы неписанную доску, а церковь запереть и запечатать своею каждому печатію; въ другой же малой церкви совершать всенощное бдѣніе, и по-утру осмотрѣть — какая икона будетъ написана; во имя той и освятить монастырь. Такъ и сдѣлали. По-утру сняли печати, отворили церковь, и увидели чудесно новонаписанную икону св. Великомученика Георгія. Всѣ неизреченныя радости исполнились, и прославили Бога и св. Великомученика Георгія. Тотчасъ послали къ Проту на Карею, чтобы пришелъ и освятилъ монастырь. Протъ пришелъ, и когда сказывали ему о сотворшемся чудѣ, что икона сама написалась, — Протъ не вѣрилъ тому, хотя всячески его увѣряли и свидѣтелей представляли, и говорилъ: «какъ это можетъ быть?» Хотѣлъ своею рукою единымъ перстомъ осязать икону; но только дотронулся, — перстъ его къ лицу иконы

приросъ, и Протъ не могъ его отнять, такъ что отрѣзали; и до-нынѣ на лѣвой щекѣ на иконѣ немного видѣнъ. Протъ испросилъ прощенія, освятилъ храмъ и монастырь во имя св. Георгія, и наименовали монастырь *Зографъ*, сирѣчь — самописанный. Сія икона стоитъ противъ праваго клироса на столбѣ.

Вторая икона св. Георгія приплыла моремъ въ Аѳонскую Гору, неизвѣстно откуда, и пристала къ берегу, близъ Ватопедскаго монастыря. Сошлись монахи, и начали спорить: каждый желалъ взять икону въ свой монастырь. Потомъ уговорились такъ: взять одного молодаго мула, на которомъ никто не ѣздилъ, и положить на него икону; и къ которому монастырю привезетъ, тамъ и поставить икону. И сдѣлали такъ. Мулъ съ иконою пошелъ прямо чрезъ гору, по непроходимымъ лѣсамъ и скаламъ, пришелъ къ монастырю Зографу, и остановился противъ монастыря на горѣ. Когда сняли съ мула икону, — мулъ упалъ мертвый. Икону поставили въ монастырѣ противъ лѣваго клироса на столбѣ, гдѣ и до-днесь стоитъ.

Третія икона св. Великомученика Георгія прежде была въ Молдавіи, у Князя Стефана въ домѣ. Многажды св. Великомученикъ Георгій являлся Князю, и повелѣвалъ послать его икону въ св. Гору Аѳонскую, въ монастырь Зографъ. Князь послушался, и прислалъ икону съ дарами. Ее поставили на лѣвомъ клиросѣ, лицомъ къ алтарю.

Еще въ этомъ монастырѣ находятся двѣ чудотворныя иконы Божія Матери.

Первая икона—предъ которой стоялъ и молился св. Косма Зографскій, чтобы Богоматерь наставила его, какъ онъ имать спастися. Она же сказала къ Сыну

Своему, держимому въ объятіяхъ : « какъ имать спастися рабъ Твой Косма ? » Господь сказалъ : « ежели изыдетъ изъ монастыря , и будетъ безмолвствовать , спасется . » Услышавъ сіе , Косма вышелъ изъ монастыря , вселился въ пещерѣ , и жилъ въ ней до смерти своей .

Вторая икона Пресвятыя Богородицы — прежде стоявшая въ пустынной келліи . Одинъ инокъ пустынножитель читалъ предъ ней полунощницу , и слова « радуйся , Обрадованная : Господь съ Тобою ! » многаяжды повторялъ . И отъ иконы былъ ему гласъ : « и ты , старче , радуйся ; иди въ монастырь , и скажи братіи : аще кто немощенъ и страшливъ , — да изыдетъ изъ монастыря ; аще кто крѣпокъ , — да остается въ монастырѣ принять мученическій вѣнецъ ; ибо грядетъ зломудренный Папа Римскій , и распудитъ овцы Св. Горы . » Инокъ сказалъ : « не имутъ мнѣ вѣры . » Отъ иконы сказано было : « ты иди , а Я прежде тебя тамъ буду . » Пустынникъ послушался , пошелъ въ монастырь , и пришедши туда , приказалъ всѣмъ братіямъ собраться въ церковь . Тогда увидѣли внутри храма стоящую икону , и удивились . Пустынникъ повѣдалъ все , что слышалъ отъ иконы . Братія начали плакать . Созванъ былъ соборъ на Кареѣ , и Протъ св. Горы Аѳонскія приказалъ всѣмъ страшливымъ и немощнымъ скрыться , и удалиться отъ св. Горы Аѳонскія . По маломъ времени , зломудренный Папа Римскій съ греческимъ Царемъ , Михаиломъ Палеологомъ , яко лютые и злые волки , пришли въ св. Гору Аѳонскую , вторгнулись въ Христово стадо , и распудили Христовыхъ овецъ : иныхъ разогнали , иныхъ приневолили въ свою вѣру , иныхъ замучили до смерти .

Въ это время въ монастырѣ Зографѣ двадцать семь человекъ были огнемъ сожжены ; мученіе ихъ написано на стѣнахъ , въ великомъ соборномъ храмѣ , и во вратахъ монастырскихъ. Монастырь сей — болгарскій, богатый ; въ немъ частей св. мощей довольно, и крестъ съ частию Честнаго Древа. Общежитія братія не имѣютъ. Хлѣба и вина и масла довольно , и лѣсу много; воды мало, огорода почти нѣтъ. Службу отправляютъ по русскимъ книгамъ, славянскимъ языкомъ. Поютъ греческимъ напѣвомъ. Монастырь стоитъ на полугорѣ , отъ моря на одинъ часъ. Имѣетъ въ завѣдываніи скитъ, именуемый « *Черной Виръ* » ; выстроенъ русскими , во имя Рождества Богородицы. Нынѣ почти пустъ. Зографскій монастырь келлій имѣетъ мало.

134. Отъ монастыря Зографа одинъ часъ ходу — двѣнадцатый монастырь , *Кастамонитъ* , во имя св. Первомученика Стефана. Монастырь общежительный, старъ и ветхъ; отъ св. мощей частей имѣетъ довольно, келлій имѣетъ мало , лѣсу довольно , воды много холодной , хлѣба , вина и масла изобильно ; но постройкою весьма бѣденъ. Отъ моря одинъ часъ ходу; стоитъ на полугорѣ , въ темномъ лѣсу. Св. Горы отцы всегда предлагаютъ русскимъ, чтобы вошли въ него жить , и взяли его подъ свое покровительство. И ежели бы взяли его русскіе, то поправили бы его, и можно бы много изъ него добра сдѣлать. Я отъ многихъ слышалъ , что его выстроили Сербскіе Цари славянскаго языка, и завѣщали, чтобы греки въ немъ не жили , а проживали бы въ немъ всегда монахи славянскаго языку. Потому теперь греки въ немъ не многіе живутъ , и ничего въ немъ не поправляютъ,

оттого многое разрушается. Но русскіе еще теперь нужды не имѣютъ, потому что всѣ помѣщаются въ русскомъ монастырѣ св. Великомученика Пантелеимона. А когда русскіе умножатся, тогда могутъ взять въ завѣдываніе и этотъ монастырь. Кастомонитъ стоитъ въ самомъ тихомъ и безмолвномъ мѣстѣ, при большихъ водахъ. Ни откуда его не видно, и никто мимо его не проѣзжаетъ, развѣ кто нарочно захочетъ заѣхать. Монастырь имѣетъ свою корабельную пристань, много хлѣбопахатной земли и виноградниковъ.

135. Отъ Кастомонита полтора часа ходу—тринадцатый монастырь, *Дохіаръ*, во имя св. небесныхъ безплотныхъ Силъ: храмъ прекрасенъ и иконописанъ. Здѣсь есть чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, нарицаемая «*Скоропослушная*», и много отъ св. мощей частей. Близъ сего монастыря избавили Ангелы юношу отъ потопленія; и камень, который былъ привязанъ у него на шеѣ, до-днесь сохраняется въ цѣлости. Хлѣба, лѣсу, вина и масла монастырь имѣетъ довольно, и воды также, общежитія не имѣетъ. Огородъ монастырскій малъ, обитель стоитъ близъ самаго моря.

136. Отъ Дохіара полчаса ходу — четырнадцатый монастырь, *Ксенофъ*, во имя св. Великомученика Георгія Побѣдоносца: храмъ нововыстроенъ, внутри не расписанъ и не украшенъ, и иконостасу не имѣетъ, но по устройству великолѣпенъ и прекрасенъ. Ежели Господь поможетъ украсить его, то всѣ аѳонскіе храмы превзойдетъ красотою и великолѣпіемъ. Много въ немъ отъ св. мощей частей, и крестъ съ частию Честнаго Древа. Братія содержатъ прекрасное обще-

житіе. Келій въ завѣдываніи немного, и тѣ небогатыя. Монастырь имѣетъ подѣ собой великій скитъ, называемый *Ксенофскимъ*, во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Лѣсу и воды много, хлѣба, вина и масла изобильно, огородъ великій и плодородный. Монастырь стоитъ близъ самаго моря на открытомъ мѣстѣ.

137. Отъ Ксенофа одинъ часъ ходу — пятнадцатый монастырь, *Русскій*, во имя св. Великомученика Пантелеимона. Монастырь нововыстроенъ, великъ и прекрасенъ. Соборная церковь не расписана и не украшена, иконостаса не имѣетъ. Вторая церковь — русскихъ братій, во имя Святителя Митрофана Воронежскаго, чудотворца, нововыстроена, не велика, но прекрасна. Въ этомъ монастырѣ хранится глава св. Великомученика Пантелеимона, глава св. Стефана Исповѣдника, новаго чудотворца, глава св. Преподобномученицы Параскевы, и иныхъ много частей св. мощей, и крестъ съ частию Честнаго Древа. Трапеза великая, крестообразная, иконописанная. Монастырь имѣетъ подѣ собою скитъ, называемый — *Богородицы*: храмъ во имя Успенія Богородицы. Келій имѣетъ немного, и тѣ бѣдныя, хлѣба и вина и масла изобильно, лѣсу много, воды довольно, и холодная, огороды богатѣйшіе. Братія содержатъ прекрасное общежитіе. Въ семъ монастырѣ всѣмъ русскимъ тихое пристанище, и русскихъ братій довольно. И я въ немъ сподобился жить почти шесть лѣтъ; въ немъ сподобился постричься въ великій иноческій чинъ отъ игумена, іеросхимонаха Герасима. Но грековъ несравненно болѣе противъ русскихъ, и игумень грекъ; во всей св. Горѣ Аѳонской искуси́те его не найдется

во всѣхъ монашескихъ обстоятельствахъ. Монастырь стоитъ близъ самаго моря, на открытомъ мѣстѣ и воздухъ, не далеко отъ главной аѳонской пристани, называемой *Дафни*, по морю только полчаса ходу. И много имѣетъ доброй и хлѣбопахатной земли внутри св. Аѳонской Горы; и отъ Карен не далеко, только два часа ходу.

138. Отъ Русскаго монастыря одинъ часъ ходу — шестнадцатый монастырь, *Ксиропотамъ*, во имя св. четырехдесяти мученикъ: первоначально выстроенъ Царицею Пульхеріею, а потомъ возобновленъ св. Павломъ Ксиропотамскимъ; а послѣ, во время нашествія Папы Римскаго, былъ до основанія разрушенъ. Потомъ паки былъ воздвигнутъ греческимъ Царемъ Андроникомъ Палеологомъ. Въ этомъ монастырѣ и постригся онъ въ монашество, и скончалъ жизнь свою. Здѣсь имѣется большая часть Честнаго и Животворящаго Креста Господня, именно — та часть, гдѣ были пригвождены ноги Іисуса Христа, Спасителя нашего; положена св. Павломъ Ксиропотамскимъ, ктитормъ св. обители сея; много и иныхъ частей отъ св. мощей. Соборная церковь нововыстроенная, иконописанная, прекрасная и порядочно убранная. Братія общежитія не имѣютъ. Лѣсу у монастыря много, воды довольно, хлѣба, вина и масла изобильно; келій имѣетъ мало. Подъ симъ монастыремъ первая аѳонская пристань, называемая *Дафни*; отъ Карен два часа, отъ моря полтора часа ходу. Монастырь стоитъ на полугорѣ, на открытомъ мѣстѣ; огородъ имѣетъ порядочный.

X 139. Напишу здѣсь о ктиторѣ обители сея, св. Павлѣ Ксиропотамскомъ; я самъ читалъ житіе его.

Родомъ онъ былъ изъ Константинополя, сынъ греческаго Царя Михаила Рагкавея Куропалата. Когда Левъ Армянинъ возсталъ на Царя Михаила Рагкавея, — Царь, видѣвши такое неустройство въ царствѣ, добровольно оставилъ царство, и ушелъ въ монастырь, и постригся въ монахи. Левъ Армянинъ, овладѣвъ царствомъ, послѣ Михаила Рагкавея оставшихся двухъ сыновей, еще отроковъ, приказалъ оскопить, дабы, когда возрастутъ, не отняли у него царство, какъ наслѣдники законнаго Царя; и одинъ, именемъ Игнатій, послѣ былъ Патріархомъ; а сей св. Павелъ выросъ до совершенныхъ лѣтъ, и узнавши свое естество — что не способенъ къ мірской жизни, предался весь ученію, и прошелъ все ученіе внѣшнее и духовное, и сдѣлался весьма славенъ между философовъ и богослововъ, и воздавали ему великую честь. Но онъ, разсмотрѣвъ непостоянство и суетную славу и прелесть міра сего, удалился изъ Константинополя, оставилъ все свое богатство и мірскую славу, и скрылъ свое званіе: надѣлъ на себя пастушескую одежду, назвался поселяниномъ, пастухомъ овецъ, и пришелъ въ св. Аѳонскую Гору. Но когда онъ пришелъ къ Аѳонской Горѣ, — его не принимали, и сказали, что его принять въ Аѳонскую Гору невозможно, потому что браны нѣтъ и лице женское. Тогда безбрадыхъ на Аѳонѣ не принимали, и нынѣ еще съ трудомъ принимаютъ; а Павелъ былъ съ малолѣтства скопецъ, и у него до самой смерти не было браны. Онъ же плакалъ и просилъ, дабы его впустили, и пробылъ много дней, плача. Братія, видѣвши его любовь къ Богу, и великое желаніе къ иночеству, сказали ему: «юноше! мы бы тебя и пустили, но

внутри тебя не пріймутъ, ни въ монастыряхъ, ни въ скитахъ.» Онъ просилъ, дабы только впустили, а тамъ Божія Матерь мѣсто покажетъ. Когда его впустили, — онъ прошелъ аѳонскую непроходимую пустыню, пришелъ на мѣсто Ксиропотамъ, вселился въ пустыхъ развалинахъ прежде бывшаго монастыря, выстроеннаго Царицею Пульхеріею, и началъ проживать одинъ въ пустыни, и проходитъ тихую и безмолвную жизнь, а пропитаніе имѣлъ отъ рукодѣлія. Познакомился съ однимъ старцемъ пустынножителемъ, который и постригъ его въ монашество. Во время великихъ праздниковъ ходилъ на Карею. Протъ замѣтилъ, что онъ не изъ простыхъ, и на-единѣ его спросилъ: «какъ имя ему? и какого роду? и гдѣ живетъ?» Павелъ ему отвѣтилъ: «я, святѣйшій отче, родомъ простой поселянинъ, имя мнѣ Павелъ, живу въ Ксиропотамскихъ развалинахъ.» Съ того времени Протъ его узналъ и полюбилъ, и назвалъ его Павломъ Ксиропотамскимъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ насталъ въ Греціи Царь Романъ, родственникъ св. Павла, и вспомнилъ о немъ, началъ его искать, и прислалъ къ Проту Горы Аѳонскія посланіе, дабы поискалъ въ Аѳонѣ родственника его; и написалъ примѣты. Получивши Протъ отъ Царя посланіе, догадался, что это Павелъ Ксиропотамскій, и вскорѣ послалъ за нимъ. Павелъ скоро пришелъ, и Протъ началъ ему говорить: «Чадъ Павле, зачѣмъ ты насъ обманулъ? Почему ты намъ не исповѣдалъ, что ты Царскій сынъ? Зачѣмъ ты закопалъ свой талантъ въ землю? Теперь Богъ тебя объявилъ.» Павелъ просилъ прощенія. А Протъ показалъ ему царское посланіе, и сказалъ: «теперь немедленно иди къ Царю въ Константинополь.» Павлу

это показалось весьма тяжело, и онъ съ горькими слезами просилъ Прота не объявлять о немъ Царю, а оставить его въ пустыни плакаться о грѣхахъ своихъ. Протъ сказалъ, что это невозможно, и что ему должно скорѣе отправиться къ Царю. Тогда Павелъ съ скорбію отправился въ Константинополь, и прибылъ къ Царю. Царь его встрѣтилъ съ честію, принялъ его въ свои чертоги, посадилъ его по правую руку, и много съ нимъ разговаривалъ: держалъ его руки и цѣловалъ, и слезами обливалъ; просилъ его—всегда съ нимъ пребывать, и быть ему за отца и за наставника, и вмѣстѣ съ нимъ управлять царствомъ. Но Павелъ отъ всего того отказался. Царь просилъ его пожить хотя одинъ годъ, и поучить его двухъ сыновей. Павелъ захотѣлъ утѣшить Царя, и остался. Проживъ у Царя полгода, соскучился, пришелъ къ Царю, и сказалъ: «Какъ рыба не можетъ быть безъ воды, и когда вытаскать ее на сушу, умираетъ: такъ и монахъ не можетъ быть безъ келліи; а ежели онъ пребываетъ въ міру и въ мірскихъ домахъ, то душею умираетъ и погибаетъ. Итакъ, Царю, ежели хочешь мене видѣть жива и здрава, то отпусти во св. Аѳонскую Гору, въ мою пустынную келлію; а я среди міра больше жить не могу.» Царь, услышавъ сіе, огорчился, заплакалъ, и обнявъ его, сказалъ: «Отче святой, не хочешь ты со мной одного года пожить: какъ-же ты оставляешь меня навсегда, среди міра и соблазновъ? Что теперь сдѣлаю, не знаю. Разстаться съ тобой не могу, и удержать боюсь, да не оскорблю тебя, святой отче.» Потомъ взялъ его за руку, привелъ въ свой царскій кабинетъ, и сказалъ ему: «отче святой, возьми себѣ злата, сколько угодно, и раздай

аѳонскимъ отцамъ, кому ты знаешь.» Павелъ же сказалъ: «Царю, я чужаго злата раздавать не могу, и не знаю какъ; и отцы аѳонскіе твоего злата не требуютъ; ибо они и свое оставили. А ты, ежели хочешь, самъ раздай: много въ Константинополѣ нищихъ и бѣдныхъ сиротъ и вдовицъ, требующихъ помощи.» Царь сказалъ: «это, отче, сказанное тобою, исполню; но что сотворю св. Горѣ Аѳонской? какое ей сдѣлаю благодѣяніе?» Тогда Павелъ началъ Царю говорить: «ежели ты хочешь оставить память о себѣ въ св. Горѣ Аѳонской, то воздвигни новый монастырь на развалинахъ Ксиропотамскихъ, гдѣ моя келлія: ибо на томъ мѣстѣ былъ воздвигнутъ монастырь Царицею Пульхеріею во имя св. сорока мученикъ, по весь нынѣ разрушенъ.» Царь, услышавъ сіе, весьма обрадовался, и скоро послалъ мастеровъ со златомъ; а монаха Павла Патріархъ хиротонисалъ въ іеромонаха, и поставилъ игуменомъ. Царь наградилъ его святынею отъ царскихъ сокровищъ: пожертвовалъ ему Честное Древо креста Господня, именно ту часть, гдѣ были пригвождены ноги Спасителя, и дары, принесенные Христу, и много частей отъ святыхъ мощей, и потомъ отпустилъ его съ честію многою. Въ скоромъ времени выстроенъ былъ великій монастырь. На освященіи его были Царь и Патріархъ Теофилактъ, Царю по плоти родной сынъ. Св. Павелъ собралъ братіи болѣе двухъ сотъ человекъ, и до конца разорилось его безмолвіе. Не терпя быть въ великомъ попеченіи и суетѣ, онъ оставилъ свою обитель, удалился въ пустыню на безмолвіе, и вселился въ самой непроходимой пустынѣ, близъ самага Аѳона, гдѣ нынѣ стоитъ монастырь св. *Павелъ*, такъ назы-

ваемый; и началъ пакѣ проживать единъ съ единымъ Богомъ. По отшествіи его изъ обители, братія много о немъ плакали, и всюду его искали, но не могли найти; и избрали себѣ игумена другаго, о чемъ услышавши Павелъ, весьма обрадовался. Но любимые его ученики также отлучились изъ обители, и странствовали по св. Горѣ Аѳонской, ища своего пастыря и любезнаго отца и наставника. И не могъ градъ, вверху горы стоя, укрытися. Ученики нашли его, и начали при немъ жить, и терпѣть всякія скорби и недостатки въ тѣлесныхъ потребахъ. Въ маломъ времени собралось болѣе ста человѣкъ. Узнавши сіе, ксиропотамцы начали посылать ему нужное. Павелъ началъ и тамъ строить монастырь; и помощію Царей воздвигнулъ великую обитель во имя св. Великомученика Георгія. И раздѣлилъ всю святыню пополамъ: половину оставилъ въ Ксиропотамѣ, а половину отдалъ въ новый монастырь. Достигши глубокой старости, написалъ братіи завѣщаніе, и преставился съ миромъ, и предалъ душу свою Господу, Котораго отъ юности возлюбилъ. А святыя его мощи увезены чудесно въ Константинополь.

140. Отъ монастыря Ксиропотама три часа ходу—семнадцатый монастырь, *Симонетръ*, во имя Рождества Христова. Стоитъ на остромъ утесѣ, высоты саженой двѣсти, какбы птичье гнѣздо. Отъ горы сдѣланъ мостъ. Изъ монастыря смотрѣтъ внизъ на море весьма страшно. Церковь соборная древняя, прекрасная и иконописанная; въ ней отъ св. мощей частей довольно, и великая часть отъ мощей Маріи Магдалины, и крестъ съ частию Честнаго Древа. Братія содержатъ прекрасное общежитіе. Воды много, но

лѣтомъ теплая ; лѣсу довольно , да трудно доставать его , ибо выше монастыря утесистая гора ; хлѣба, вина и масла довольно , но внѣ св. Горы ; огорода не имѣеть ; келлій мало , и тѣ бѣдныя. Братіи около ста человѣкъ.

Не далеко отъ монастыря, къ сѣверу, есть пещера, въ которой жилъ и спасался преподобный отецъ, Симонъ пустынножитель, ктиторе св. обители сея. Въ одну ночь, когда онъ молился, внезапно былъ ему гласъ : « Симонъ, изъиди изъ пещеры твоея. » Онъ вышелъ, и увидѣлъ съ небеси спадшую звѣзду и на остромъ утесѣ ставшую. Отъ звѣзды былъ гласъ : « Симоне, на семъ камени созижди монастырь во имя Рождества Сына Моего. » Симонъ сказалъ : « Какъ можно на семъ неудобномъ мѣстѣ быть монастырю? Здѣсь не бывала человѣческая нога. Ктому же я самъ не имѣю дневнаго пропитанія, а на монастырь требуется много злата. Еще же мнѣ надобно будетъ нарушить свое безмолвіе и заняться суетой. » Но паки ему былъ гласъ : « ты своего разсужденія не имѣй, а твори повелѣнное. » И абіе звѣзда невидима бысть. Онъ же пошелъ въ келлію свою и молился. По маломъ времени пришелъ къ той горѣ корабль, и изъ корабля взывали : « рабе Божій Симоне, сниди къ намъ. » Онъ сошелъ. Нѣкоторые съ корабля подѣхали къ берегу въ малой лодкѣ, упали предъ нимъ, и поклонившись, просили его взойдти къ нимъ на корабль ; и говорили, что Царь Сербскій хочетъ его видѣть. Онъ возшелъ, и Царь поклонился ему, и привелъ его къ дочери своей болящей, и просилъ его, да исцѣлитъ ее, и говорилъ, что много лѣтъ она въ недугѣ семъ, и никакіе врачи не могли исцѣлить ее;

но было отъ Бога откровеніе, чтобы вести ее въ св. Гору Аѳонскую, и что на западной ея странѣ, близъ великаго утеса, есть пустынножитель Симонъ, онъ исцѣлитъ ее. И теперъ, отче святой, мы нашли тебя: сотвори о ней молитву, да исцѣлѣетъ.» Симонъ, видя Божіе быти дѣло, помолился о ней: и абіе болящая исцѣлѣла. Видѣвъ сіе Царь, радости многія исполнился, и сказалъ Симону: «отче святой, скажи мнѣ, что сотворю тебѣ?» Симонъ же сказалъ Царю: «Мнѣ ничего не требуется, я всѣмъ отъ Бога доволенъ. А тебѣ ежели угодно, и имѣешь усердіе; то на семъ утесѣ созижди монастырь.» Царь сему былъ очень радъ, и съ любовію началъ созидать монастырь; хотя и съ великимъ трудомъ, но обитель воздвигнули. Когда освящали мѣсто, и діаконъ мастерамъ подносилъ вина, въ одной рукѣ держа стекляницу, а въ другой стаканъ: вдругъ поскользнулся, и полетѣлъ въ пропасть къ морю. Стоявшіе тамъ думали, что и костей его не найдутъ. Но діаконъ чудесно былъ спасенъ, и сталъ на берегу моря живъ и здоровъ, и стекляница въ рукахъ осталась цѣла, и стаканъ въ рукѣ не пролился. Всѣ, видѣвшіе сіе чудо, прославили Бога и Божію Матерь. А когда, въ 1838 году, перекрывали крышу, и одинъ рабочій упалъ, то и костей не могли найти: столь великая пропасть! Монастырь же донынѣ стоитъ, ни въ чемъ невредимъ. Были землетрясенія, и монастыри на ровномъ мѣстѣ повредились; сей же стоитъ, яко свѣща на свѣщникѣ, нимаю не повредился. Отъ моря полчася ходу, и то по ступенямъ; при морѣ имѣетъ свою пристань.

141. Отъ Симопетра одинъ часъ ходу — восемнадцатый монастырь, *Григоріатъ*, во имя Святителя

Николая. Соборная церковь не велика, но прекрасно убрана и вся иконописана. Имѣеть чудотворную икону Святителя Николая, и много отъ св. мощей частей, и крестъ съ частию Честнаго Древа. Братія содержатъ прекрасное общежитіе. Обитель имѣеть лѣсу много, да трудно доставать; воды довольно, но лѣтомъ теплая; хлѣба, вина и масла изобильно, но въ св. Горы; келлій мало, и тѣ бѣдныя; огорода почти не имѣеть. Стоитъ надъ самымъ моремъ, на скалѣ, отъ воды сажень пять, на открытомъ воздухѣ.

142. Отъ Григоріата одинъ часъ ходу — девятнадцатый монастырь, *Діонисіатъ*, во имя Рождества Іоанна Предтечи и Крестителя Господня. Соборная церковь прекрасная, иконописанная. Въ семъ монастырѣ хранится чудотворная икона Похвалы Пресвятыя Богородицы. Она избавила Царь-градъ отъ нахожденія варваровъ, когда сію икону носили по стѣнамъ Константинополя; въ воспоминаніе сего событія написали Ей акаѳистъ. «Взбранной Воеводѣ.» Еще хранится здѣсь десная рука Іоанна Предтечи и Крестителя Господня, отъ локтя до самой кисти; а кисть съ перстами — въ Россіи, въ С. Петербургѣ, въ зимнемъ дворцѣ. Въ этомъ монастырѣ, сказываютъ, была и глава Іоанна Предтечи, но въ 1824 году турки ее отняли, и теперь неизвѣстно гдѣ. Есть множество отъ св. мощей частей. Братія высокую и строгую общежительную жизнь проводятъ; и обитель славится своими общежительными уставами по всей Горѣ Аѳонской.

Всѣ отъ сего монастыря заимствуются общежительными уставами; но во всемъ подражать ему ни одинъ монастырь не можетъ. Монастырь *Діонисіатъ* — бога-

тый: хлѣба, вина и масла до изобилія ; братіи около двухъ сотъ человѣкъ ; лѣсу много , да трудно доставать ; воды много , но лѣтомъ теплая ; огороду не имѣть ; келлій мало, и тѣ бѣдныя. Стоитъ надъ самымъ моремъ на скалѣ , отъ воды саженой десять. Лѣтомъ бываетъ весьма жарко.

143. Отъ Діонисіата одинъ часъ ходу — двадцатый монастырь , называемый *св. Павелъ* , во имя св. Великомученика Георгія Побѣдоносца , выстроенъ св. Павломъ Ксиропотамскимъ (*). Соборная церковь новостроится , еще не докончена. Есть чудотворная икона Пресвятыя Богородицы и двѣ большія части Честнаго Древа , положенныя св. Павломъ, и крестъ Царя Константина Великаго , который онъ носилъ предъ полками. Здѣсь хранится часть даровъ, Христу волхвами принесенныхъ : злато , ливанъ и смирна, и множество отъ св. мощей разныхъ частей. Братія содержатъ общежитіе. Лѣсу много, да трудно доставать ; хлѣба, вина и масла изобильно, но внѣ св. Горы. Огородъ есть , но не великъ ; воды много холодной. Келлій мало, и тѣ бѣдныя.

144. Монастырю подлежатъ два великіе скита: Первый , называемый *Новый* , во имя Рождества Богородицы , не далеко отъ монастыря , на самомъ берегу моря.

145. Второй , называемый *Лакъ* , во имя св. Великомученика Димитрія, на восточной сторонѣ, отъ монастыря чрезъ хребетъ , въ глубочайшей пустынѣ; живутъ молдаване и русскіе , между высокихъ горъ,

(*) См. гл. 138. 139.

въ непроходимыхъ лѣсахъ. Въ зимнее время мало къ нимъ и солнце заходитъ, и много выпадаетъ снѣгу.

Монастырь св. Павелъ отъ моря стоитъ саженой на двѣсти, на утесѣ, подъ самою Горою Аѳономъ; климатъ весьма здоровый. Отъ св. Павла до Лавры св. Аѳанасія Аѳонскаго семь часовъ ходу, кругомъ лба Аѳона; но монастырей уже нѣтъ, а только скиты.

146. Отъ Павла, полчасъ ходу, первый скитъ, называемый *Новый*, принадлежитъ къ св. Павлу. Отъ *Новаго* скита одинъ часъ ходу—второй скитъ *великій*, св. *Анны*, принадлежитъ къ Лаврѣ св. Аѳанасія. Отъ сего скита полчасъ ходу *малый* скитъ св. *Анны*. Отъ малаго скита св. *Анны* полчасъ ходу—скитъ *Каруля*, стоятъ въ непроходимомъ мѣстѣ. И паки обратно ходъ въ скитъ *великій* *Анны*.

147. Отъ скита *Анны* полтора часа ходу — скитъ св. *Василія*: живутъ греки, проводятъ самую строгую жизнь. Правило читаютъ на турецкомъ языкѣ: ибо они родомъ изъ Азіи, говорятъ по-турецки, а греческаго языка отнюдь не знаютъ, хотя употребляютъ литеры греческія. Такъ употребляютъ всѣ греки въ Азіи, отъ самага Архипелага и до Кесаріи Каппадокійской, потому что турки, до перехода въ Европу и до взятія Константинополя, весьма были злы на грековъ и на всѣхъ христіанъ, и которыя забирали страны, тамъ запрещали по-гречески говорить, и даже рѣзали грекамъ языки, и отъ того они до конца позабыли свой природный греческій языкъ, но вѣру православную христіанскую удержали. Хотя и повседневно кровь ихъ рѣками лилась, но все претерпѣли за имя Іисуса Христа; хотя уже и немного ихъ осталось, но весьма немногіе приняли магометанство;

а всѣ больше кровь свою проліяли за исповѣданіе Христово. И до-нынѣ осталось въ потомствѣ ихъ благое то сѣмя. Ибо азіатскіе христіане, греки, отмѣнны отъ всѣхъ родовъ усердіемъ и любовію къ Богу. Много я ихъ видѣлъ въ Іерусалимѣ; много ихъ приходитъ на поклоненіе въ Аѳонскую Гору: хотя и не понимаютъ греческаго языка, но показываютъ сердечное усердіе и расположеніе къ Богу. Они всегда въ церкви стоятъ со страхомъ, и слезами обливаются. И во св. Горѣ Аѳонской самые великіе старцы и подвижники больше изъ Азіатской Турціи.

148. Отъ скита Василія полчасъ ходу — скитъ *Керася*. Здѣсь живетъ великій старецъ и духовникъ Неофитъ съ своими учениками: читаютъ и говорятъ турецкимъ языкомъ. Отсюда лежитъ путь на самый верхъ Аѳона.

149. Отъ Керася одинъ часъ ходу — великій скитъ *Кавсокалиба*, во имя Святыя Троицы. Отъ Кавсокалибы на одинъ часъ ходу скитъ *Нила Мгроточиваго*; противъ сего мѣста—самое лѣвище Аѳона, высунулось въ море. Противъ сего скита, въ гору, часъ ходу, *пещера Петра Аѳонскаго*. Пониже скита, съ полверсты, *пещера Нила Мгроточиваго*; но весьма страшно до нея доходить. Отъ Нилова скита часъ ходу—скитъ *Іоанна Предтечи*, стоитъ въ сторонѣ къ самому морю. Отъ скита Предтечева часъ ходу до Лавры св. Аѳанасія Аѳонскаго.

150. И такъ обошелъ я св. Гору Аѳонскую, и описалъ путь по св. Горѣ, сколько зналъ; ибо хотя и многожды своими ногами кругомъ обходилъ, но внутри монастырей и скитовъ мало знаю; потому что я во всѣхъ не жила, а бывалъ только мимоходомъ.

Но хотя бы понемногу и жилъ, а всего описать не могъ бы. Кто можетъ описать древнія ихъ библіотеки и богатія ризницы? Братія, которые по двадцати лѣтъ живутъ въ монастырѣ, и тѣ не знаютъ—что въ монастырѣ есть. А знаютъ только во всякомъ монастырѣ человекъ пять или четыре: которые лѣтъ по сорока въ монастырѣ во всемъ были вѣрны, и проходили послушаніе, и пріобрѣли для монастыря великую сумму капитала, тѣмъ только открываютъ потаенные кладовыя. Это дѣлаютъ страха ради турецкаго, дабы во время какого несчастнаго случая турки не разграбили. Монастыри сооружены разными Царями и Патріархами, и положены въ нихъ всѣ драгоценности, а напаче въ тѣ времена, когда турки брали и разоряли грековъ.

Теперь опишу св. Гору вообще. Длины она считается на сто верстъ, широты поперечнику двадцать верстъ; вокругъ ея по монастырямъ сто восемьдесятъ верстъ. До верха Аѳона пути шесть часовъ. Въ ней находится двадцать царскихъ великихъ ставропигіальныхъ монастырей. Всѣ монастыри имѣютъ равныя преимущества: всѣ игумены носятъ архіерейскія мантии, и имѣютъ архіерейскіе жезлы. Всѣ монастыри зависимы отъ Константинопольскаго Патріарха. Всѣ монастыри выстроены изъ дикаго и тесаннаго камня; вмѣсто ограды обнесены корпусами келій, мало гдѣ въ три, но болѣе въ четыре и пять этажей; покрыты всѣ каменными плитами. Внутри корпусовъ, по угламъ и по коридорамъ, много устроено малыхъ церквей, называемыхъ *параклисами*, и всѣ прекрасно убраны и расписаны иконнымъ писаніемъ; всѣ съ куполами, съ главами и крестами наверху. Внутри корпусовъ

помѣщены всѣ службы, страннопріимницы и гостинницы. Во всякомъ монастырѣ по одной и по двѣ и по три *пирги*, т. е. высокія башни, для безопасности отъ разбойниковъ; на нихъ подѣланы и боевые часы; въ каждомъ монастырѣ есть особенныя колокольни съ колоколами, и звонять — когда хотятъ: турки не запрещаютъ. Въ Аѳонской Горѣ турки ни во что не входятъ, а распоряжаются монахи, какъ хотятъ. Въ каждомъ монастырѣ посреди на площади выстроена великая соборная церковь со многими куполами, съ главами и крестами; покрыты всѣ оловомъ, а немногіе и свинцомъ. Есть посреди монастырей и другія малыя церкви, по одной и по двѣ и по три. Въ церквахъ полы всѣ — изъ разныхъ мраморовъ, изукрашены разными фигурами, и удивляютъ всякаго зрящаго. Столбы, которые поддерживаютъ верхъ, всѣ цѣльно-мраморныя, отшлифованныя; главы прехитрово вырѣзанныя и позлащенные. Всѣ церкви увѣшаны паникадилами и хорусами и множествомъ лампадъ; аналои и каѳедры всѣ разукрашены перламутровой костью. Внутри храмы уставлены кругомъ монашескими формами токарной работы. Иконы всѣ высокой греческой работы, болѣе древнія; а италіанскаго письма отнюдь не принимаютъ. Клиросы вездѣ полукруглые. Посреди—аналои осмиугольные. Въ каждой церкви по двое и по трое часовъ. Въ каждомъ монастырѣ братскія трапезы великія и расписанныя; столы въ нѣкоторыхъ мраморныя, а въ нѣкоторыхъ деревянные. Больницы великія и прекрасныя. Въ каждомъ монастырѣ по двѣ и по три мельницы водяныхъ; въ каждомъ скиту по мельницѣ. И каждый монастырь устроенъ подобно граду. Вся св. Гора Аѳонская по-

крыта темными лѣсами и непроходимыми пустынями, испещрена горами и холмами, и прекрасными долинами, садами и виноградниками, рѣками и источниками. Каждый монастырь имѣетъ свою корабельную пристань съ великими арсанами, т. е. кладовыми, имѣетъ свои корабли и мрежи, и всегда ловятъ рыбу. Вся св. Гора изукрашена монастырями и скитами, монашескими келліями и колибами, постнйцами и отшельниками. Великихъ монастырей двадцать; великихъ скитовъ десять; малыхъ скитовъ съ малыми церквами, называемыми по-аѳонски келліями, до пяти-сотъ; колибъ и пещеръ по горамъ и лѣсамъ неизвѣстно сколько; только одинъ Богъ знаетъ.

151. Великій *скитъ* имѣетъ келлій по пятидесяти и по сорока и по двадцати. Каждая келлія имѣетъ свою церковь, небольшой садъ и малый огородъ; въ каждую келлію течетъ вода, проведенная по жолобамъ, для напоенія огорода. Въ каждой келліи живутъ по два и по три и по четыре человѣка, т. е. старецъ съ своими учениками. Каждая келлія на своемъ содержаніи; а содержаніе братія имѣютъ отъ своего руководѣлія. Посреди скита великая соборная церковь, подобно какъ и въ великихъ монастыряхъ, расписана и украшена; полы разнораморные, колокольни съ колоколами. Кругомъ церквей выстроены великія гостинницы для страннихъ и мимоходящихъ и для поклонниковъ. Каждую недѣлю и въ великіе праздники бываетъ соборное и общее бдѣніе, продолжается по двѣнадцати часовъ, по чину общежительныхъ монастырей; всѣ скитскіе братія обязаны приходить на бдѣніе; а ежели кто на два бдѣнія не прійдетъ, тому прикажутъ продать веллію; впрочемъ, ежели кто со

слезами упросить и обѣщается повиноваться скитскому уставу, того простятъ. Причащаются св. Таинъ чрезъ три недѣли, а другіе каждую недѣлю. По скиту громко разговаривать и стучать — строго запрещено. Братія провождаютъ самую строгую монашескую жизнь, на скитскихъ чиноположеніяхъ. Русскіе мало виѣщаютъ скитскую жизнь. Всѣ скитяне въ монастырь платятъ дань.

152. *Келліи* устроены такъ: келлія—каменная, наподобіе господскаго дома, въ два и три этажа; и въ каждой келліи своя церковь, пять и шесть комнатъ и гостинница, которая служитъ и за трапезу; есть кухня и пекарня; внизу — погреба и выходы; есть и сараи и амбары, гдѣ подѣланы службы, потатиръ для вина, т. е. точило, маслобойни и казаны, и разныя кладовыя; вокругъ себя много имѣетъ земли и лѣсу, и кругомъ ограждена оградой; внутри насажены сады: аѳонскіе орѣхи, масличныя деревья, виноградъ, смоковницы и подобныя имъ, и кипарисы для красоты; близъ келліи — огороды для овощія. Келліи имѣютъ и воды довольно: одна проведена по жолобамъ, для напоенія огорода, а другая—холодная, для питія: ибо каждая келлія имѣетъ по два и по три источника воды. Живутъ здѣсь по два и по три и по четыре человѣка. Правило церковное отправляютъ по уставу. Въ день занимаются больше трудами въ саду и огородѣ; собираютъ плоды и продаютъ ихъ; вырученными деньгами платятъ въ монастырь дань, на нихъ покупаютъ хлѣба и одежду, и мимоходящихъ странниковъ упокоиваютъ. Живутъ всѣ подъ духовниками, и причащаются чрезъ сорокъ дней.

Келейную жизнь много проходятъ и русскіе, и имѣютъ богатые келліи.

153. *Колиба* называется келлія безъ церкви ; сада и города не имѣетъ ; а нѣкоторые хотя и имѣютъ, но немного ; пропитаніе братія имѣютъ отъ рукодѣлія, и работаютъ кто что можетъ ; а больше занимаются ложечками, потому что на нихъ больше расходу : продаютъ ихъ, и покупаютъ себѣ сухарики. Въ большихъ монастыряхъ и дань немного даютъ. Такъ пропитываются, и благодарятъ Царицу небесную. Живутъ подъ духовниками. Правило отправляютъ — кто какъ можетъ ; причащаются каждый мѣсяцъ. Живутъ по два и по одному. Вина и масла рѣдко когда вкушаютъ, рыбы же никогда, развѣ только гдѣ въ монастыряхъ на праздникъ ; потому съ колибъ и ходятъ много по праздникамъ, ибо бѣднымъ имъ въ келліи не чѣмъ утѣшиться. Въ субботу ходятъ на Карею продавать свое рукодѣліе. А которые бѣдны, не имѣютъ на что купить ни келліи ни колибы, а въ монастыри не принимаются, тѣ проживаютъ въ чужихъ келліяхъ на квартирахъ ; но съ нихъ за то ничего не берутъ, а они что нибудь пособляютъ работать. Сіи имѣютъ пропитаніе отъ своихъ трудовъ, ходятъ по монастырямъ и по келліямъ, и работаютъ поденно за деньги : косятъ траву, собираютъ плоды, копаютъ землю, и такъ пропитываются ; дани ничего не даютъ, живутъ подъ духовниками, которые ихъ и постригаютъ ; причащаются — какъ доведется, по разсужденію духовника. А которые не могутъ работать, тѣ милостыню просятъ и по монастырямъ ходятъ, и пропитываются. А ежели заболѣютъ, то больного всюду на больницу принимаютъ. А ежели случится

гдѣ и на келліи: и тамъ больного не оставляютъ, но яко родные ухаживаютъ, пока выздоровѣетъ. Иные, пришедши съ деньгами въ св. Гору Аѳонскую, положили свои деньги въ монастырь, и взяли одну колибу, или внутри монастыря келлію, и получаютъ все потребное для тѣла, до смерти своея; и каждую недѣлю приходятъ на всенощное бдѣніе, и причащаются св. Таинъ; и по трапезѣ берутъ себѣ потребное, и отходятъ въ свою келлію.

154. Теперь хочу описать общежительную Аѳонскую жизнь, — живыхъ мертвецовъ, земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ, ангельскому житію подражателей, воиновъ Царя небеснаго. Какъ Ангелы служатъ день и ночь своему Небесному Владыкѣ: такъ и сіи, отдавши свои тѣlesa, вкупѣ и съ душами, своему предводителю, отцу игумену, и другъ другу, Господа ради и царствія ради небеснаго, добрѣ послушали словесъ Господа своего, Іисуса Христа, сказавшаго въ святомъ Евангеліи: *уже хочетъ по Мнѣ итти, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ ирдетъ* (Матѹ. 16, 24. Марк. 8, 34. Лук. 9, 23). Сіи воины дѣломъ исполнили сіи Христовы словеса, до конца отверглись себя, и взяли крестъ свой, сирѣчь терпѣніе, и идутъ во слѣдъ Іисуса Христа, на гору Голгоѹ, сирѣчь распяться міру, и до конца умертвить свои страсти, и погребстись во гробъ смиренія, и воскреснуть о Христѣ безстрастіемъ. Постъ они держутъ повседневный, ночь стоятъ на молитвѣ, а день обрѣтаются на послушаніи. И они достигаютъ царствія небеснаго сими тремя добродѣтелями: *постомъ* укрощаютъ плоть свою и страсти, потому что чрево есть царица всѣмъ страстямъ: когда

царецу умертвишь, то и рабы разбѣгутся. *Послушаніемъ* искореняють и исторгають страсти, и достигаютъ смиренія, и погружаются въ смиренномудріе. *Молитвою* отгоняють всякіе мятежные помыслы, и соединяются съ самимъ Богомъ. Сіи самоизвольные страдальцы положили твердое основаніе своего спасенія «*вѣру.*» И вѣрують своему Создателю, что не лишитъ ихъ Царь небесный вѣнца мученическаго. Мученики терпѣли отъ мучителей раны, темницы, біеніе и заточеніе, а послѣ и смерть. И сіи безкровные мученики ежедневно терпятъ мученіе отсѣченіемъ собственной своей воли; носятъ иго,—послушаніе, постъ, молитву, всенощное стояніе, бдѣніе, поклоны; чего не хотятъ, то имъ даютъ; чего не желаютъ, то имъ повелѣваютъ; куда просятъ, туда не пускаютъ; а куда не желаютъ, туда посылаютъ. И всегда на крестѣ висятъ не отъ мучителей, но своею доброю волею. Еще же и злый мучитель діаволь безпрестанно съ ними имѣетъ мысленную брань, и внушаетъ имъ снiti со креста, и влагаетъ имъ въ умъ лукавые помыслы: жалость о мірѣ и яже въ немъ, о родителяхъ и сродникахъ, о имѣніи и всѣхъ прелестяхъ и красотахъ міра сего. Еще лукавый врагъ діаволь внушаетъ имъ: снidi со креста, не можешь такъ поститься, не можешь вмѣститъ эту пищу, не можешь понести такого послушанія, потеряешь свое здравіе, ты младъ, а жизнь твоя продолжительна, снidi со креста. Кто сего не пріиметъ, тому внушаетъ выйдти изъ монастыря и удалиться на безмолвіе въ пустыню,—дабы изгнать отъ обителя, и отлучить отъ избраннаго и Богомъ собраннаго стада. Но сіи духовные войны сего лукаваго совѣтника побѣж-

даютъ, ово сами собою и молитвою ; а ежели сами не могутъ, то объявляютъ своему пастырю, отцу игумену. Ибо во аѳонскихъ общежительныхъ монастыряхъ братія имѣютъ обычай ежедневно исповѣдывать свои помыслы и всѣ лукаваго прилоги своему пастырю и предводителю, отцу игумену. И имѣютъ къ нему такую вѣру, что всѣ свои помыслы и всѣ прилоги отдаютъ на его разсмотрѣніе и разсужденіе: какъ онъ скажетъ, такъ и дѣлаютъ, и принимаютъ отъ него совѣты, яко отъ самаго Бога, и бываютъ спокойны. Потому діаволъ и всѣ его коварства и козни бываютъ бездѣйственны, и никакой силы не имѣютъ на совершенныхъ послушниковъ. А хотя и придетъ къ нимъ какой помыслъ, то они, яко коня, возмутъ за узду, и поведутъ къ своему пастырю, говоря: « что ты мнѣ стужаешь? ты знаешь, что я не имѣю своей воли и своего разсужденія, и не знаю — откуда ты: отъ Бога ли, или отъ врага діавола; а пойдемъ къ моему пастырю: какъ онъ разсудитъ?» И бываютъ спокойны. И по всѣ часы и минуты тщатся сохранить свою совѣсть чисту и непорочну, какъ предъ Богомъ, такъ и предъ пастыремъ, отцемъ игуменомъ, и предъ всею о Христѣ братією. Сія живые мертвецы погребены, яко въ гробъ, въ отсѣченіи своей воли и своего разсужденія. Тѣломъ дѣлаютъ и совершаютъ послушаніе, носятъ тяготу своего начальника и другъ друга; умомъ же и сердцемъ всегда бесѣдуютъ съ Богомъ молитвою, и всегда своего возлюбленнаго и многовождедѣннаго Господа Іисуса Христа внутри себя носятъ, и Имъ утѣшаются; и всегда въ умѣ своемъ съ Нимъ бесѣдуютъ, глаголя: « Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣш-

наго ! » Сія войны Царя Небеснаго обои пути монашескаго житія проходятъ , послушаніе вкупѣ и безмолвіе: послушаніемъ достигаютъ смиренія и смиренномудрія; безмолвіемъ же восходятъ на высочайшую степень любви и безстрастія. Гдѣ тамъ любостяжаніе и любовь къ земнымъ вещамъ? Гдѣ зависть и ненависть? Гдѣ тамъ сластолюбіе и пїянство? Воистинну, тамъ мѣста не имѣетъ ни единая страсть; потому что кто приходитъ въ монастырь и опредѣляется жить въ общежитіи , тотъ все свое имѣніе , вещи , книги и иконы, — много, или мало, — отдаетъ въ общее. Въ келліи своей ничего никому имѣть не позволяется, развѣ одной иконы и одной книги , и когда ее прочитаетъ , то снесетъ въ бібліотеку , а другую возьметъ. Одежду имѣютъ только нужную и необходимую. Пищи и питія отнюдь въ келліи не имѣютъ ; запрещено даже и воду держать. Празднословія и кощунства никогда не слышится. Не можетъ никто одинъ къ другому взойти въ келлію даже за нужною потребою; ниже въ коридорѣ одинъ съ другимъ стоять можетъ: но только всякому позволено входить въ келлію къ отцу игумену и къ духовнику , и то — по нужной потребѣ. Каждый , когда приходитъ въ келлію свою , затворяетъ дверь , отправляетъ келейное свое правило, или препоконитъ мало многотрудное свое тѣло, или займется чтеніемъ Божественнаго и отческаго писанія. Когда же исходитъ въ церковь , на соборную молитву, или на послушаніе, то не можетъ не только запереть , но ниже затворить келлію. На послушаніи разговоровъ не бываетъ ; а ежели кто, яко человекъ , что-нибудь и скажетъ , то икономъ тотчасъ возразитъ: отче, что ты, или позабылъ: Го-

споди Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ? А ежели кто не воздерженъ на языкъ, тотъ часто бываетъ отлучаемъ отъ трапезы, и наказываемъ или поклонами, или при всей братіи выговоромъ.

Келейное правило положено такое: въ самую полночь, т. е. въ 12 час. ночи, возбуждаютъ всѣхъ на келейное правило. Прежде ударяютъ въ колоколъ, а потомъ ходятъ будильщики по коридорамъ. И каждый инокъ отправляетъ правило въ келліи своей: сто поклоновъ земныхъ съ молитвою Ісусовою; тысяча метаній, т. е. поясныхъ — какъ рукой до земли достать, тоже съ молитвою Ісусовою, т. е. «Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго»; двѣсти метаній Пресвятѣй Богородицѣ, съ молитвою: «Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси мя грѣшнаго»; пятьдесятъ поклоновъ земныхъ съ молитвою: «Богородице Дѣво, радуйся» и проч.; сто метаній Ангелу хранителю; еще по сту метаній творятъ за новопредставленнаго брата, до сорока дней; за творящихъ милостыню сто метаній: всего выходитъ пятнадцать четокъ. По окончаніи каждыхъ четокъ — трижды «аллилуіа» и три поклона земныхъ; и еще три поклона земныхъ съ молитвою: «Богородице Дѣво, радуйся.»

Черезъ часъ по полунощи ударяютъ въ било, и собираются всѣ на соборную молитву въ церковь, и читаютъ полунощницу. Когда начнутъ псаломъ «помилуй мя, Боже», тогда экклесіархъ обходитъ всю братію со свѣцею: кого не обрѣтается, скоро затѣмъ посылаютъ, и когда приходитъ, то наказанъ бываетъ поклонами посреди церкви. Ежедневно на утрени по первой каѳисмѣ бываетъ великое чтеніе.

Тогда паки обходятъ братію, и возбуждаютъ. Наблюдается строго, чтобы стояли всѣ чинно, и поклоны творили всѣ заедино, равно и благочинно, чтобы не въ свое время никто ни садился, кромѣ чтенія. И такъ каждую утреню обходятъ трижды и болѣе. Каноны обычая не имѣютъ читать, но ежедневно поютъ съ канонархомъ. Въ каждую утреню бываетъ три чтенія. Продолжается утренняя четыре часа, а иногда и до пяти; а поліелейная утренняя продолжается до шести часовъ. Послѣ утрени, пока очередной священникъ читаетъ правило, прочіе пребываютъ въ безмолвіи, не болѣе часа. Потомъ начинается ранняя Литургія. Послѣ Литургіи братія вкушаютъ антидору и святой воды; и ежели дважды трапеза, то идутъ въ трапезу, а потомъ на послушаніе, до самой вечерни. Ежели однажды трапеза, то идутъ прямо на послушаніе, а пищу съ собою берутъ. До вечерни за полчаса сходятся всѣ въ монастырь. Потомъ идутъ къ вечерни. Вечерню читаютъ и поютъ не спѣшно. По вечерни идутъ въ трапезу, а ежели однажды трапеза, то по келліямъ.

Въ шесть часовъ паки собираются въ церковь, и читаютъ повечеріе. На повечеріи канонъ Богородицѣ ежедневно поютъ на-распѣвъ съ канонархомъ, и ежедневно читаютъ акаѳистъ Пресвятѣй Богородицѣ. Потомъ идутъ каждый въ свою келлію. И никто не имѣетъ позволенія въ келліи имѣть свѣтъ, но долженъ или почивать, или правило келейное отправлять: время все распредѣлено по часамъ.

Пищу братія вкушаютъ больше постную. И всегда бываетъ вареная одна пища, а другая — сухая, т. е.

соленыя маслины ; иногда бываетъ соленая рыба , а иногда и соленый сыръ. Вареніе бываетъ больше бобъ и фасоль, и изъ своего огорода овощи. Съ масломъ готовятъ въ субботу и въ недѣлю, а иногда во вторникъ и четвертокъ. Рыбу подаютъ только по великимъ праздникамъ ; иногда подаютъ и вина, съ водой раствореннаго. Хлѣбъ бываетъ всегда пшеничный, и болѣе черствый.

Въ общежительныхъ монастыряхъ св. Аѳонской Горы братія часто причащаются св. Таинъ. Въ Русскомъ монастырѣ и въ Діонисіатѣ причащаются каждую седмицу и во всѣ великіе праздники, а въ иныхъ монастыряхъ чрезъ двѣ седмицы, въ пятнадцатый день. Которые причащаются каждую седмицу, тѣ постятся по три дня, а которые чрезъ двѣ, тѣ постятся цѣлую седмицу. Въ великій постъ всѣ причащаются по-трижды въ недѣлю. Во весь годъ, въ каждую недѣлю и въ великіе праздники, бываетъ все-нощное бдѣніе ; продолжается въ праздники двѣнадцать часовъ, въ воскресные дни десять, празднуемымъ святымъ девять часовъ. Во время бдѣнія, каждый часъ, одинъ изъ братіи ходитъ по церквѣ со свѣщею, и осматриваетъ братію: кто дремлетъ, того возбуждаетъ. Котораго трижды разбудить, того выводитъ изъ формы, и ставитъ посреди церкви.

Во всякомъ монастырѣ есть церковный икономъ, который наблюдаетъ все церковное благочиніе, и распоряжаетъ кому гдѣ стоять.

Всѣ сіи воины Царя небеснаго, возлюбившіе Господа своего отъ всего сердца своего, и отъ всея души своея, и отъ всего помышленія своего, сіи

рабы Бога Вышняго, не словомъ , но дѣломъ исполняютъ слова Спасителя своего : *аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и мать, и жену, и чадъ, и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14, 26.). На нихъ сбудетъ обѣтованіе Господне : *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, и мене Моего ради, сторицею приметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Матѹ. 19, 29.). Сіи духовные воины съ дерзновеніемъ могутъ глаголатъ : *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебе идехомъ : что убо будетъ намъ* (ст. 27.)? И Господь отвѣтитъ имъ на послѣднемъ судѣ : *приидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѹ. 25, 34.).

И въ семъ еще вѣкѣ не оставляетъ Господь рабовъ Своихъ, вѣрою и любовію Ему служащихъ, но посылаетъ имъ разныя утѣшенія, и награждаетъ ихъ разными дарами Духа Святаго. Иные, переплывъ страстное и многоволнистое грѣховное море, достигли въ тишину безстрастія : многихъ я видѣлъ въ Русскомъ монастырѣ, которые, жизнь свою препроводивши въ общежитіи, въ совершенномъ послушаніи и въ отсѣченіи своей воли, овые двадцать лѣтъ, овые тридцать, а другіе сорокъ, пятьдесятъ и шестьдесятъ лѣтъ, достигли совершеннаго безстрастія, стали на высочайшей степени любви и беззлобія, и сдѣлались яко безстрастные Ангели. Другіе достигли глубины кротости и смиренномудрія. Овые, достигши безстрастія, получили даръ слезный, и не могутъ никогда воздержаться отъ слезъ, ово о своихъ согрѣшеніяхъ, ово о своей братіи, ово о всемъ мірѣ, что-

бы всему міру простилъ Господь грѣхи. Овые получили даръ радостныхъ слезъ, и всегда плачутъ отъ радости, что много любятъ Господа своего, и чувствуютъ великія Его милости и благодѣянiя къ роду человѣческому, и что сподобилъ ихъ отлучиться отъ суетнаго и многомятежнаго міра сего, и прійти въ тихое и небурное пристанище монашеской жизни. Овые получили даръ пророчества, откровенiя и видѣнiя, а другіе—даръ восхищенiя ума къ Богу; и сіи дары открываютъ только своимъ пастырямъ, духовнымъ отцамъ, которые могутъ отличить истину отъ обольщенiя, и яко искусные вожди все прикрываютъ однимъ смиренномудріемъ, и приписываютъ все великому Господню человѣколюбію и молитвамъ братiи; а наипаче заповѣдуютъ блюстись обольщенiй врага нашего древняго, діавола: ибо онъ преобразуется въ ангела свѣтла. Каждому отцы духовные даютъ наставленіе — безпрестанно помнить и призывать имя Господа Іисуса Христа, просить Его великаго милосердія, плакать о своихъ согрѣшенiяхъ, и не скрывать никакихъ помысловъ, ни даровъ.

Сіи духовные воины, во плоти сущи, побѣждаютъ безплотнаго врага діавола, всѣ его козни разрушаютъ послушаніемъ и смиреніемъ, и всѣ его прелести обличаютъ, и до конца упраздняютъ духовныхъ отецъ разсужденіемъ.

Препровождая такую жизнь и благодушно переплывая сіе житейское море, они достигаютъ тихаго и небурнаго пристанища, и переходятъ въ небесное и вѣчное отечество, идѣже нѣсть ни болѣзнь ни печаль ни воздыханіе, но жизнь безконечная. Когда

кто изъ нихъ заболитъ, то отходить на больницу, а ежели не можетъ самъ идти, то отводятъ, и пекутся о его здравіи: никакая мать не можетъ ходить за своими больными дѣтьми такъ, какъ духовные братія пекутся о больныхъ. И отецъ Игуменъ дважды днемъ самъ посѣщаетъ больныхъ; и для нихъ читаютъ особенное правило, и почти ежедневно причащаютъ. Удивительно, что вообще больные во Св. Горѣ много не лежатъ, но или скоро выздоравливаютъ, или скоро отходятъ на вѣчную жизнь, и умираютъ яко засыпаютъ.

Се описалъ я вкратцѣ общежитіе; а ежели бы описать его подробно, то великую книгу надобно написать.

† 155. Теперь напишу, хотя немного, о *Лаврахъ*. Лавры по-гречески называются *Диорты*: въ нихъ живутъ больше по своей волѣ, какъ хотятъ, только подъ духовниками. Пищу получаютъ изъ общаго, хлѣбъ печеный, масло, вино и крупы; а готовятъ каждый для себя. Трапезы общей не бываетъ; бываетъ только для странныхъ. Деньги и вещи всякъ у себя имѣетъ, и что кому надобно,—покупаетъ. Въ церкви правило правятъ по уставу аѳонскому, продолжительно. Всенощныя бдѣнія бываютъ только по великимъ праздникамъ, тоже продолжаются двѣнадцать часовъ. Послушаніе братія проходятъ по обычаю; богатые на послушаніе въ монастырѣ не ходятъ, но исправляютъ другія послушанія, — посылаются въ разныя мѣста по монастырской надобности. Бѣдныя много работаютъ и много терпятъ скорбей. Управляются монастыри соборными заслуженными старцами. А хотя

и избираются игумены, но только ради церкви. И въ сихъ монастыряхъ много есть рабовъ Божіихъ, которые проходятъ совершенную монашескую жизнь. И тамъ много такихъ, которые знаютъ только что церковь, да свою келлію: положили въ монастырь довольную сумму денегъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ ни въ чемъ не беспокоить, и живутъ, яко въ пустынѣ, только по своей волѣ.

156. Всѣ монастыри, общіе и не общіе, содержаніе имѣютъ больше отъ милостыни и отъ поклонниковъ приходящихъ въ св. Гору съ разныхъ странъ вселенныя.

Дороги отъ монастыря до монастыря—между горъ и лѣсовъ, узкія, нарочито устроенныя и камнемъ выстланныя, но только для верховой ѣзды. Коней въ монастыряхъ не держатъ, а во всякомъ монастырѣ много имѣется муловъ: на коняхъ по горамъ ѣздить неудобно. Есть и волы для оранія земли; есть и коты для мышей. Женскаго же полу всякихъ животныхъ держать совершенно запрещено. И женамъ входъ въ Аѳонскую Гору строго воспрещенъ. Дикіе звѣри и птицы всякаго рода водятся, мужескаго и женскаго пола. Вредительныхъ звѣрей не имѣется. Въ морѣ рыбы довольно, да поймать ее трудно. Черепоконныхъ животныхъ разныхъ родовъ довольно. Лѣсу много: растутъ деревья разныя, а больше каштановыя съ плодами, лавровыя, кедры, сосна, пихта, ель, букъ, грабъ, платанъ, певга, кипарисъ, дубъ, арій, камарня, рыхъ, тисъ, бобковое, ясень и разныя, кромѣ березы, которой нѣтъ. Грибовъ бываетъ довольно. Водой вся св. Гора Аѳонская изобилуетъ:

каждая келлія, каждая колиба имѣетъ свой источникъ, а другая — два и три.

Итакъ, сколько могъ, и что видѣлъ своими очами, то описалъ, но описалъ больше внѣшность и тѣмъ-ное богатство и красоту мѣстоположенія святыя и пресловутыя Горы Аѳонскія.

О ПОДВИЖНИКАХЪ

СВЯТЫЯ ГОРЫ АѦОНСКІЯ.

157. Теперь хочу описатьъ богатство св. Горы АѦонскія—нетлѣнное, хранимое въ ея горахъ и дебряхъ, въ лѣсахъ и долинахъ, сирѣчь—рабовъ Божіихъ, подвижниковъ аѦонскихъ.

Много АѦонская Гора препослала къ Царю Небесному Преподобныхъ отецъ, священномучениковъ и мучениковъ, пострадавшихъ въ древнія времена отъ безбожныхъ арабовъ, сарацынъ и турокъ, которые многожды ее опустошали, братій мечемъ посѣкали, имѣнія разграбляли, а монастыри разоряли и огню предавали. Оттого сдѣлалась для насъ аѦонская древность закрыта. Только извѣстно то, что были строены монастыри Царемъ Великимъ Константиномъ и Великимъ Феодосіемъ и Царицею Пульхеріею. Но кто въ нихъ жилъ и на какихъ уставахъ, — то неизвѣстно; потому что всѣ граматы истреблены арабами. И еще множество иноковъ въ ней пострадали отъ иконоборцевъ. По истребленіи иконоборной ереси, начала АѦонская Гора процвѣтать, и отъ того времени бывшее до-нынѣ болѣе извѣстно. Въ настоя-

щемъ видѣ она процвѣтала отъ девятаго до четырнадцатаго вѣка. Тогда было въ ней братіи до семидесяти тысячъ монаховъ, и сто-тридцать великихъ монастырей. Но въ четырнадцатомъ вѣкѣ пришли отъ запада злые волки, и распудили Христово стадо. Пришли отъ Папы Римскаго, и разорили св. Аѳонскую Гору, и обагрили ее монашескою кровію. Принуждали къ своему латинскому мудрованію: но аѳонскіе отцы отвергли ихъ еретическое мудрованіе, и проліяли кровь свою за Св. Соборную Апостольскую Христову Восточную Церковь. Латинцы устремились на нихъ со всѣми орудіями смерти: иверскихъ отцевъ въ морѣ утопили; ватопедскихъ на деревьяхъ повѣсили и разстрѣляли; зографскихъ огнемъ сожгли. Прота же самого, карейскихъ и прочихъ монастырей отцевъ мечемъ посѣкли. И такъ совершенно опустошили св. жребій Царицы Небесной. Но Царь греческій Андроникъ Палеологъ паки Аѳонскую Гору обновилъ, и монастыри поправилъ, но не всѣ, а только двадцать, которые и до-нынѣ существуютъ.

О древнихъ отцахъ много написано въ книгахъ, называемыхъ «патерики», т. е. отечники. Когда жившій въ скитѣ Магулъ ученикъ Григорія Синаита молился Божіей Матери, прося явить ему, много ли есть спасаемыхъ въ св. Горѣ Аѳонской; тогда былъ ему въ нощи гласъ, да изыдетъ изъ келліи, и да воззрѣтъ на высокій холмъ. Онъ вышелъ, и увидѣлъ надъ холмомъ стоящую Царицу небесную, неизреченнымъ свѣтомъ сіяющую, вокругъ же Ея многое множество столповъ огненныхъ. И паки былъ ему гласъ: «еже видишь безчисленное множество огненныхъ столповъ, — это аѳонскіе отцы; и аще хоцещи

ІЕРОСХИМОНАХЪ АРСЕНІЙ

Аѳонской горы духовникъ и пустынникъ. сконч. 1846 г. Март. 24 д.

исчислити звѣзды небесныя, то исчислишь и аѳонскихъ святыхъ преставльшихся; а послѣдѣ еще больше будетъ.»

Я хочу теперь писать о послѣднихъ, которые не задолго прежде меня или въ малое время моего пребыванія во святой Горѣ Аѳонской процвѣтали; и таковыхъ знаю только немногихъ.

158. Но откуда начну повѣдати, или о комъ напишу въ началѣ? Написать о первомъ томъ, мнится, надобно, съ кѣмъ я больше обращенія имѣлъ, и котораго труды и подвиги своими очами видѣлъ, и душеполезныя бесѣды своими ушесы слышалъ, — о своемъ старцѣ и духовникѣ *Арсеніи*. Произрастила его великая Россія, при великой и славной рѣкѣ Волгѣ; былъ онъ уроженецъ Нижегородской губерніи, города Балахны, изъ мѣщанъ. Родившись отъ правовѣрныхъ родителей, просвѣщенъ св. крещеніемъ, и нареченъ былъ *Алексій*. Въ отрочествѣ обученъ былъ чтенію и письму. Юность проводилъ въ житейскихъ и мірскихъ попеченіяхъ. Но Господь, провидя въ немъ хотящую быти благодать и жилище Святаго Духа, не далъ ему погрязнуть въ мірскихъ страстяхъ; скоро вложилъ ему въ разумъ заняться чтеніемъ Божественнаго и отческаго писанія, въ которомъ онъ скоро могъ разсмотрѣть и узнать суету и прелесть міра сего и бесполезное души его попеченіе. На двадцатомъ году отъ роду Алексій оставилъ домъ свой и родителей, и пошелъ странствовать, Бога ради, по россійскимъ монастырямъ. Пришедши въ Московскую губернію, въ общежительную пустынь Пѣсношскую, положилъ тамъ начало монашеской жизни, опредѣлился въ число братства, и проходилъ по-

слушаніе три года. Потомъ возымѣлъ желаніе идти за границу, въ молдавскіе монастыри, которые тогда славились великими старцами и подвижниками. Когда онъ открылъ свое желаніе духовному своему отцу, то духовникъ его благословилъ. Хотя отецъ игуменъ и много отговаривалъ, однако онъ отправился въ путь. Пришедши въ Кіевъ и поклонившись св. мощамъ Кіевскихъ Чудотворцевъ, нашелъ тамъ себѣ спутника, именемъ Никиту, Тульской губерніи, который до самой смерти, болѣе сорока лѣтъ, во всѣхъ скорбяхъ, трудахъ и подвигахъ былъ ему соучастникъ. Взявши благословеніе отъ Кіевскихъ Чудотворцевъ и помолвившись имъ, отправились далѣе въ путь.

Пришедши въ Молдавію и обошедши всѣ молдавскіе монастыри и скиты, нашли себѣ духовнаго отца и пастыря въ Балашевскомъ скиту, отъ города Буташанъ четыре часа ходу, и препоручили ему свои души купно съ тѣлесами. Черезъ нѣсколько времени, духовный отецъ постригъ ихъ обоихъ въ монашество, и нарекъ Алексію имя *Авель*, а спутнику и сотруднику его — *Никандръ*. Черезъ нѣсколько времени, наставникъ и пастырь ихъ, видя ихъ великіе подвиги и смиреніе, понудилъ отца Авеля принять хиротонію, яко достойнаго и въ писаніи искуснаго. Но ему сіе весьма тяжело показалось, и просилъ онъ своего пастыря со многими слезами, да не налагаетъ на него тяжкаго бремени выше силы его, но да оставитъ его только въ монашескомъ чинѣ работать Господу. Но старецъ ему сказалъ, что совершенному послушнику неподобаеъ имѣть своего разсужденія, а должно творить повелѣнное, и не учить своего старца, а быть послушнѣе даже до смерти. Авель поклонился ему

до земли, и сказалъ: «прости мя, отче святыи! согрѣшилъ предъ тобою; твори, якоже тебѣ угодно.» И скоро хиротонисанъ былъ во іеродіакона, потомъ во іеромонаха, и по согласію всей скитской братіи духовникомъ сдѣланъ. Но еще и іеромонахомъ сдѣлался, обаче своего послушанія и смиренія не измѣнилъ: повиновался своему старцу, еще и просту сущу; и никогда ничего не начиналъ безъ его благословенія. И повиновались они оба съ отцемъ Никандромъ своему пастырю и наставнику, въ совершенномъ послушанія и отсѣченіи своей воли, осьмнадцать лѣтъ. Препроводивъ своего вождя и пастыря на вѣчное блаженство, яко ходатая за себя ко Господу Богу своему, сами остались сиротами; обаче по своей волѣ жить не восхотѣли, а положили — жить по-братски: одному у другаго быть въ послушанія, и не разлучаться до самой смерти. Такъ и исполнили на самомъ дѣлѣ. Хотя отецъ Никандръ и желалъ отца Авеля имѣть себѣ за пастыря, потому что онъ былъ іеромонахъ и духовникъ: но отецъ Авель никакъ не согласился быть за старца, но положилъ — жить одному у другаго въ послушанія, по-братски.

Жили они такъ немногое время, и было обоимъ откровеніе отъ Бога, повелѣвающее имъ идти въ св. Аѳонскую Гору, и тамъ препровождать остальную жизнь. Они объявили одинъ другому откровеніе, и начали собираться въ путь. Услышавши о томъ скитскіе и прочихъ монастырей отцы, начали ихъ разговаривать, и говорили имъ, что въ сіе смутное время никакъ невозможно идти не токмо въ св. Гору, но и въ Турцію; что которые и жили тамъ, тѣ всѣ вышли; что полна гора турокъ и разбойниковъ, и монастыри

всѣ заняты турками, и стоятъ заперты, а на келліяхъ разбойники, и что по всей Турціи христіанамъ почти и проходу нѣтъ, повсюду христіанская кровь проливается ключами. Отецъ же Авель имъ отвѣтилъ: «отцы святіи, воистинну такъ, какъ вы говорите; это и намъ извѣстно; но какъ Богу угодно, тако да будетъ.» И воистинну правду говорили имъ отцы: ибо недавно въ Турціи въ Константинополь убили Патріарха Григорія, и великое было тамъ смущеніе. Но отецъ Авель чувствовалъ, что есть ему званіе Божіе и есть Его святая воля идти ему въ Аѳонъ, и онъ не послушалъ совѣтовъ человѣческихъ, а несумнительно вѣровалъ, что Господь не оставитъ ихъ выше силы искустися. Колебался отецъ Никандръ, яко человѣкъ: но старецъ его утверждалъ, внушая, что лучше послушать Бога, нежели человѣковъ. И положили отправиться въ путь; что имѣли, роздали братіи, а себѣ на путь оставили денегъ и книги.

Поѣхали въ Галацъ, и тамъ сѣли на корабль, и отправились въ Константинополь. Пріѣхавши въ Константинополь, увидѣли тамъ одно горе и слезы; кровь греческая льется по улицамъ ключами и источниками. И имъ греки говорили: «Зачѣмъ вы, отцы, теперь къ намъ пріѣхали? Захотѣли дѣлать съ нами горькія минуты? У васъ въ Молдавіи не рѣжутъ такъ барановъ, какъ теперь здѣсь насъ рѣжутъ, ежедневно по сту и по двѣсти;—это на площади, при всѣхъ; а по улицамъ—неизвѣстно сколько. Отправляйтесь обратно въ Молдавію, а во св. Аѳонскую Гору вамъ идти невозможно, хотя бы и хотѣли: по морю корабли не ходятъ, а по-суху—всюду разбойники, и Аѳонская Гора полна разбойниковъ; въ монастыряхъ съ мона-

хами живутъ турки.» Но наши отцы вѣровали и твердо надѣялись, что будутъ они во святой Горѣ. Въ то время въ Константинополѣ хлѣбъ былъ весьма дорогъ; а они деньги, то за проѣздъ на кораблѣ отдали, то истратили на пищу, и уже ничего не осталось, а книгъ никто не покупалъ. И они ходили по рядамъ, просили милостыню; и сами питались, да еще бѣдныхъ грековъ питали; и такъ перезимовали въ Константинополѣ. Чтò они тамъ скорбей претерпѣли, про то только знаетъ Тотъ, Кто ихъ послалъ. Дождавшись весны, отцы положили свои книги у одного грека, а сами пошли по-суху въ св. Аѳонскую Гору.

Чтò въ пути томъ они претерпѣли скорбей и напастей и побоевъ, — только одинъ Богъ былъ свидѣтель, Который видѣлъ ихъ страданія, и яко злато въ горнилѣ искушалъ ихъ, да сотворить свѣтлѣйши. Почти каждый часъ нападали на нихъ разбойники. Но взять у нихъ было нечего: денегъ не было, а одежда многошвенная. Иные только побьютъ; другіе послѣдніе сухари возьмутъ; иные потиранятъ, да такъ и пустятъ. И въ такомъ пути препроводили болѣе мѣсяца, и дошли до св. Горы Аѳонской.

И чтò же увидѣли? — Жилища монашескія опустѣли; сады одичали и лѣсомъ заросли; монастыри стоятъ запертые, а ополченіе Царицы небесной разбѣжалось по разнымъ странамъ: иные скрылись по непроходимымъ лѣсамъ, горамъ и вертепамъ, иные заперлись внутри монастырей; и мало гдѣ кого видно было. Отцы наши пошли къ самой Назирательницѣ Горы Аѳонской, въ Иверскій монастырь, къ чудотворной иконѣ Царицы небесной, Иверской, — ко Вратницѣ Аѳонской. И когда пришли ко вратамъ мо-

настыря,—отцы иверскіе приняли ихъ во-внутрь монастыря, и привели ихъ въ церковь поклониться Царицѣ небесной. Пришедши туда и увидѣвши Ее, они весьма возрадовались; пали ницъ предъ Нею и многія слезы проліяли, и просили Ее принять ихъ въ Свой святой жребій.

Еще тому много радовались, вкупѣ и удивлялись, что въ такое смутное время, когда ополченіе Ея все разбѣжалось,—Она, Царица и Владычица, стоитъ на своемъ мѣстѣ весела и радостна, во всемъ своемъ полномъ убранствѣ, украшенная златомъ и серебромъ и драгоцѣннымъ каменіемъ. Турокъ полонъ монастырь, а не могутъ Ее похитить. Отцы наши спросили грековъ: «почему они ее не убрали и не спрятали? или почему не сняли съ нея украшенія? и почему турки съ нея богатство не похитятъ?» Отцы иверскіе, греки, имъ отвѣтили: «А куда намъ ее убрать и зачѣмъ? Она наша покровительница и защитница и св. Горы Аѳонскія Назирательница: хотя и наказала насъ за грѣхи наши, но лица своего не отвратила отъ насъ, и не до конца разгнѣвалась на насъ, но еще съ нами пребываетъ; и какъ Она на насъ весело смотритъ, то еще имѣемъ надежду, что пройдутъ эти скорби. Теперь у насъ только радости и утѣшенія, что Она, Царица небесная, съ нами пребываетъ. А когда находятъ на насъ несносныя скорби отъ турокъ и отъ недостатковъ; то мы къ ней прибѣгаемъ,—и обрѣтаемъ въ скорбяхъ своихъ утѣшеніе. Вы говорите: почто турки не похитятъ съ нея богатство? — Не только они не могутъ снять съ нея богатство, но и въ малый сей храмъ не могутъ взойти. Вотъ уже третій годъ въ монастырь живутъ,

а еще нога ихъ не бывала во храмъ семъ. Когда разозлятся на насъ, начнутъ требовать отъ насъ злата и сребра и церковной утвари, то мы отзываемся, что не имѣемъ (а хотя и есть, но прибрано: того мы имъ не объявимъ, хотя и пострадаемъ); покажемъ имъ сію св. икону, и скажемъ: «вотъ, на иконѣ много злата и сребра и драгихъ каменій; ежели вамъ угодно, то возьмите себѣ.» Они же, стоя въ дверяхъ, говорятъ: «мы не можемъ къ ней подступить: вонъ Она на насъ какъ сердито смотритъ!» и отходятъ съ посрамленіемъ. А мы благодаримъ Царицу небесную, что сама Себя защищаетъ, и насъ грѣшныхъ спасаетъ и покрываетъ. И за то еще благодаримъ Владычицу нашу Богородицу, что послала турокъ смирить насъ грѣшныхъ: ежели бы ихъ не было, то бы насъ разбойники совсѣмъ разорили и запустошили.

Еще скажемъ вамъ одну вещь: назадъ тому съ годъ, великое было смущеніе и тревога въ св. Горѣ, такъ что и остальные отцы, аѳонскіе жители, хотѣли бѣжать вонъ. Прежде этого смущенія считалось во св. Горѣ всей братіи до сорока тысячъ, а нынѣ осталось не болѣе одной тысячи; и тѣ хотѣли оставить и бѣжать кто куда знаетъ; и полагали, что совершенно Божія Матерь оставила св. Гору, и оттого запустѣетъ св. Аѳонская Гора. Но когда начали такъ помышлять, тогда скорая Помощница, Царица небесная, Владычица наша Богородица, явилась многимъ отцамъ и пустынножителямъ, и сказала: «Почто очень испугались, и почто входятъ помышленія въ сердца ваша? Все это пройдетъ и кончится; и паки наполнится св. Гора монашествующими. Вотъ даю

вамъ извѣщеніе , что когда Моя икона будетъ находится во св. Горѣ, въ Иверскомъ монастырѣ , то ничего не бойтесь , а живите въ своихъ келліяхъ. А когда изыду изъ Иверскаго монастыря , тогда каждый да беретъ свою торбу , и грядетъ кто куда знаетъ.» И теперь всѣ пустынножители каждую неделю приходятъ къ намъ въ монастырь, и смотрятъ, на своемъ ли мѣстѣ стоитъ Божія Матерь, и увидѣвши, паки возвращаются въ свои пустынные келліи.»

Отцы наши, слышавши сіе , весьма возрадовались: первое — о покровительствѣ Царицы небесной , второе — о томъ, что много еще есть пустынножителей.

Потомъ Иверскіе отцы привели ихъ въ гостиницу, и покоили ихъ цѣлую седмицу. Потомъ сказали: « Отцы святіи, мы васъ на первой случай покоили, а больше уже насъ не отягощайте; потому что намъ теперь и самимъ взять негдѣ : у насъ сорокъ чело-вѣкъ турокъ, а кормить ихъ не чѣмъ; всюду разбойники, а съ метоховъ доходовъ никакихъ нѣтъ. А вы возьмите въ нашемъ скиту одну келлію , съ малою церковію: тамъ станете огородъ обрабатывать и рукодѣліемъ заниматься , и такъ пропитаетесь какъ-нибудь. А какая въ чемъ будетъ нужда , мы поможемъ; а ночевать ходите въ монастырь.» Отцы наши поблагодарили Иверскихъ отцевъ за ихъ страннолюбіе, взяли въ скиту одну келлію, и начали тамъ проживать: огородъ воздѣлывали и ложечки работали; но рукодѣліе ихъ тогда никто не покупалъ. И такъ прожили все смутное время болѣе четырехъ лѣтъ. Чѣмъ они питались, — одному Богу извѣстно ; а сами никому не сказывали ; а хлѣба въ то время достать было очень трудно. Многожды своего старца я спра-

шивалъ : « отче святой , чѣмъ вы питались въ то смутное время ? » Онъ же мнѣ отвѣчалъ : « А что Господь сказалъ во Евангеліи ? — *Ищите прежде царствія Божія и правды его , и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6 , 33.). И паки : *воззрите на птицы небесныя , яко не сѣютъ , ни жнутъ , ни собираютъ въ житницы , и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ* (Матѳ. 6 , 26.). Такъ и насъ Господь пропиталъ. » Такъ отцы наши пропитались ; и не одни они , но болѣе тысячи оставались во св. Горѣ , и всѣ пропитаны были Богомъ.

Въ тѣ годы собрали они себѣ великое богатство духовное : скорби и терпѣніемъ въ недостаткахъ тѣлесныхъ потребъ они процвѣли и созрѣли , и плоды принесли. За то наградиъ ихъ Владыка — Царь Небесный дарами Духа Святаго , и даровалъ имъ помощь одолѣть врага-діавола , древняго нашего супостата , побѣдить страсти душевныя , вкупѣ и тѣлесныя. И достигли они въ тихое пристанище душевнаго спокойствія и безмолвія , сирѣчь — соединенія ума съ Богомъ. Отцу Авелю далъ Господь даръ разсужденія , вкупѣ и прозорливства ; отцу же Никандру — даръ слезный : ибо плакалъ день и ночь до самой смерти.

Когда , послѣ смутнаго и скорбнаго времени , послалъ Господь Богъ на землю миръ , разрушились рати и войны , пропали всѣ разбойники , всюда настала тишина и спокойствіе : тогда и братія паки стала сходитьсѣ въ св. Гору Аѳонскую. Тогда и православные христіане потекли на поклоненіе въ св. Гору Аѳонскую. Тогда начало продаваться и рукодѣліе. Пришелъ одинъ купецъ , и купилъ все , у кого

что было. Отцы наши продали всё свои ложечки, и получили за нихъ двѣ тысячи левовъ, т. е. четыреста рублей. Отецъ Никандръ много былъ радостенъ, и говорилъ: теперь, слава Богу, поправимъ свои нужды. Отецъ Авель ему сказалъ: «да, теперь поправимъ.»

Потомъ, въ скоромъ времени пришелъ къ нимъ одинъ мірянинъ просить милостыню. Отецъ Авель спросилъ его: откуда, и какую имѣетъ нужду? Мірянинъ же отвѣтилъ со слезами: «Я, отче святой, съ острова Хіоса; жену и дѣтей моихъ взяли турки въ плѣнъ. Турчанинъ за нихъ проситъ пять тысячъ левовъ. И я собираю ихъ другой годъ. Набралъ, слава Богу, три тысячи; а двѣ тысячи еще надобно. Богъ дастъ, и это помаленьку соберу.» Выслушавши сіе, отецъ нашъ сказалъ ему: «взойди ко мнѣ въ келлію, и я что-нибудь помогу тебѣ.» Онъ взошелъ; отецъ же нашъ вынулъ всё деньги, что имѣлъ, и даетъ ему: возьми, сказалъ, иди, и выкупи жену свою съ дѣтьми. Мірянинъ же ему отвѣтилъ: «Отче святой, что вы надо мной глумитесь? Мнѣ и безъ того скорбно; а дайте мнѣ одно лево, я и пойду.» Отецъ же паки ему сказалъ: «Нѣтъ, чадо, я не глумлюсь; я духовникъ: какъ могу глумиться? А ты возьми, да иди съ Богомъ.» Мірянинъ заплакалъ; отецъ же вложилъ ему деньги за пазуху, да и проводилъ его за двери: мірянинъ съ радостію пошелъ въ путь свой. Отецъ же Никандръ, видя сіе, горькими слезами заплакалъ, и сказалъ: «Отче, что ты это сдѣлалъ? Почто ты всё деньги отдалъ? Четыре года мы трудились, и думали нужды поправить, а теперь паки скорбѣть будемъ.» Отецъ же нашъ ска-

залъ ему: « Охъ, отецъ Никандръ! Когда мы будемъ совершенными монахами? Уже Господь насъ провелъ сквозъ всѣхъ скорбей: а ты еще немоществуешь. Въ самое тѣсное время насъ Господь пропиталъ: теперь ли не можетъ пропитать? Теперь, слава Богу, рукодѣліе продается: паки будемъ работать, да продавать, а лишнія деньги въ кладъ Богу отдавать: а что чужія беречь? Еще и умъ отъ Бога отвлекаютъ. Станемъ на молитву: а умъ — къ нимъ. И Господь сказалъ: *идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. 6, 21.). Пусть онѣ будутъ лежать у Бога; а мы будемъ и сердце тамъ держать.» Тогда отецъ Никандръ умилился, и палъ ему въ ноги, плакалъ и просилъ прощенія. Отъ того часа отецъ Никандръ ни во что не входилъ, а только до самой смерти плакалъ.

Вскорѣ оба постриглись въ великую схиму. Отецъ Авель, духовникъ, нареченъ былъ *Арсеній*, и принялъ схиму отъ одного схимонаха Арсенія. Отецъ же Никандръ нареченъ *Николай*; принялъ схиму отъ отца Арсенія, духовника. И стали уже жить какъ старецъ съ ученикомъ; и прожили въ скиту Іоанна Предтечи, называемомъ Иверскимъ, десять лѣтъ.

Когда умножилось въ скиту число братіи, — началась молва, а по причинѣ огорода и сада требовалось житейское попеченіе. Обоимъ отцамъ сіе тяжело было. И согласились они оба удалиться во внутреннюю пустыню, на совершенное безмолвіе, чтобы никакихъ тѣлесныхъ и житейскихъ попеченій не имѣть, а жить однимъ съ единымъ Богомъ: ибо пустыннолюбный и безмолвный не можетъ терпѣть молвы и суеты. И оставили скить и келлію, а взяли келлію

уединенную, отъ скита одинъ часъ, и отъ Иверскаго монастыря одинъ часъ, на холмѣ, въ самой почти непроходимой пустынѣ, во имя Свят. Іоанна Златоустаго. Прежде это была великая келлія, но во время смущенія до основанія почти разорена. Они ее устроили своими почти руками, только въ маломъ видѣ, и церковь освятили, и двѣ келліи придѣлали. Тамъ и мои власы остались: пбо и азъ окаянный въ ней постригался. И положили они начало жизни своей по пустынному уставу: ни какимъ попеченіемъ житейскимъ не занимались, ни садомъ, ни огородомъ; хотя и были масличныя древа, но они за ними не смотрѣли. Когда поспѣвали плоды, то отцы приглашали, кого знали бѣднаго, и ему поручали набрать плодовъ. Я самовидецъ строгой ихъ жизни, и многожды мнѣ случалось у нихъ ночевать. Много я присматривался къ ихъ жизни, и самъ желалъ съ ними пожить и поучиться отъ нихъ монашеству. Но они съ собой жить никого не принимали, и говорили: «Съ нами жить никто не можетъ. Мы едва въ тридцать лѣтъ достигли въ эту мѣру жизни, и теперь еще искушаемся, и изнемогаемъ: хотя духъ и бодръ, но плоть немощна, аще не бы благодать Божія подкрѣпляла насъ.» Съ того времени, какъ они пришли во св. Гору, отецъ Николай прожилъ девятнадцать лѣтъ, а отецъ Арсеній двадцать четыре года, и не вкусили они ни рыбы, ни сыру, ни вина, ни масла. Пища ихъ была сухари, моченые въ водѣ, и тѣ носили изъ Иверскаго монастыря на своихъ плечахъ на гору. Еще любили черныя баклажаны квашеные, посыпанные краснымъ перцомъ, или въ обмочку. Еще много солили стручковаго краснаго перцу. Вотъ повседневная

была ихъ трапеза: сухари, перецъ и буклажаны; случался и лукъ, ежели кто принесетъ. Соленыхъ маслинъ и смоквинъ предлагали только гостямъ; таковой ихъ трапезѣ и мнѣ многожды случалось быть соучастникомъ. И всегда кушали единожды въ день, въ третьемъ часу по-полудни; въ среду же и пятокъ оставались безъ трапезы. Уставъ въ жизни ихъ былъ таковъ: послѣ трапезы до вечерни занимались по келліямъ чтеніемъ духовныхъ писаній. Потомъ вечерню правили по уставу; читали всегда со вниманіемъ и со слезами, не борзясь, тихо и кротко; потомъ повечеріе съ канономъ Богородицѣ, и на сонъ грядущимъ молитвы. Ночь всю препровождали въ бдѣніи и въ молитвѣ, и въ поклонахъ. Ежели сонъ ихъ преклонялъ, то сидя мало давали мѣсто сну, не болѣе часу во всю ночь, и притомъ непримѣтнымъ образомъ, а болѣе нудились; часто нощію прохаживались. Часовъ у нихъ не было; а всегда знали — который часъ: ибо подъ горою, въ Иверскомъ монастырѣ, бьютъ часы на колокольнѣ, и они всегда слышали. Въ самую полночь сходились въ церковь на соборную молитву, и тамъ читали полунощницу, а потомъ утреню по уставу; послѣ утрени читали всегда канонъ съ акаѳистомъ Пресвятѣй Богородицѣ. Послѣ утрени предавались безмолвію, пока разсвѣтаетъ. Потомъ занимались рукодѣліемъ: работали урокомъ, по десяти ложекъ на брата, работали въ разныхъ мѣстахъ. Разговоровъ между собой отнюдь никогда не имѣли, развѣ только о нужномъ и необходимомъ, а пребывали всегда въ молчаніи, въ храненіи сердца, и въ безпрестанной умной молитвѣ; а работали ложки самой простой работы. Потомъ читали часы и мо-

лебенъ Божіей Матери; а потомъ трапезовали. И такъ препровождали дни и ночи въ безпрестанной молитвѣ и рукодѣліи. Еще старецъ любилъ часто служить Литургію: когда были вино и просфоры, то почти каждый день была Литургія. Но великую нужду имѣли въ винѣ и просфорахъ. Служили Литургію больше только двое. Многожды мнѣ случалось взойти въ притворъ, и слушать ихъ громогласную Литургію и музыкальное ихъ пѣніе, слезами растворенное. Вижду двухъ старцевъ, постомъ удрученныхъ и изсушенныхъ: одинъ въ алтарѣ, предъ престоломъ Господнимъ стоитъ и плачетъ, и отъ слезъ не можетъ возгласовъ произносить, токмо едиными сердечными воздыханіи тихо произносить; а другой стоитъ на клиросѣ и рыдаетъ; и отъ плача и рыданія, еще же и отъ немощи тѣлесной, мало что можно слышать. Но хотя человѣческимъ ушесамъ и мало слышно, но на ихъ Литургіи самъ Господь призрѣвалъ, по обѣтованію: *на кого воззрю? токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ* (Исаіи 66, 2.). Здѣсь «трисвятую пѣснь» припѣвали, ни единого житейскаго попеченія не имуще, и воистинну ни чтоже земное помышляюще; здѣсь, посреда двоицы, самъ Господь пребывалъ, по обѣтованію: *идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посреда ихъ* (Матѣ. 18, 20.). Сія два старца толико возлюбили Господа своего, что ни на одну минуту съ Нимъ не хотѣли разлучиться, но всегда съ Нимъ бесѣдою соуслаждались, умомъ и сердцемъ и устнами. Только у нихъ было и разговоровъ, что о молитвѣ, или о любви къ Богу и къ ближнему. А ежели бы кто сталъ при нихъ говорить стропотное о своемъ

братъ, то они прекращали бесѣду. Они всякаго ближняго любили больше нежели себя, что явно показывали дѣла ихъ. Они всегда старались, чтобы каждый былъ спокоенъ. Кто бы къ нимъ ни пришелъ съ какою нуждою, они никого изъ келліи своей не выпускали скорбящаго. Кто тѣлесныя ради потребности скорбѣлъ, того они награждали, хотя бы и сверхъ силы ихъ: послѣднія свои книги отдавали въ залогъ, и уже послѣ, какъ имъ Богъ поможетъ, выкупали. Кто душевную скорбь имѣлъ, того утѣшали благими своими бесѣдами. Бѣдные имѣли въ нихъ помощниковъ, скорбящіе — утѣшителей, страстные и немоществующіе грѣхами — скорое исправленіе и освобожденіе.

« Я о себѣ скажу: когда я пришелъ въ св. Аѳонскую Гору, то не имѣлъ у себя почти ни одной копѣйки. О. Арсеній благословилъ мнѣ учиться работать ложечки, а мнѣ не на что было купить инструментъ. Когда я ему открылся, — онъ сказалъ мнѣ: « о томъ не скорби »; и взялъ съ окна сумочку, высыпалъ деньги, пересчиталъ, и далъ мнѣ всѣ, сколько было, и сказалъ: « возьми: только всего имѣю тридцать левовъ. » Я заплакалъ, и сказалъ: « отче святыи! а себѣ что не оставили? » Онъ же мнѣ отвѣтилъ: « мы сыты будемъ; о насъ не имѣй печали: намъ Богъ пошлетъ. А сколько надобно денегъ на инструментъ? » Я сказалъ, что пятьдесятъ левовъ. Онъ пошелъ въ церковь, принесъ оттуда книгу, отдалъ мнѣ, и сказалъ: « иди, и заложь у Коречевыхъ, и возьми денегъ — сколько надобно; а я послѣ выкуплю. » О, какихъ слезъ мнѣ сіе стоило! Я всю дорогу проплакалъ, и до-нынѣ позабыть сего не могу: только вспомню, и отъ слезъ удержаться немогу.

У него первый вопросъ былъ всякому : « что , доволенъ ли? не имѣешь ли какой нужды? »

Еще скажу здѣсь объ одномъ случаѣ въ мою бытность на праздникъ Успенія Божія Матери.

Одинъ мой духовный братъ , именемъ Θεоклитъ, сколько имѣлъ у себя денегъ, сто пятьдесятъ левовъ, взялъ все на праздникъ—купить себѣ рясу и холста; пошелъ, и потерялъ всѣ; и сдѣлался весьма печаленъ и скорбенъ. Увидавши его, духовникъ отецъ Арсеній спросилъ: « почто тако скорбенъ? » Онъ сказалъ, что потерялъ всѣ деньги. Старецъ спросилъ его : « развѣ нужду великую имѣешь? » Потомъ вынулъ свою сумочку, и далъ ему, сказавъ : « вотъ только имѣю шестьдесятъ левовъ ; иди, и купи—что тебѣ нужно. » Отецъ Θεоклитъ взялъ, и пошелъ отъ него ; потомъ самъ въ себѣ размыслилъ : « я человекъ молодой, могу заработать; а они стары и немощны, и отдали мнѣ послѣднее : надѣются они на Бога, что сыты будутъ ; мене ли Господь оставитъ? пойду и отдамъ назадъ. » Пошелъ, и сталъ о. Арсенію отдавать назадъ деньги, а старецъ не беретъ. Онъ же упалъ ему въ ноги, и со многими слезами едва упросилъ, чтобы взялъ. Старецъ же, взявши, сказалъ : « не будешь ли скорбѣть? » Отецъ Θεоклитъ отвѣтилъ: « не буду, отче святей: теперь мнѣ радостно, что вы назадъ взяли. »

Довольно лѣтъ прожили они въ своей пустынѣ, и возымѣли желаніе сходить въ св. градъ Іерусалимъ поклониться живоносному Христову гробу; и не оставилъ Господь рабовъ Своихъ, исполнилъ желаніе ихъ. Въ 1836 году пріѣхалъ изъ Россіи въ св. Гору Аѳонскую іеромонахъ Аникита, князь Шихматовъ, великій постникъ; обшелъ всю св. Аѳонскую Гору, посѣтилъ

и сихъ двухъ постниковъ въ ихъ пустынь, занялся съ ними духовною бесѣдою, и весьма ихъ полюбилъ, и избралъ старца Арсенія себѣ за духовнаго отца. Потомъ предложилъ: не угодно ли имъ съ нимъ за-едино путешествовать въ Іерусалимъ? Они согласились. Князь много радостенъ былъ, что такихъ будетъ себѣ имѣть спутниковъ. И сходили во св. градъ Іерусалимъ, поклонились живоносному Христову гробу и прочимъ св. мѣстамъ; и проживши въ Іерусалимѣ всю зиму, и проводивши св. Пасху, возвратились въ св. Аѳонскую Гору, и паки водворились въ своей пустынной келліи. Но только я самъ слышалъ изъ устъ самого духовника, что когда ходили въ Іерусалимъ, — столько претерпѣли скорбей, что только единому Богу извѣстно; во всю жизнь того не видали. Я спрашивалъ: «какія, отче, скорби, и отъ чего онѣ вамъ приключились? развѣ отъ недостатка тѣлесныхъ потребъ?» Онъ мнѣ отвѣтилъ: «нѣтъ; мы были всѣмъ довольны отъ Бога и отъ людей, лучше быть нельзя: въ Іерусалимѣ поклонники задарили насъ червонцами; но мы ихъ, милостію Божіею, всѣ бѣднымъ арабамъ раздавали. Но скорби были другія. Столько лѣтъ сидѣвши въ пустынь, мы уже почти міръ и позабыли; а туда пришли въ самую суету. Болѣе скорби терпѣли мы за постъ: всѣ утѣшаются, всѣ насъ просятъ, всѣ почитаютъ; но мы, не могши вмѣстить сего, только скорбѣли, и не знали — какъ доѣхать до св. Горы.» По пріѣздѣ въ св. Гору, отецъ Николай упросилъ духовника, чтобы приходящихъ на посѣщеніе въ келлію къ нему никого не допускалъ, чтобы его не беспокоили.

За годъ до смерти отца Николая, было имъ обоимъ

во снѣ откровеніе. Отцу Николаю былъ гласъ, что онъ уже переплываетъ великое и многоволнистое море, и достигаетъ въ тихое пристанище. И отцу Арсенію былъ гласъ, что и онъ приближается къ великому и прекрасному граду, и скончаваешь свой путь. Оба старца повѣдали другъ другу видѣніе и узнали, что оно отъ Бога, и уразумѣли, что приближается ихъ кончина. Тогда приложили постъ къ посту и къ слезамъ слезы, и начали готовиться къ отшествію своему.

За полгода до смерти, отецъ Николай лишился зрѣнія тѣлесными очесами, но душевными совершенно зрѣлъ. Ибо открылъ ему Богъ угодниковъ Своихъ въ св. Горѣ Аѳонской, въ живыхъ еще пребывающихъ, о чемъ сказывалъ отцу Арсенію, бояся, да не упадетъ въ какую бѣсовскую прелесть. Отецъ же Арсеній весьма его предостерегалъ, и не велѣлъ ему довѣрять видѣніямъ, а только плакать предъ Богомъ, и просить въ грѣхахъ своихъ прощенія. Отца Николая посѣтили другія тѣлесныя болѣзни: не могъ уже и въ церковь ходить, но болѣе на одрѣ сидѣлъ; и то нудился, отнюдь не хотѣлъ лежать на ребрахъ. Но когда въ субботу или въ недѣлю захочетъ духовникъ отслужить Литургію, — прійдетъ въ келлію къ отцу Николаю, и скажетъ: «отецъ Николай, Литургію бы надобно отслужить.» Онъ же веселымъ гласомъ ему отвѣтитъ: «служи, отче.» Духовникъ скажетъ: «какъ я буду служить? ты боленъ, а одному невозможно.» Отецъ Николай отвѣтитъ: «и я прійду, и помогу тебѣ.» И встанетъ съ одра своего, и поидетъ: и правило прочитаютъ, и Литургію отслужатъ. Отецъ Николай причастится Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой,

и возьметъ просфору, и ею почти недѣлю питается; а другой пищи никакой не употреблялъ. И тако жили полгода. Каждую недѣлю была Литургія, а иногда и двѣ; а пѣвецъ и чтець былъ больной и слѣпой; однако, за нимъ не было остановки, а всегда къ своему послушанію былъ готовъ.

Въ субботу мясопустную такожде служили Литургію, и отецъ Николай былъ причастникомъ Святыхъ Таинъ. По Литургіи пошелъ въ свою келлію, а духовникъ, убравшись, въ свою. По маломъ времени, отецъ Николай приходитъ къ духовнику въ келлію, палъ ему въ ноги, и началъ ему говорить: «прости меня, отче святой, что я не во-время къ тебѣ возшелъ: ибо имѣю нужное тебѣ сказать.» Духовникъ сказалъ: «Богъ тебя проститъ; говори, что имѣешь.» Тогда отецъ Николай, исполненный слезъ, началъ повѣдать: «Отче святой, когда послѣ Литургіи я пришелъ въ келлію и сѣлъ на одрѣ моемъ,—абіе отверзлись очи мои, и началъ видѣть добрѣ, и абіе отворилась дверь келліи моей, и исполнилась вся келлія свѣта. И вошли въ келлію мою три челоѣка: два юноши со свѣщами, посреди ихъ мужъ въ священнической одеждѣ, неизреченною славою сіяющій, и подошли ко мнѣ. Мужъ въ священнической одеждѣ говоритъ ко мнѣ: «благослови, отецъ Николай.» Я убоялся и молчалъ. Онъ же паки мнѣ сказалъ: «узналъ ли мене—кто я?» Тогда я дерзновеніа исполнился, и отвѣтилъ ему: «воистинну узналъ—кто ты.» Онъ паки спросилъ: «а кто я?» Я ему отвѣтилъ: «воистинну ты—отецъ Аникита, нашъ другъ и сопутешественникъ во Іерусалимъ, и уже третій годъ, какъ ты померъ.» Онъ же началъ мнѣ говорить: «Воистинну,

отецъ Николай, азъ есмь. Видишь ли, какою славою наградила меня Царь мой небесный, Иисусъ Христосъ? И тебя такоюжде наградить: по четырехъ дняхъ освободишься отъ всѣхъ скорбей и болѣзней; и меня Господь послалъ утѣшить тебя.» И абіе вышли изъ келліи, а я остался одинъ, и паки закрылись очи мои, но наполнилось сердце мое неизреченной радости.» Отецъ духовникъ, выслушавши сіе, сказалъ ему: «блюдися, отецъ Николай, да не искушенъ будеши; а сему не довѣрай, но уповай на Бога, и проси Его милости.» Отецъ же Николай паки сказалъ: «Отче святой, прости меня! Буди воля Господня надо мной: но исполнилось сердце мое неизреченныя радости. Прошу тебя, отче святой: служи теперь каждый день Литургію; а я буду готовиться, и причащаться Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой.» Отецъ духовникъ сказалъ ему: «хорошо; я буду служить: только, чтобы за тобой не было остановки.» И тако пошелъ отецъ Николай въ свою келлію.

Литургія была въ недѣлю и въ понедѣльникъ и во вторникъ, и отецъ Николай былъ причастникомъ, и ему полегче стало. Въ среду на сырной недѣлѣ были часы, въ четвертокъ паки была Литургія. Отецъ Николай читалъ и пѣлъ на Литургіи, и былъ причастникомъ Тѣла и Крови Христовой. По Литургіи духовникъ, по обычаю, даетъ ему просфору, но онъ не взялъ; а только сказалъ: «отче, взойди ко мнѣ въ келлію»; и отецъ духовникъ за нимъ возшелъ въ келлію. Отецъ Николай сѣлъ на одръ своемъ, спиною оперся къ стѣнѣ, и начало лице его измѣняться, и играть румянецъ; а онъ, возведя очи свои къ небеси, сталъ яко въ изступленіи. Потомъ пришелъ въ себя,

и началъ говорить : « благодарю тебя , отче святой , что ты претерпѣлъ отъ меня до кончины моея всѣ мои недостатки , и довелъ меня до царствія небеснаго. » Духовникъ спросилъ его : « или , отецъ Николай , что видишь ? » Онъ же рече : « вижду , отче святой , что пришли за мной посланники , и раздрали мое грѣховное рукописаніе : уже , отче , благослови. » Духовникъ сказалъ : « Богъ тебя благословитъ » ; онъ же рече : « рукою благослови. » Духовникъ благословилъ рукою . Онъ же , взявъ руку , поцѣловалъ ее ; и еще не выпустивъ изъ своихъ рукъ духовникову руку , и возведъ очи свои на небо , тихо испустилъ гласъ : « Господи , въ руцѣ Твои пріими духъ мой ! » и абіе испустилъ духъ . Духовникъ началъ звать : « отецъ Николай ! отецъ Николай ! » А отецъ Николай уже предалъ душу свою Господеву , Ему же отъ юности своея поработалъ , и вѣрою и любовію послужилъ . *Воистинну , честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его (Псал. 115, 6).*

Скончался онъ 1841 года , Февраля 6 дня , на сырной недѣлѣ въ четвертокъ . Я тогда жилъ въ русскомъ общежительномъ монастырѣ , отъ ихъ пустыни верстъ двадцать ; къ намъ извѣстіе дошло уже въ субботу вечеромъ , и мы пришли уже въ недѣлю , на четвертый день — какъ онъ преставился . Сошлось на погребеніе много русской братіи , всѣ ученики отца Арсенія . И всѣ удивлялись : лежитъ отецъ Николай , яко живой , ни чѣмъ въ лицѣ не измѣнился ; руки и ноги — какъ у живаго , не окоченѣли ; всѣ члены и составы мягки , и изъ устъ исходитъ пріятное обоняніе , подобно ѳиміаму ; и всѣ братія радовались и прославляли Бога . Ноги были весьма толсты отъ

многого стоянія. Похоронили почившаго въ недѣлю еырную; и разошлись по своимъ мѣстамъ.

Отець Арсеній остался одинъ съ единымъ Богомъ, и самъ готовился къ исходу. Многіе просились къ нему въ ученики, многіе желали съ нимъ жить; но онъ никого не принималъ цѣлый годъ. Потомъ получилъ отъ Бога извѣщеніе, что остался на-время еще пожить въ мірѣ семъ, ради прочихъ братій. Тогда онъ началъ принимать всѣхъ, желающихъ съ нимъ жить, и въ скоромъ времени собралъ восемь человѣкъ. Тогда заставила нужда оставить эту келлію, яко невмѣстительную. И ушелъ онъ со всѣми учениками въ скитъ, называемый «*Лакъ*», во имя св. Великомученика Димитрія, въ самую далекую пустыню; взяли тамъ большую келлію, и водворились. Скитскіе отцы весьма обрадовались, что пришелъ къ нимъ такой свѣтильникъ, который можетъ всѣхъ освѣтить своею жизнію. Но русскіе братія, жившіе близъ Кареи и по Капсалу, весьма скорбѣли, что удалился отъ нихъ отецъ и пастырь ихъ, на полтора дня ходу. Впрочемъ, хотя далекъ и труденъ былъ путь, но отъ своего утѣшителя не отстали, а и туда труждались ходить. Духовникъ же имъ не велѣлъ труждаться, но другаго себѣ избрать духовника, ближе. А они ему отвѣтили: «отче святой, много духовниковъ есть; да отца и утѣшителя въ скорбяхъ нашихъ не можемъ найти.»

Ученики, жившіе съ отцемъ Арсеніемъ, многіе не вмѣстили его жизни и нестяжанія, и вознамѣрились отлучиться отъ него, и стали просить у него благословенія, чтобы отпустилъ ихъ избрать себѣ въ св. Горѣ другое мѣсто для жительства. Онъ же началъ

ихъ увѣщавать, и говорилъ : « Чада мой возлюбленныя, чѣмъ вы не довольны? Или чѣмъ я васъ отяготилъ? Ежели скорбите, что много трудовъ; то сидите вы каждый въ своей келліи, на безмолвіи, только не оставляйте келейнаго своего правила и соборной церковной службы; упражняйтесь всегда въ богомысліи и въ безпрестанной умной молитвѣ; всѣми силами старайтесь очищать внутренняго человѣка, и не принимайте никакихъ прилоговъ діавольскихъ; открывайте всѣ свои помыслы, и не скрывайте ихъ, да не обладаетъ кѣмъ изъ васъ діаволъ. Или вы пищею не довольны? И о томъ не скорбите. Все намъ Господь потребное пошлетъ къ насыщенію и къ утѣшенію; ибо Онъ сказалъ: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѹ. 6, 33.). Но нѣкоторые ученики не послушали наставленія старца, и говорили: «кто можетъ вмѣстить твое нестяжаніе? Что Господь намъ и пошлетъ, то ты все раздашь прочимъ.» Онъ же сказалъ къ нимъ: «кто хочетъ со мной жить,—да подражаетъ мнѣ; кто не хочетъ моею послѣдовать жизни,—да живетъ гдѣ хочетъ: азъ благословляю,—только внутри св. Горы Аѳонской; а вонъ изъ св. Горы выходить благословенія не даю, кромѣ особенной Божіей воли.» Послѣ сего многіе разошлись отъ него по прочимъ монастырямъ и скитамъ, кого куда назначилъ; впрочемъ, отлучились тѣломъ, а духомъ и любовію всѣ къ нему остались привязаны.

Поживши въ скиту три года, по нѣкоторымъ благословнымъ обстоятельствамъ онъ оттуда вышелъ съ оставшимися учениками; купили келлію Св. Троицы, близъ монастыря Ставроникиты, и стали здѣсь про-

живать. Всѣ русскіе братія весьма обрадовались, что пакъ къ нимъ возвратился отецъ и пастырь, и въ скорбяхъ утѣшитель, и всѣ воздавали за то славу и благодареніе Всевышнему Богу. И проживалъ на сей келліи до самой смерти.

Отецъ Арсеній много въ жизни своей терпѣлъ гоненія и клеветы, и даже почти самое изгнаніе, отъ завистливыхъ людей. Воистинну, какъ Апостолъ сказалъ, хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гоними будутъ (2 Тим. 3, 12.).

Въ одно время пріѣхалъ въ Аѳонскую Гору изъ Россіи, изъ Саровской пустыни, іеромонахъ Палладій, опредѣлился на жительство въ скитъ Іліи Пророка, и, немного поживши, померъ. Малороссіане (гуцолы) нашли послѣ него кожаную лѣстовку и малую мантийцу, и всѣ взбунтовались, закричали, что всѣ великороссіане—раскольники (давно они великороссіанъ ненавидѣли, и искали причины, дабы изгнать изъ св. Горы Аѳонской). Навели слѣдствіе: греки и болгары весьма этому удивились; ибо греки и болгары великороссіанъ любили больше, нежели малороссіанъ, и много дивились такимъ необычнымъ вещамъ. Однако малороссіане свое сдѣлали, оклеветали великороссіанъ, а наипаче пастыря и духовника отца Арсенія. Мантийцу и лѣстовку отправили на разсмотрѣніе къ Патріарху въ Константинополь, и написали разную клевету. Патріархъ, получивши сіе, много тому удивлялся. Всѣмъ соборомъ о семъ разсуждали, и понимали, что какая-то есть клевета; ибо знали вѣрно, что вся великая Россія — православные христіане; однако Патріархъ потребовалъ самого духовника Арсенія на лицо. Онъ тогда жилъ еще въ

пустынь. Услышавши сіе, отправились оба въ Константинополь, духовникъ Арсеній и отецъ Николай. Отправились пѣшіе, сухимъ путемъ, потому что денегъ у нихъ не было, отдать за перевозъ на корабль нечего; а сухимъ путемъ отъ Аѳонской Горы до Константинополя верстъ тысяча. Пришедши въ Константинополь, явились къ Патріарху. Патріархъ обо всемъ ихъ разспросилъ, и узнавши клевету, весьма о нихъ сожалѣлъ. Потомъ показалъ имъ мантийцу и лѣстовку, и сказалъ: «а это что такое?» Духовникъ отвѣтилъ, что іеромонахъ Палладій пріѣхалъ изъ Россіи, изъ Саровской общежительной пустыни; а тамъ такой есть обычай, что такіа мантия и четки имѣютъ для келейнаго правила. Патріархъ сказалъ: «слыхалъ я про Саровскую пустынь: весьма одобряютъ ея уставы.» Потомъ спросилъ: «какимъ вы путемъ пришли, по морю ли по суху?» Они отвѣчали: «сухимъ путемъ, Владыко святой!» Патріархъ со слезами сказалъ: «Охъ, отцы! какъ я васъ утрудилъ? Почему же вы не на корабль?» Они отвѣчали: «не имѣли что отдать за провозъ.» Патріархъ далъ имъ денегъ, и велѣлъ ѣхать на корабль; и написалъ въ Аѳонскую Гору, чтобы впредь такихъ старцевъ не беспокоить, и клеветъ на нихъ ни какихъ не принимать; а кто дерзнетъ на нихъ клеветать, да отлученъ будетъ отъ Церкви и отъ Св. Таинъ. И такъ возвратились отцы наши въ св. Аѳонскую Гору, а уста клеветниковъ заградилась.

Старецъ Арсеній великія дѣлалъ въ св. Горѣ распоряженія, и никто ему противорѣчить не могъ: по его благословенію возшли русскіе въ русскій монастырь; многихъ онъ оставилъ въ св. Горѣ препро-

вождать жизнь свою, хотя и не желали; а многихъ выслали изъ св. Горы въ разныя мѣста, въ числѣ которыхъ нахожусь и я грѣшный, посланный въ Россію, въ Сибирскую страну.

Дивное повѣдали мнѣ о духовникѣ Арсеніи.

Въ 1839 году, на келліи у русскихъ Кореневыхъ лежалъ больной монахъ Іоасафъ; въ одну ночь сдѣлалось ему весьма тяжело, и, ожидая смерти, пожелалъ онъ духовника. У Кореневыхъ тогда ночевали и посторонніе; двое изъ нихъ съ фонаремъ пошли за духовникомъ, а разстоянія болѣе пяти верстъ. Пришедши къ духовнику Арсенію, сказали ему, что умираетъ монахъ Іоасафъ, и желаетъ его, и просили, чтобы поскорѣ шелъ съ ними при фонарѣ, потому что ночь весьма темная, да еще и дождь. Онъ же сказалъ: «да, нужно скоро; точно умираетъ; вы идите скорѣ впередъ, а я сейчасъ уберусь, и съ своимъ фонаремъ васъ догоню.» Они просили вмѣстѣ идти съ ними и поспѣшать. Но онъ ихъ отослалъ, а самъ обѣщался ихъ догнать. Они пошли скоро, и соболѣзновали о томъ, какъ онъ пойдетъ одинъ лѣсомъ и подъ дождемъ; да еще боялись, чтобы больной не померъ до прихода духовника. По пришествіи ихъ въ келлію, ихъ встрѣтилъ монахъ Филиппъ, и сказалъ, что уже померъ отецъ Іоасафъ, и спросилъ: «почему вы такъ долго не приходили?» Они сказали: «мы скоро шли, и поспѣшали, чтобы застать живаго.» Монахъ Филиппъ сказалъ: «что вы оправдываетесь? Куда нибудь заходили въ гости? Уже духовникъ пришелъ болѣе получаса, уже исповѣдалъ, причастилъ и отходную прочиталъ, и сію минуту отецъ Іоасафъ скончался.» Они же, слышавши сіе,

весьма удивлялись, зная, что не было и часа, какъ пошли отъ келліи духовника: пришедши, поклонились ему, и спросили: «отче святыи, какъ вы скоро пришли? мы и не видали, когда вы насъ обогнали?» Онъ же сказалъ: «нельзя было медлить, и то едва засталъ; а я прошелъ прямымъ путемъ, котораго вы не знаете.» Они умолчали, хотя добръ знали, что другой дороги нѣтъ; и помышляли, не тѣмъ ли путемъ онъ шель, которымъ Пророкъ Аввакумъ, изъ Палестины въ Вавилонъ, Пророку Даніилу, сѣдющему во рвѣ, обѣдъ носилъ.

Еще къ двоимъ больнымъ на Капсаль приходилъ такимъ-же образомъ.

Еще случилось дивное въ 1845 году. Іюля 4-го дня, вздумалъ онъ идти на праздникъ въ Лавру св. Аѳанасія Аѳонскаго, потому что іюля 5-го числа его память. 4-го числа, отслуживши Литургію, пошелъ онъ въ путь кругомъ Аѳона, и пришелъ ко всенощному бдѣнію въ Лавру св. Аѳанасія; разстоянія же было отъ келліи до монастыря св. Павла восемь часовъ ходу, отъ св. Павла до Лавры семь часовъ ходу, т. е. всего около семидесяти пяти верстъ. Въ Лаврѣ отстоявши бдѣніе и Литургію, продолжавшіяся шестнадцать часовъ, въ трапезу не пошелъ, а взялъ хлѣба и отправился въ путь, и къ вечерни пришелъ паки на свою келлію, разстояніемъ восемь часовъ, т. е. сорокъ верстъ. Мы всѣ много удивлялись тому: молодому надобно идти три дня, а онъ, семидесятилѣтній старецъ, да еще и немощный, съ больными ногами, простоявшій шестнадцать часовъ, все въ полторы сутки кончилъ. Я послѣ спрашивалъ его: «отче, какъ вы могли такъ скоро сходить, когда и

путь все съ горы на гору, по острому камню?» Онъ же мнѣ отвѣтилъ: «обновися, яко орля, юность моя, не по естеству, а Божіею помощію.»

Въ 1837 году, пришелъ въ Аѳонскую Гору юноша, именемъ Матѳеѣй, родомъ великороссіанинъ, постригся въ монашество, и наименованъ *Мовсей*; потомъ пожелалъ въ Іерусалимъ; духовникъ Арсеній его благословилъ. Онъ же, поживши во Іерусалимѣ, пошелъ въ Египетъ и въ Синайскую гору, и странствовалъ три года; выучился по-гречески, по-турецки и по-арабски говорить. Потомъ возвратился въ св. Гору, но уже жизнію разстроился: поживши немного въ Аѳонѣ, паки захотѣлъ странствовать и еще сходить въ Іерусалимъ. Хотя духовникъ Арсеній ему отсвѣчивалъ, но онъ усиленно духовника упрашивалъ; и духовникъ, видя его непреклонное намѣреніе, благословилъ его, только съ тѣмъ, чтобы изъ Іерусалима немедленно послѣ Пасхи возвратился въ Аѳонскую Гору. Но Мовсей, отправившись въ Іерусалимъ, оттуда пошелъ въ Синай, а изъ Синая въ Египетъ, а изъ Египта въ Римъ, и странствовалъ еще три года. Изъ Рима паки возвратился въ Турцію. Въ Босніи турки его схватили, обыскали, и нашли у него много рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ, сочли его за шпіона, и осудили на отсѣченіе главы. Онъ потребовалъ христіанскаго духовника, исповѣдался, причастился, и приготовился къ смерти. Въ назначенный день привели его къ пашѣ прочитатъ ему послѣдній приговоръ. Когда онъ стоялъ предъ пашею, — вдругъ входитъ къ пашѣ пріѣхавшій изъ Константинополя курьеръ, и посмотрѣвъ, спросилъ: «а ты, отецъ Мовсей, зачѣмъ здѣсь?» Но

Мовсей и испугался и обрадовался, и не могъ ничего говорить. Паша спросилъ курьера : « развѣ человекъ сей вамъ знакомъ ? » Курьеръ сказалъ : « какъ незнакомъ ? — это Аѳонской Горы монахъ Мовсей, и многаяжды у меня бывалъ въ Египтѣ. » Паша сказалъ : « а мы сочли его за шпиона , и хотѣли сегодня предать смерти. » Потомъ монаху Мовсею сказали оба : « теперь иди скорѣй въ Аѳонскую Гору , и больше не шлайся ; а то пропадешь. » Онъ же , получивши бумаги , скоро прибылъ въ св. Гору , и опредѣлился въ монастырь Ставроникиту. Духовникъ сказалъ ему : « теперь живи здѣсь до смерти , и никуда выходить не помышляй. » Это было въ 1845 году.

Въ семь году духовникъ Арсеній повелѣлъ мнѣ идти въ Россію; но благословилъ — прежде побывать въ Іерусалимѣ, куда я и отправился въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Послѣ насъ пріѣхалъ изъ Россіи въ св. Гору сборщикъ для св. мѣстъ Іерусалима, монахъ аѳонскій Игнатій, и опредѣлился въ монастырь Ставроникиту. Потомъ сталъ звать Мовсея таки въ Іерусалимъ, чтобы быть ему за переводчика , потому что знаетъ разные языки. Отецъ Мовсей согласился; только пошелъ къ духовнику взять благословеніе. Духовникъ ему сказалъ : « Отецъ Мовсей, я тебѣ прежде говорилъ, что Аѳонская Гора тебѣ гробъ ; нижѣ помышляй куда изъ нея ѣхать ; нѣтъ на то воли Божіей, нижѣ моего благословенія. А хотя и не слушаешь и воспротивишься волѣ Божіей , и захочешь ѣхать , то и тогда не выйдешь. А Игнатій и безъ тебя съѣздитъ. » Мовсей, пришедши въ монастырь, сказалъ Игнатию, что духовникъ ему благословенія не даетъ. Игнатій же сказалъ : « Что его слушаешь, лжепроро-

ка? Мало ли онъ чего наговорить? Поѣдемъ, ничего не бойся.» (Игнатій былъ малороссіанинъ, и давно къ духовнику не имѣлъ расположенія.) Монахъ Моусей согласился съ нимъ ѣхать, и стали собираться въ путь. Прочіе братія сказываютъ духовнику, что Моусей съ Игнатіемъ отправляется въ Іерусалимъ; но онъ отвѣчалъ: «не бойтесь, не поѣдетъ.» Паки ему сказываютъ, что Игнатій корабль нанялъ, скоро — въ путь, и Моусей съ нимъ. Духовникъ паки отвѣтилъ: «Игнатій поѣдетъ съ прочими, а Моусей останется.» Потомъ паки сказываютъ, что корабль нагрузили, и вещи и одежду свезли; за-утра рано сядутъ на корабль и отправятся; онъ же отвѣтилъ: «всѣ сядутъ и отправятся, а Моусей во св. Горѣ останется: куда Моусей поѣдетъ, когда ему на то воли Божіей нѣтъ?» Нѣкоторые съ духовникомъ спорили, утверждали, что Моусей уѣдетъ; но духовникъ сказалъ: «за-утра посмотримъ, какъ Моусей поскачетъ.» Игнатій же съ Моусеемъ собрались совсѣмъ, чтобы утромъ какъ свѣтъ, такъ и на корабль; и легли спать. По-утру встали, пришли къ келліи отца Моусея, начали будить: а онъ гласу не отдаетъ. Начали стучать: нѣтъ отвѣта. Отбили двери, и вошли въ келлію: а онъ лежитъ среди келліи, пѣна у рта; полагали, что померъ; но посмотрѣли, еще живъ, и глазами смотритъ, а говорить не можетъ, ниже пошевелить рукою или ногою, весь разбитъ параличемъ. Игнатій отправился въ путь, а братія пришли къ духовнику Арсенію, и сказали ему — что случилось съ Моусеемъ. Онъ же, услышавши, горько заплакалъ, и сказалъ: «вотъ, отцы, каково преслушаніе и противленіе воли Божіей!» Братія стали его

просить, чтобы посѣтилъ болящаго. Духовникъ пошелъ; увидѣвши его, Моусей заплакалъ. Отцы всѣ начали со слезами просить духовника, чтобы помоллся о немъ. Духовникъ сказалъ: «живъ будетъ, и говорить будетъ, но не такъ какъ прежде; будетъ и ходить, но помалу, а руками будетъ работать по-прежнему, — только ежели обѣщается не выходить изъ Аѳонской Горы. Потомъ благословилъ его, а самъ пошелъ въ свою келлію. Вскорѣ Моусею стало лучше, а къ вечеру началъ помалу и говорить, и лице spravилось, и помаленьку начали дѣйствовать руки и ноги. Моусей паки послалъ за духовникомъ, и когда духовникъ пришелъ, — Моусей палъ ему въ ноги, и началъ со слезами просить прощенія; духовникъ его простилъ, и наказалъ такими словами: «впредь волѣ Божіей не противься: будешь здоровъ, но не попрежнему; работать будешь, а въ путь идти не можешь.» Моусей выздоровѣлъ, но не совершенно: остался весьма косоноголивъ, и нога одна не совершенно владѣетъ, а руки стали по-прежнему. Я его своими очами многожды видѣлъ, и съ нимъ разговаривалъ, пришедши изъ Іерусалима; онъ остался послѣ меня въ живыхъ.

Въ началѣ 1846 года, старецъ Арсеній приблизился къ своей кончинѣ: я тогда былъ въ Іерусалимѣ. Его ученики, а мои духовные братія, мнѣ сказывали, что ему не безъизвѣстна была кончина; да на остальныхъ дняхъ, предъ выѣздомъ моимъ, многожды и мнѣ упоминалъ, что послѣднее наше на семъ свѣтѣ свиданіе, и что уже мы больше въ жизни сей другъ друга не увидимъ. Еще, когда онъ одинъ вскопалъ весь огородъ, — я спросилъ его: «зачѣмъ вы, отче

святый, много трудитесь? почему не заставляете учениковъ своихъ?» Онъ же мнѣ отвѣтилъ: «мнѣ уже не много осталось покопать, а ученики еще безъ меня накопаются.» Потомъ сдѣлался боленъ ногами, и не могъ уже ни работать, ни ходить; но каждую седмицу служилъ четыре Литургіи, въ недѣлю, среду, пятокъ и субботу, хотя и съ великой нуждой; когда выходилъ съ выносомъ, тогда ученики его поддерживали. На пятой недѣлѣ великаго поста въ субботу отслужилъ Литургію едва, едва.

Марта 23-го числа, въ туюжде субботу повѣстили по всей Горѣ Аѳонской, всѣмъ его ученикамъ, что старецъ весьма нездоровъ, чтобы всѣ пришли получить послѣднее благословеніе. Въ недѣлю, т. е. 24-го Марта, всѣ рано сбѣжались духовные его дѣти, изъ русскаго монастыря іеросхимонахъ и духовникъ Іеронимъ, изъ Ильинскаго скита игумень, іеросхимонахъ Паисій, и прочихъ множество. Подшелъ къ нему его ученикъ, отецъ Павелъ, хромоу, сталъ его спрашивать: «отче святый! или ты хочешь отъ насъ отъйти, и насъ оставить?» Онъ же отвѣтилъ: «да, пришло время; надобно долгъ отдать.» Отецъ Павелъ наки вопросилъ: «А что, отче, не боишься ли смертнаго часа, не ужасаешься ли и не трепещешь ли отвѣта праведному Судіи? Ты былъ болѣе тридцати лѣтъ духовникомъ.» Онъ же весело на него посмотрѣлъ, и сказалъ: «Страхъ и ужаса не имѣю, но нѣкая радость наполняетъ мое сердце, и великую имѣю надежду на Господа Бога моего, Іисуса Христа, что Онъ не оставитъ мене Своею милостію, хотя я добрыхъ дѣлъ и не сотворилъ: ибо въ чемъ похваляюся, развѣ въ немощахъ моихъ? По своей волѣ ничего

не сотворилъ ; а что и сотворилъ , то помощію Господа моего и по волѣ Божіей.» Потомъ приказалъ всѣмъ духовнымъ своимъ чадамъ подходить по одному, и каждого прощалъ и разрѣшалъ , и давалъ послѣднее благословеніе и наставленіе , кому гдѣ препроводать жизнь свою; и упражнялся въ семъ дѣлѣ почти до послѣдней минуты своей жизни. А лежалъ онъ на галереѣ , т. е. на крыльцѣ. Потомъ велѣлъ всѣмъ отъ себя отдалиться, и всѣ сошли внизъ. Онъ началъ молиться, но не могли разслушать, что онъ говорилъ. Поднималъ трижды руки къ небу ; потомъ опустилъ ихъ, и затихъ. Тогда подошли, и увидѣли, что онъ уже скончался и предалъ душу свою въ руки Господа своего , Егоже отъ юности возлюбилъ, и Его ради плоть свою до конца измождилъ. *Востинну , честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его !*

Видѣвши сіе , всѣ отцы бросились къ нему , принаи къ многотрудному тѣлу его , обливали его слезами отъ скорби, что лишились своего отца и пастыря , наставника и учителя , и въ скорбяхъ своихъ утѣшителя ; и много всѣ плакали. Потомъ начали убирать его къ погребенію. Когда открыли его ноги, то увидѣли ужасное зрѣлище : у обѣихъ ногъ , отъ колѣнъ внизъ , почти остались однѣ голыя кости , а плоть вся согнила отъ стоянія и отъ многолѣтнихъ ранъ ; и всѣ много тому удивлялись, — на чемъ онъ стоялъ, и какъ онъ такъ скоро ходилъ. Ученики, съ нимъ жившіе, того не знали, что у него болѣли ноги. И никогда онъ не сказывалъ , что больны у него ноги; и всегда стоялъ на ногахъ , и по св. Горѣ леталъ яко птица ; даже не ощущали отъ нихъ ника-

кого дурнаго запаха. Похоронили его подлѣ самаго алтаря на келліи Святыя Троицы, принадлежащей къ монастырю Ставроникитѣ, 1846 года, марта 25-го дня.

И лишилась св. Аѳонская Гора такого столпа свѣтлаго и свѣтильника : поддерживалъ и просвѣщалъ на Аѳонѣ всю русскую братію двадцать-четыре года , и не точію русскихъ, но и грековъ и болгаровъ и молдаванъ. Греки говорили : « мегала геронтосъ Арсеніосъ », т. е. великъ старецъ Арсеній. Но что много говорить? Ежели всѣ его подвѣги, добродѣтели и случаи подробно описать , то великую книгу надобно написать. Довольно сказать, что былъ на Аѳонѣ старецъ Арсеній, и показалъ образъ жизни своимъ ученикамъ: не словомъ училъ, но дѣломъ показывалъ.

Отецъ Арсеній росту былъ средняго ; брада средняя съ просѣдью ; главу держалъ всегда наклоненну на правое плечо; лицомъ былъ чистъ и веселъ ; очи были наполнены слезъ ; былъ весьма сухъ , но въ лицѣ всегда игралъ румянецъ. Наипаче же , когда служилъ Литургію, всѣхъ приводилъ въ удивленіе на него зрящихъ, ибо лице бывало яко огненное. Рѣчь была у него кроткая , немногословная и солию растворенная; и всякаго съ немногихъ словъ заставлялъ плакать. Весьма начитанъ былъ священнаго и отеческаго писанія, и всегда говорилъ и приводилъ свидѣтельства наизустъ, чему удивлялись и ученые. Ученики, съ нимъ жившіе , никогда не видали его спящаго или на ребрахъ лежащаго , а больше на ногахъ, и мало когда сидящаго. А хотя и давалъ естеству мало сна, но сидя , прочимъ почти непримѣтно; а всегда упражнялся въ молитвѣ, въ чтеніи и въ рукодѣліи. Воистинну, не далъ онъ сна своимъ очима,

ни вѣждама своимъ дреманію, ни рѣбромъ своимъ покою. Ученіе и наставленіе отца Арсенія было во всемъ согласно съ древними св. отцами. Каждого училъ жить по волѣ Божіей и по совѣту старцевъ, а не по своему разуму и хотѣнію. Многимъ казался тяжекъ чрезъ то, что какъ самъ старался, такъ и другимъ строго внушалъ дѣлать все и распоряжаться по Божіей волѣ. Кратко сказать: такого старца въ Аѳонѣ не осталось изъ русскихъ; развѣ послѣ какой процвѣтетъ. Хотя и много есть подвижниковъ, но больше изъ простыхъ, и разсужденія такого не стяжали (*).

159. Не могу умолчать о великомъ старцѣ и общемъ духовникѣ болгарамъ, русскимъ и грекамъ, и самому старцу Арсенію и многимъ вселенскимъ Патриархамъ, іеросхимонахъ *Григоріи*, жившемъ на Капсалѣ и скончавшемся въ 1839 году, прежде моего прихода за мѣсяць. Хотя я самъ его не сподобился видѣть; но слышалъ и узналъ о немъ отъ аѳонскихъ отцевъ, русскихъ и болгаровъ и грековъ; многожды слышалъ и отъ самого старца Арсенія.

Родомъ онъ былъ болгаринъ, изъ самой Болгаріи, и съ юности оставилъ міръ, и пошелъ во слѣдъ Христа, пятнадцати лѣтъ отъ роду. По пришествіи на св. Гору, препроводилъ въ ней болѣе шестидесяти лѣтъ неисходно; пятьдесятъ лѣтъ былъ онъ духовникомъ,

(*) Чрезъ три года послѣ кончины отца Арсенія, по обычаю аѳонскому, откопаны были кости его, и оказались желты яко воскъ и испускали благоуханіе; бывшіе при семъ всѣ плакали отъ радости. Это мнѣ сказывалъ сборщикъ съ Аѳонской Горы іеромонахъ *Теодоритъ*.

и говорятъ, толикую имѣлъ благодать, что на духу грѣховъ не спрашивалъ, но самъ объявлялъ, и каждаго доводилъ до слезнаго раскаянія, и зналъ, какое кому дать духовное врачевство, и кто что можетъ понести. Приѣзжали къ нему Патріархи и Архіереи просить у него наставленія, и получали разрѣшеніе въ недоумѣніяхъ касательно каноновъ церковныхъ. Къ великимъ грѣшникамъ былъ снисходителенъ, и всѣхъ привлекалъ къ покаянію. Многіе изъ разныхъ странъ грѣшники шли къ нему на покаяніе, и получали отъ него облегченіе, потому что онъ зналъ разные языки. Сказываютъ, что онъ предвидѣлъ себѣ кончину.

По смерти его, чрезъ три года, въ мою бытность откопали его кости, и по-аѳонски — въ хорошемъ замѣчаніи: оказались желты, яко воскъ.

160. Воспомяну и о второмъ *Григоріи*, духовникѣ и іеросхимонахѣ, живущемъ въ келліи св. Царей, Константина и Елены, близъ монастыря Пантократора, родомъ грекъ, изъ страны Каппадокійскія, великомъ постникѣ; ибо дважды въ недѣлю употреблялъ пищу, а въ посты единожды въ седмицу. Онъ съ юности оставилъ міръ, родителей, имѣніе, и осьмнадцать лѣтъ пришелъ въ св. Гору Аѳонскую, и сорокъ лѣтъ прожилъ у своего старца, постника, въ послушаніи, и былъ ему во всемъ подражатель. Старецъ постригъ его въ монашество, и благословилъ принять священство и духовничество. По прошествіи сорока лѣтъ, въ 1840 году, старецъ отшелъ ко Господу, и оставилъ его по себѣ наслѣдникомъ богатства духовнаго и, что было, тѣлеснаго, и препоручилъ ему двухъ учениковъ.

Григорій, похоронивши своего старца, и немного поживши, призвалъ учениковъ своихъ, и сказалъ имъ: « Чада моя, не могу вамъ быть за старца и наставника: хотя и сорокъ лѣтъ былъ въ послушаніи и учился монашеству; но еще имѣю нужду много учиться, и не могу быть на своей волѣ. Пойду въ Русскій монастырь въ общежитіе, и тамъ поучусь совершенному монашеству, смиренію и терпѣнію. А вы, ежели хотите, оставайтесь на сей келліи, или же идите въ какой-либо монастырь.» Скорбно было ученикамъ слышать такіа словеса отъ своего старца, и они много его упрашивали остаться, равно и всѣ братія Пантократорскаго монастыря, и прочіе близъ живущіе отцы; но онъ отвѣтилъ имъ: « Отцы и братія! не могу быть я вамъ пастыремъ, ниже духовникомъ: самъ еще требую многому учиться; пойду, искушу себя въ общежитіи, и еще поучусь совершенному монашеству. Слышалъ я неоднократно отъ своего старца, что пустыня страсти только усыпляетъ, а общежитіе умерщвляетъ и искореняетъ; и я боюсь ихъ, хотя и сорокъ лѣтъ прожилъ въ пустынѣ со старцемъ. Но старецъ померъ, и я опасаюсь, чтобы страсти во мнѣ не проснулись, и меня не погубили; того ради не могу съ вами быть, а пойду умерщвлять свои страсти.»

И такъ онъ перешелъ въ Русскій монастырь, почти въ одно время съ нами, въ 1840 году. И мнѣ привелъ Господь — съ нимъ пожить въ одной обители, и всегда вмѣстѣ ходили на послушаніе. Много мы пользовались его примѣрною жизнію: хотя и духовникъ былъ, но на всякое послушаніе ходилъ прежде всѣхъ, и предъ всѣми смирялся, и всѣмъ покаялся.

Толикую имѣлъ онъ чистоту сердечную и даръ прозорливства, что провидѣлъ тайныя помышленія. Я грѣшный на себѣ сіе испыталъ. Въ одинъ день собирали мы масличныя ягоды, всѣ братія и онъ съ нами; только какіе-то обуревали меня помыслы: онъ подошелъ ко мнѣ, ударилъ меня рукою по плечу, и сказалъ мнѣ по-гречески, потому что онъ по-русски ни одного слова не зналъ: «Отче, зачѣмъ ты принимаешь такіе помыслы? Они отъ діавола. Гони ихъ прочь отъ себя.» Слышавши сіе, я испугался, поклонился ему до земли, и просилъ его св. молитвъ. Потомъ такъ умилилось сердце мое, что никакъ не могъ воздержаться отъ слезъ. И благодарилъ я Господа Бога моего, Иисуса Христа, и Божію Матерь, что сподобился въ одной обители жить и на послушаніе ходить съ такими великими старцами, что не только мои тѣлесные труды видятъ, но и тайныя помышленія проникаютъ.

Но тяжело было отцу Григорію въ общежитіи, больше ради поста: ибо игуменъ всегда ему благословлялъ ходить въ трапезу, чтобы могъ проходить послушаніе и пользоваться братію; и сдѣлалъ его всей братіи духовникомъ. Всего жилъ онъ въ общежитіи два года. Пантократорскіе братія всегда къ нему ходили, и со слезами его просили возвратиться къ нимъ, потому что не могутъ они себѣ найти по совѣсти другаго духовника; просили и прочихъ великихъ старцевъ, чтобы присовѣтовали ему возвратиться къ нимъ. И всѣ ему стали совѣтовать возвратиться въ свою келлію, потому что Русскій монастырь нужды въ немъ не имѣетъ, тамъ много великихъ старцевъ, а Пантократоръ бѣдствуетъ; и игуменъ присовѣтовалъ

возвратиться. И онъ возвратился въ свою келлію, и чрезъ то великою радостію исполнилъ монастырь Пантократоръ и всю карейскую братію.

Сей великій старецъ, іеросхимонахъ и духовникъ Григорій, по отъѣздѣ моемъ остался еще въ живыхъ, и до-днесь еще просвѣщаетъ Аѳонскую Гору своею жизнію.

161. Теперь вкратцѣ опишу жизнь іеромонаха *Павла*, игумена скита Ильинскаго, который взошелъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, и съ собой русскую братію ввелъ, и въ немъ скончался въ 1840 году, препроводивъ въ Аѳонѣ тридцать шесть лѣтъ. Иное я слышалъ о немъ отъ самого, иное своими очами видѣлъ, иное отъ его учениковъ узналъ. А о юности его слышалъ отъ его прежде бывшей супруги, нынѣ живущей во градѣ Калугѣ, въ женскомъ монастырѣ, монахини Павлы.

Родомъ онъ великороссіанинъ, города Калуги, изъ богатыхъ купцовъ; въ младенчествѣ просвѣщенъ св. крещеніемъ, и нареченъ былъ *Петръ*. Съ малыхъ лѣтъ онъ посвятилъ себя на служеніе Богу, и всегда упражнялся въ чтеніи духовныхъ книгъ и священнаго писанія, и всегда приметался въ дому Божіемъ. Достигши возраста, занимался торговлею. Но всегда имѣлъ сильное желаніе поступить въ монашество, и безпрепятственно поработать Господу Богу своему, только удерживаемъ былъ отъ родителей. Когда достигъ совершеннаго возраста, — неволили его родители жениться. Онъ же ниже слышать хотѣлъ о женитьбѣ. Они же всѣ силы употребляли, чтобъ женился, и то угрозою, то ласкою, то слезами понуждали исполнить волю ихъ. И онъ, хотя и не по желанію

своему, но покорился своимъ родителямъ, и женился. Пожилъ съ женою три года, и имѣлъ двухъ дочерей.

Потомъ, въ одну ночь, Петръ въ ложницѣ подошелъ къ своей супругѣ, и со слезами началъ ей говорить: «возлюбленная и милая моя сожительница! ты знаешь, какъ я тебя люблю, такожде и дѣтей моихъ, и много мы имѣемъ богатства; но все сіе тлѣнно и скоропреходяще: прійдетъ смерть, и любовь нашу расторгнетъ, и насъ вѣчно разлучитъ, и богатство наше останется, а мы должны пойти къ праведному Судіи, только съ одними добрыми дѣлами; потому надобно намъ ихъ заготовить, и въ семъ мірѣ Ему послужить, поработать и помолиться.» Она же ему отвѣтила: «любезный другъ мой, работай и молись Господу Богу; я тебѣ въ томъ не препятствую, ниже возбраняю; еще и сама тебѣ буду подражательница.» Онъ же сказалъ: «любезная моя, отпусти меня въ св. градъ Іерусалимъ поклониться живоносному Христову гробу и прочимъ св. мѣстамъ.» Она отвѣтила: «иди съ Богомъ, я тебя отпускаю.» Онъ же, видѣвши супруги своей такое благое расположеніе, весьма обрадовался, и началъ выправлять себѣ паспортъ. Хотя родители много тому препятствовали, но не могли удержать, потому что жена и общество отпустили. Губернаторъ, видя его весьма юнаго, трижды призывалъ жену его, и уговаривалъ ее, чтобы она его не отпускала; потому что какъ за границу уйдетъ, не захочетъ возвратиться назадъ. Но она отпустила, полагаясь на волю Божию. Петръ, получивши паспортъ, отправился въ путь; жена провожала его сто верстъ. Было имъ тогда по двадцати одному году. Потомъ стали прощаться, и

онъ ей началъ говорить: «Любезная моя супруга, Господь сказалъ: *аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и мать, и жену, и чадъ, и братій, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14, 26.). И я хочу быть ученикомъ Господа моего, Иисуса Христа; и не знаю, возвращусь ли назадъ, или нѣтъ. А тебя съ дѣтьми препоручаю единому Богу; и ты помни Его, Создателя, и не забывай; при семъ прости меня, и благослови идти во слѣдъ Христа.» Едва успѣлъ сказать сіе, сѣлъ въ повозку и уѣхалъ. Жена, услышавши послѣднія слова, упала на землю, яко мертвая, безъ памяти положили ее въ повозку, и возвратилась въ домъ свой; и плакала десять лѣтъ, все ждала мужа. Потомъ услышавши, что онъ въ св. Горѣ Аѳонской постриженъ въ монашество, уже и іеромонахомъ, сама поступила въ Калужскій женскій монастырь, и уже пострижена въ мантию; а дочерей сродники выдали замужъ.

Оставивъ жену и отечество, Петръ поѣхалъ прежде въ Іерусалимъ, и поклонился живоносному Христову гробу и прочимъ св. мѣстамъ; потомъ заѣхалъ въ св. Аѳонскую Гору, и обшедши всѣ монастыри и скиты и всю св. Гору, опредѣлился въ скитъ св. Пророка Іліи, къ малороссіанамъ въ число братства; потомъ постриженъ въ монашество, и нареченъ *Павелъ*; скоро рукоположенъ во іеродіакона и во іеромонаха. Прожилъ онъ въ скиту, въ совершенномъ послушаніи и въ отсѣченіи своей воли, осьмнадцать лѣтъ. Тогда наступило смутное военное время; а наипаче грозное Божіе посѣщеніе постигло св. Аѳонскую Гору; и пошли братія кто куда могъ; тогда и

скитскіе братія разошлись. Игуменъ Парѣеній съ іеромонахомъ Павломъ и съ немногими братіями, убравши скитъ, всѣ церковныя и скитскія вещи спрятали въ потаенные погреба и кладовыя, и засыпали землею; а легкія вещи и деньги взяли съ собой, скитъ заперли, и отправились въ Россію, въ Одессу, а оттуда въ Молдавію. Странствовали восемь лѣтъ, много претерпѣли скорбей и почти самую смерть, такъ что никогда о томъ не могъ Павелъ безъ слезъ говорить. Когда престала война, наступило мирное время, и стали братія возвращаться въ св. Гору; тогда и Павелъ съ игуменомъ Парѣеніемъ возвратились въ св. Гору Аѳонскую. Пришедши къ своему Ильинскому скиту, едва могли въ двѣ седмицы добраться до вратъ: въ восемь лѣтъ весь заросъ великимъ лѣсомъ; почти годъ очищали скитъ, и еще три года очищали сады. Сколько они тогда положили трудовъ, только единому Богу извѣстно. И привели скитъ въ совершенный порядокъ. Павелъ постригся въ великую схиму, но имени ему не перемѣнили. Со временемъ собралось братіи въ скиту до сорока человѣкъ.

Въ 1837 году послалъ Господь на скитъ Ильинскій великое искушеніе: по какому-то случаю заразился скитъ чумою, и всѣ почти братія и самъ игуменъ Парѣеній сдѣлались ея жертвою. Въ то время Павелъ ежедневно служилъ Литургію, всѣхъ больныхъ зараженныхъ причащалъ и въ схиму постригалъ, и съ немногими остался въ живыхъ, и потомъ высидѣлъ сорокъ дней карантинъ. Послѣ того, собравшись посторонніе братія, греки и всѣ русскіе, подняли изъ монастыря Ксиропотама Пречестное Древо креста Господня, великую его часть съ отвер-

стіемъ, гдѣ былъ гвоздь, и было въ ходу множество духовенства, съ крестами и хоругвями, и съ великимъ пѣніемъ. И взошли всѣ братія прямо въ скитъ, и никто не убоился заразы, но положились на волю Господню; и взошедши въ соборную церковь, отпѣли молебень, святили воду, и погружали самое Честное Древо; потомъ кропили братій оставшихся отъ чумы и весь скитъ. Было всеобщее бдѣніе и Литургія, и было всѣмъ въ трапезѣ велие утѣшеніе. Потомъ, по согласію аѳонскихъ братій и своихъ оставшихся, избрали игуменомъ іеросхимонаха Павла, и утвердили сіе грамотами. И онъ опять собралъ братій челоуѣкъ до сорока, и устроилъ въ скиту весь общежительный чинъ и порядокъ. Но добра ненавидяй врагъ, діаволь, возмущилъ малороссіанъ; и возстали они на великороссіанъ, а наипаче на игумена Павла; и многія наводили на него скорби: трижды съ безчестіемъ сгоняли съ игуменства, хотя и паки возводили; а наконецъ выгнали со всѣми великороссіанами безъ возврата. Хотя Павелъ скорбѣлъ о томъ, что тридцать пять лѣтъ проживши въ скиту, послѣ съ безчестіемъ выгнанъ, но не ропталъ на малороссіанъ, и ученикамъ своимъ возбранялъ стропотное о малороссіанахъ говорить, и всегда говорилъ: «малороссіане—великіе намъ благодѣтели; они намъ ходатайствуютъ жизнь вѣчную.»

Вскорѣ Господь утѣшилъ Павла: за его смиреніе и безропотность далъ ему, вмѣсто скита, великій царскій монастырь, вмѣсто одноэтажной малой келліи—пятиэтажный корпусъ. Осенью, 1839 года, начали звать отца Павла, со всею братією, русскаго Пантелеимонова монастыря отцы, греки, въ свою русскую

обитель, на вѣчное жительство. И отецъ Павелъ, по благословенію духовника Арсенія, взошелъ въ древнее русское наслѣдіе, въ русскій монастырь св. Великомученика Пантелеимона; освятилъ первоначально храмъ во имя Свят. Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, обѣщанный іеромонаху Аникитѣ; и прожилъ въ русскомъ монастырѣ восемь мѣсяцевъ и десять дней, удивляя всѣхъ грековъ своимъ смиреніемъ, терпѣніемъ и послушаніемъ, и давая во всемъ образъ своимъ ученикамъ (*).

Іюля 28 числа, 1840 года, отецъ Павелъ заболѣлъ, и былъ нездоровъ три дня, но Литургію служилъ, хотя и съ трудомъ. Августа 2-го числа, уже въ церковь идти не могъ, но приказалъ читать утреню у себя въ келліи. По окончаніи полунощницы, начали утреню. Шестопсалміе читалъ самъ, съ особеннымъ самоуглубленіемъ, и много слезъ проливалъ, а наипаче на первыхъ трехъ псалмахъ, когда читалъ: *Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи отъ мене: вонми въ помощь мою, Господи спасенія моего. Боже, Боже мой, къ Тебѣ утренюю: возжада Тебѣ душа моя, коль множицею Тебѣ плоть моя, и проч. Пс. 37. 62.* Потомъ нѣсколько утѣшился, и съ великимъ восторгомъ читалъ: *благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его: благослови душе моя Господа, и забывай всѣхъ воздаяній Его и проч. Пс. 102.* Ектеніи уже не могъ сказать, а велѣлъ пропѣть двѣнадцать разъ «Господи помилуй.» Когда начали пѣть: *Богъ Господь и явился намъ, благословенъ*

(*) См. ч. II. гл. 107, 108, 109, 110.

грядый во имя Господне, — онъ предалъ душу свою въ руцѣ Господа своего, Котораго отъ юности возлюбилъ паче родителей, жены и чадъ своихъ, и Которому тридцать шесть лѣтъ поработалъ въ иноческомъ чинѣ.

*Воистинну, честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его. Скончался безъ всякой болѣзни и страха; умеръ, яко заснулъ сладкимъ сномъ, сидя и повѣсивъ свою голову. Увидѣвши сіе, братія оставили чптать утрению, скоро пошли въ соборъ, и сказали игумену Герасиму. Изъ собора всѣ пришли къ усопшему. Греки горько о немъ плакали, не имѣя надежды видѣть изъ русскихъ другаго такого подвижника, кроткаго и смиреннаго; и не только они, но и братія другихъ обителей св. Горы Аѳонскія о немъ плакали, услышавъ о его кончинѣ. Игумень Герасимъ послалъ по всей Горѣ Аѳонской повѣстить всѣмъ русскимъ, чтобы пришли на погребеніе. Погребали его всѣмъ соборомъ русскіе и греки. Игумень Герасимъ горько плакалъ. Архимандритъ Прокопій говорилъ надгробное слово, и ублажилъ странствіе, скорби и изгнаніе, кротость и смиреніе почившаго. Черезъ три года, по обычаю аѳонскому, откопали его кости, и оказались, по аѳонскому замѣчанію, благодатными: желты яко воскъ, и нѣкое малое испускали благоуханіе. И поставили главу его въ гробницѣ подъ церковію, и написали на главѣ сие: *Іеромонаха Пабла русскаго.**

Теперь скажу о его непамятозлюбіи. По изгнаніи его изъ скита, сдѣлался игуменомъ въ скиту тотъ, кто болѣе его гналъ, іеромонахъ Акакій, и поживши полгода игуменомъ, много скитскаго имѣнія расто-

чилъ. И сдѣлалось чрезъ то въ скиту великое смущеніе. Игумена Акакія арестовали, и послали за отцемъ Павломъ, и просили его, чтобы сказалъ, какихъ вещей не оказывается; потому что Павелъ зналъ, что есть въ скиту, гдѣ тридцать пять лѣтъ прожилъ. Но отецъ Павелъ покрылъ и оправдалъ своего врага, и вмѣсто зла сотворилъ ему благо: сказалъ, что все цѣло, что было прежде. Этому его поступку удивилась вся Гора Аѳонская.

162. Не могу не вспомнить о великомъ постникѣ и слезоточивомъ іеромонахѣ *Аникитѣ*.

Родомъ онъ былъ изъ великороссіанъ, изъ фамиліи князей Шихматовыхъ. Разсмотрѣвъ пустоту, непостоянство и суету міра сего, оставилъ домъ свой и родителей, богатство и славу мірскую, взялъ на себя крестъ иноческаго житія, и вступилъ въ Юрьевъ монастырь, что въ Новѣ-градѣ, подъ руководство Архимандрита Фотія; тамъ былъ постриженъ въ монашество и рукоположенъ во іеромонаха. Потомъ пожелалъ странствовать въ св. градъ Іерусалимъ, поклониться живоносному Христову гробу, и посѣтить св. Аѳонскую Гору, посмотреть великихъ аѳонскихъ подвижниковъ; старецъ его, Архимандритъ Фотій, благословилъ.

Пріѣхавши въ св. Аѳонскую Гору, онъ обошелъ ее всю, посѣтилъ всѣ монастыри, лавры, киновіи, скиты и многія постническія келліи; познакомился и съ великимъ старцемъ, духовникомъ Арсеніемъ. Отецъ Аникита весьма удивлялся аѳонскимъ подвижникамъ, и восхотѣлъ во всемъ имъ быть подражателемъ: прежде пересталъ употреблять чай, чрезъ мѣсяцъ — рыбу, а потомъ — вино и масло, а употреблялъ только

теплую воду съ медомъ, и хлѣбъ единожды въ день; въ среду и пятокъ оставался безъ пищи. Но сколько его удивляли аѳонскіе подвижники, столько, или еще болѣе, удивилъ онъ аѳонскихъ отцевъ. Когда онъ служилъ Литургію, то всѣ старались узнавать, гдѣ онъ будетъ служить, и туда сходилось множество монаховъ, не только русскихъ и болгаръ, но и множество грековъ. Всякому было желательно посмотрѣть на его служеніе: ибо служилъ онъ Литургію болѣе трехъ часовъ, со слезами и съ неизреченнымъ восторгомъ и самоуглубленіемъ, такъ что во всѣхъ возбуждалъ умиленіе и даже слезы. Часто служилъ въ греческихъ монастыряхъ, по-гречески, ибо зналъ хорошо греческій языкъ. Весьма полюбилъ онъ аѳонскія киновіи, т. е. общежительные монастыри, и общежительныхъ монаховъ называлъ земными ангелами и небесными челоѳками. Наипаче полюбилъ онъ Русскую Пантелеимонову обитель, гдѣ и остался погостить. Потомъ русскаго монастыря братія, греки, начали его просить, чтобы онъ перешелъ къ нимъ въ обитель, жить со всею русскою братіею; и онъ перешелъ. Потомъ съ духовникомъ Арсеніемъ и съ отцемъ Николаемъ отправились въ Іерусалимъ. И была отъ Россійскаго посланника дана повѣстка по всѣмъ греческимъ островамъ, что проѣзжаетъ великій старецъ изъ княжескаго рода. И по всѣмъ островамъ его встрѣчали торжественно: всѣ лобызали его десницу, и почитали за великое счастіе принять отъ него благословеніе. Удивительно было, что своихъ Патріарховъ не почитали такъ, какъ сего іеромонаха: много проѣзжало Патріарховъ и другихъ Архіереевъ, много русскихъ іеромонаховъ и архимандритовъ, но

никому такой чести не воздавали. А онъ на всякомъ островѣ служилъ Литургію, говорилъ проповѣди по-гречески, и приводилъ народъ въ слезы и рыданіе, и слова его великую имѣли силу и дѣйствіе, такъ что духовникъ Арсеній тому удивлялся. Со всякаго острова провожали его со многими слезами, и не хотѣли съ нимъ разлучиться. И князь грековъ весьма полюбилъ, за ихъ усердіе и любовь ко Христу Богу.

Прибывши въ св. градъ Іерусалимъ, поклонился живоносному Христову гробу и прочимъ св. мѣстамъ. И возлюбилъ его всѣ Митрополиты, и дали ему волю служить на Христовомъ гробѣ. И онъ сорокъ Литургій тамъ отслужилъ сряду, и сорокъ дней не выходилъ изъ храма отъ Божіа гроба. Потомъ сорокъ Литургій отслужилъ на Голгоѣ; двадцать Литургій отслужилъ въ Геѳсиманіи, на гробѣ Пресвятыя Богородицы, и двадцать Литургій въ Вифлеемѣ, гдѣ родился Господь Іисусъ Христосъ. Вообще, сколько жилъ въ Іерусалимѣ, ежедневно служилъ, и св. мѣста слезами омочалъ.

Іерусалимскіе жители говорятъ, что не было такого поклонника, да и послѣ едва ли будетъ. Въ Іерусалимѣ случилось съ нимъ такое происшествіе: Въ самый Новый годъ пошелъ онъ поздравить Митрополитовъ съ Новымъ годомъ, и пришелъ къ патриаршему монастырю ко вратамъ. А въ Іерусалимѣ обычай такой, что въ Новый годъ въ патриархію никому не позволено входить, и врата не отворяютъ. Князь этого не зналъ, и пошелъ во врата. Стражъ арабъ его не пускаетъ, а языка другъ у друга не понимаютъ; и стражъ ударилъ старца въ ланиту, такъ что онъ упалъ. Вставши же, сказалъ: «братъ, что

ты меня бьешь? » Потомъ поставилъ и другую ланиту. Архіереи, увидавши сіе, испугались, выбѣжали всѣ ко вратамъ, упали предъ княземъ, и просили прощенія. А князь просилъ со слезами Архіереевъ, чтобы простили стража, и далъ ему денегъ. Всѣ удивились такой кротости и смиренію.

Вскорѣ онъ получилъ изъ Россіи указъ съ назначеніемъ его въ Грецію, въ Аѣины, къ Посольской церкви. Послѣ сего онъ возвратился въ св. Гору, но получилъ здѣсь великую скорбь: ибо изъ Русскаго монастыря греки его съ братіей выслали.

Изъ Аѣона отецъ Аникита съ ученикомъ отправился въ Аѣины. По прибытіи туда, ученикъ его однажды пошелъ на торжище, и воротившись сказалъ: «отче святой, на торжищѣ здѣсь продается весьма хорошій бѣлый медъ.» Онъ же ему отвѣтилъ: «охъ, отче, отче! здѣсь не Аѣонская Гора, а Аѣины, міръ и соблазны: надобно и отъ меду отстать.» И больше уже меду не вкушалъ, а употреблялъ только хлѣбъ и воду, и то черезъ день. Поживши въ Аѣинахъ одинъ годъ, заболѣлъ и приблизился къ смерти. Предъ кончиною далъ завѣщаніе ученику своему Аникитѣ, вѣсхимѣ Андрею, чтобы оставшееся послѣ него имѣніе и вещи отвезъ въ Аѣонскую Гору, чтобы бриліантовый крестъ его повѣсилъ на Аѣонскую Игуменію, на чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, Трое-ручицу, въ монастырь Хилендарѣ; и чтобы, по смерти, и кости его отвезены были въ св. Аѣонскую Гору. Потомъ съ миромъ преставился, въ радости и веселіи. Услышавши о его смерти, аѣинскіе жители сошлись отъ мала до велика, желали прикоснуться къ его постническому тѣлу: ибо всѣ его почитали за ве-

много угодника. И похоронили его внутри соборной церкви. Хотя у грековъ и нѣтъ обычая погребать внутри церквей, даже самихъ Патріарховъ: но сего старца, за великое благочестіе, сами пожелали положить внутри церкви. Черезъ два года Россійское посольство, по завѣщанію старца, рѣшилось откопать его кости и препроводить въ св. Аѳонскую Гору. Узнавши сіе, греки не стали давать, и поставили стражу. Русское посольство настаивало; греки упорно противились. Но Король греческій, Оттонъ послалъ войско—исполнить намѣреніе Россійскаго посольства. Хотя греки много бунтовали и плакали, не желая отдать кости князя, даже сдѣлали кровопролитіе: однако, при помощи воинства кости откопаны были. При семъ усмотрѣли, что тѣло все предалось тлѣнію, а кости цѣлы и желты, яко воскъ. Приготовили ящикъ, положили въ него кости, и Архимандритъ Анатолій и іеродіаконъ Парѳеній привезли ихъ въ Аѳонскую Гору. Кости положены въ скиту Іліи Пророка, въ церкви Святителя Митрофана. Я самовидѣцъ, что кости желты яко воскъ, и нѣкое испускаютъ благоуханіе (*).

163. Воспомяну о великомъ старцѣ, схимонахѣ *Харалампіи*, родомъ болгаринѣ, жившемъ въ самой далекой пустынѣ, на мѣстѣ, называемомъ Лакъ. Онъ шестьдесятъ пять лѣтъ препроводилъ въ св. Горѣ Аѳонской безъ выхода. Пришелъ въ св. Гору пятнадцати лѣтъ, и десять лѣтъ прожилъ у старца своего въ послушаніи. По смерти старца поступилъ въ

(*) О старцѣ Анникитѣ см. ч. II. гл. 150 — 152.

общежитіе, и двадцать пять лѣтъ прожилъ въ общежитіи. Потомъ удалился въ пустыню, и тридцать пять лѣтъ прожилъ въ пустынѣ, одинъ съ единымъ Богомъ. Много претерпѣлъ скорбей и искушеній отъ врага, діавола, и отъ тѣлесныхъ недостатковъ и отъ разбойниковъ, а наипаче во время великаго смущенія: шесть лѣтъ жилъ почти безъ хлѣба, питаясь землею и травою. Удостоенъ былъ видѣній: сказывалъ своему духовному отцу Арсенію, что трижды сподобился видѣть Царицу небесную, Владычицу Богородицу, посѣщающую св. Аѳонскую Гору. Духовникъ сказалъ о томъ нѣкоторымъ, уже послѣ смерти его. Скончался онъ въ 1845 году, въ глубокой старости, на келіи, называемой *Сарай*. Росту былъ высокосредняго, лицомъ весьма сухъ; брада сѣдая, широкая и длинная, почти до колѣнъ. Проходила о немъ слава по всей Горѣ Аѳонской. Рукоположенія не имѣлъ, былъ схимонахъ. И былъ всѣмъ изъ Славянскаго рода искусный наставникъ. Слышалъ я отъ нѣкоторыхъ, что онъ имѣлъ даръ прозорливства.

164. Былъ великій старецъ пустынножитель, схимонахъ *Серафимъ*. Родомъ былъ грекъ, жилъ въ пустынѣ, между монастырей Дохіара и Ксенофа; препроводилъ въ Аѳонѣ пятьдесятъ пять лѣтъ: пятнадцать лѣтъ — въ общежитіи подъ послушаніемъ, а сорокъ лѣтъ — въ пустынѣ въ пещерѣ, яко птица, отнюдь не имѣя попеченія о своемъ тѣлѣ, ни о пищѣ, ни о одеждѣ. Упражнялся въ безпрестанной молитвѣ и богомысліи, и всегда изнурялъ свое тѣло трудами: безпрестанно долбилъ камень и дѣлалъ пещеры. Въ пещерѣ своей ничего не имѣлъ, ни одежды, ни

книгъ; и зелія никакого не садилъ, а пищу ему приносили изъ ближнихъ монастырей, кому Богъ по сердцу положить. А ежели не принесутъ, то терпѣть; а самъ никогда не выходилъ изъ своей пещеры. Много терпѣлъ скорбей во время смущенія, отъ разбойниковъ и отъ глада: многое время пребывалъ безъ хлѣба, и питался травою. Скончался въ глубокой старости, въ 1844 году.

165. Достойно воспоминать о великомъ блаженномъ старцѣ, схимонахѣ *Никодимѣ*, жившемъ на Капсалѣ, скончавшемся въ 1818 году. Я засталъ на Аѳонѣ многихъ, которые съ нимъ жили, и его труды и подвиги своими очами видѣли. О немъ свидѣтельствуется множество его сочиненій, явно показывающихъ о его великомъ ученіи и благодати Св. Духа, жившей въ немъ. Онъ родился на славномъ островѣ Архипелажскомъ, только подлинно не знаю — на какомъ. Съ малолѣтства поступилъ въ ученіе; и проходилъ ученіе болѣе пятнадцати лѣтъ. Учился у разныхъ знаменитыхъ учителей, и изучился премудрости духовной и внѣшней, и сдѣлался великій богословъ.

Разсмотрѣвъ суету міра сего, онъ удалился въ св. Гору Аѳонскую, постригся въ великую схиму, водворился въ пустыню, и проживалъ на Капсалѣ пятьдесятъ лѣтъ; писалъ книги, и всего написалъ тридцать томовъ. Онъ собралъ и написалъ аѳонскій общій Патерикъ; написалъ иже во Аѳонѣ подвижавшимся общую службу. Онъ былъ великій ревнитель по благочестіи, по Св. Восточной Церкви православной. Написалъ многія книги противъ западныхъ еретиковъ, противъ Папы Римскаго и лютеранъ. Написалъ двѣ книги о боготворной умной молитвѣ. Въ книги свои

онъ весьма многое заимствовалъ изъ древнихъ , кожаныхъ и харатейныхъ , рукописей , сочиненій разныхъ древнихъ св. Отцевъ : такими рукописями наполнены аѳонскія библіотеки , которыя старцу Никодиму всѣ были отворены ; и часто онъ сживалъ по три дня въ одной библіотекѣ , безъ пищи. Онъ вновь украсилъ греческую , обветшалую отъ турецкаго тяжкаго ига , св. церковь. Онъ былъ великій постникъ и имѣлъ даръ слезъ. Многожды Патріархъ присылалъ за нимъ , чтобы рукоположить его въ Епископа ; но онъ не хотѣлъ быть и іеромонахомъ , ниже іеродіакономъ ; а только въ монашескомъ чинѣ препроводилъ жизнь свою , и въ глубокой старости преставился ко Господу. По обычаю аѳонскому , чрезъ три года откопали кости его ; глава его сохраняется донынѣ , и испускаетъ благоуханіе. Онъ оставилъ по себѣ вѣчную память въ своихъ сочиненіяхъ. Греки , когда ихъ читаютъ , читаютъ со слезами. Благо было бы , ежели бы русскіе приложили стараніе сдѣлать переводъ сочиненій старца Никодима съ греческаго на російскій языкъ (*).

166. Теперь вспомяну о блаженнѣйшемъ старцѣ (только позабылъ его имя) , родомъ грекъ , жившемъ въ скиту Кавсокалибѣ. Я въ живыхъ его не засталъ , ибо прежде меня за малое время преставился ; но мнѣ о немъ сказывали тѣ , которые его своими очами видѣли. Брада у него была — какъ у Онуфрія Великаго или у Петра Аѳонскаго , на четверть лежала на землѣ. Когда кто желалъ браду его посмотрѣть , то

(*) См. ч. II. гл. 105.

онъ становился на скамейку, и тогда брада его висѣла до земли.

Онъ прежде былъ первый и славный пѣвецъ по всему Аѳону, и не было подобнаго голоса во всей св. Горѣ Аѳонской; во всѣ монастыри просили его на праздники для пѣнія. Въ одинъ праздникъ пѣлъ онъ всенощное бдѣніе, и тщеславился своимъ голосомъ; послѣ того пропалъ у него голосъ, и не могъ уже ничего пѣть, и отъ того впалъ въ великую скорбь, и приходилъ въ уныніе и отчаяніе. Сказывали мнѣ: было ему видѣніе и отъ Царицы Небесной извѣщеніе, что отнялся у него голосъ за то, что не умѣлъ имъ владѣть, а только тщеславился, но что въ утѣшеніе дана будетъ ему великая брада; только бы паки не тщеславился, а то и ея лишится. И начала расти брада его, и выросла на четверть ниже ногъ. И онъ всегда носилъ ее подвязану, и показывалъ только тѣмъ, кто пожелаетъ посмотрѣть и о томъ попросить.

Въ одно время въ Константинополѣ проѣзжалъ Султанъ Махмудъ мимо патріархіи, и захотѣлъ посмотрѣть Христіанскую церковь. Встрѣтилъ его самъ Патріархъ; и Султанъ много разсматривалъ въ церкви. Увидѣвши икону Петра Аѳонскаго и Онуфрія Великаго, сказалъ Патріарху: «вотъ у васъ есть ложь: какъ возможно, чтобы у людей такія были бороды?» Патріархъ ему смиренно отвѣтилъ, что это не ложь, а истинная правда, что и въ нынѣшнее время въ Горѣ Аѳонской есть монахъ, который имѣетъ такую длинную бороду. Султанъ скоро послалъ за нимъ. Онъ же, пріѣхавши, явился къ Султану. Султанъ приказалъ показать ему бороду. Онъ сталъ на диванъ, и

распустилъ свою браду. Султанъ весьма удивился, увидя, что брада длиннѣе, нежели какія на иконахъ видѣлъ. Потомъ самъ захотѣлъ испытать и увѣриться, не поддѣлана ли какъ: взялъ одинъ волосъ отъ самаго тѣла, и велъ по немъ рукою до самаго конца; и такъ пробовалъ три волоса. Потомъ, смотря на браду, сказалъ: «у хрисіанъ, что есть писано, то все сущая правда.» А монаху далъ фирманъ, чтобы оба они съ ученикомъ до смерти дани не платили, а жили на льготѣ. И до-нынѣ ученикъ его дани не платитъ.

А ученикъ его родомъ великороссіанинъ, города Одессы, купеческій сынъ. Шестнадцати лѣтъ оставилъ свой домъ, отца и мать, и все свое имѣніе и богатство, и пошелъ отъ юности поработать единому истинному Богу; пришелъ въ св. Аѳонскую Гору, обшелъ ее кругомъ, и посѣтилъ всѣ монастыри и скиты, и всю русскую братію. Но по совѣсти себѣ изъ русскихъ старца не нашелъ, и вознамѣрился жить съ греками, и избрать себѣ старца изъ числа грековъ. Услышавши объ ономъ старцѣ, пошелъ посмотреть на его браду. И пришедши, весьма умилился при видѣ его, и со слезами палъ ему въ ноги, и сталъ просить, да пріиметъ къ себѣ въ ученики. Старецъ, видя его весьма юна и еще браны не имуща, да еще и русскаго, и языка греческаго незнающаго, а въ скиту жить безбрадому не позволяется, — не хотѣлъ его принимать. Онъ же чрезъ переводчика сказалъ: «умру подлѣ келліи твоей, а прочь не пойду,» Старецъ долго не принималъ; а послѣ, видя его неизмѣнное намѣреніе и слезы, терпѣніе и смиреніе, принялъ. Но какъ въ скиту безбрадому жить

невозможно, то послалъ его въ Лавру св. Аѳанасія Аѳонскаго жить, пока покажется брада, и приказалъ ему учиться греческому языку и грамотѣ. И онъ прожилъ въ Лаврѣ шесть лѣтъ; выучился греческому языку, грамотѣ и пѣнію, такъ что превзошелъ и природныхъ грековъ, и никто не можетъ познать, что онъ не грекъ. Потомъ возвратился въ скитъ Кавскокалибу, къ своему брадатому старцу. Старецъ постригъ его въ монашество, потомъ понудилъ его принять хиротонію. Проживъ со старцемъ двадцать лѣтъ, ученикъ препроводилъ его на вѣчное блаженство; а самъ до-нынѣ живетъ въ старцевой келліи, и есть духовникъ всему скиту, грекамъ и русскимъ; а служить, поетъ и читаетъ, по-гречески, а по-русски хотя и говоритъ, но не скоро, потому что русскій языкъ уже много позабылъ. Жизнь проходитъ строжайшую; постриженъ уже въ великую схиму. По отъѣздѣ моемъ остался въ живыхъ.

167. Еще вспомяну о единомъ старцѣ, не задолго до меня скончавшемся, жившемъ выше скита св. Анны, въ непроходимой пустынѣ, на келліи св. Великомученика Пантелеимона, родомъ грекъ. Не имѣлъ онъ близко воды, и просилъ Божію Матерь, да дастъ ему хотя небольшой источникъ воды. И было ему въ сонномъ видѣніи извѣщеніе отъ Божіей Матери, и показано мѣсто, и сказано, чтобы онъ покопалъ на семъ мѣстѣ, и обрящетъ воду. Онъ же, по-утру воставши, началъ на показанномъ мѣстѣ копать, и абіе потекла вода ключомъ, холодная и легкая. И сему онъ весьма былъ радъ. Видя же, что много воды, началъ заводить себѣ огородъ, а потомъ болѣе и болѣе, потому что воды много; уже началъ оста-

влять и молитву, а болѣе упражняться въ огородѣ. Но въ одинъ день приходитъ онъ въ свой огородъ, и видитъ, что высохъ его источникъ, ниже капля осталась воды, и долженъ пропасть его весь огородъ. Онъ весьма огорчился и много плакалъ, и просилъ Божию Матерь, да проститъ его согрѣшеніе, и дастъ ему воды. И паки отъ Божіей Матери было ему извѣщеніе, что ему вода не на пользу, что дана была ему вода, а онъ завелъ огородъ, и оставилъ Господа, и умъ весь прилѣпилъ къ земному, къ своему огороду; но что паки дана будетъ ему вода, но не много, и чтобы остерегался, да не паки прогнѣваетъ Господа Іисуса. Старецъ по-утру пошелъ посмотрѣть: и паки вода потекла, но немного, только для питья; она и до-нынѣ течетъ.

168. Еще вспомяну о великомъ старцѣ и постникѣ, о аѳонскомъ всеобщемъ духовникѣ, іеросхимонахѣ *Неофитѣ*, живущемъ на мѣстѣ Керася. Родомъ онъ грекъ, изъ Азіи, изъ страны Капподакійскія, но языка турецкаго. Болѣе сорока лѣтъ живетъ въ Аѳонѣ; великій постникъ, и имѣетъ даръ прозорливства.

Въ одинъ день, въ его виноградникъ взошелъ кабанъ, т. е. дикая свинья, и началъ опустошать виноградъ; ученики, увидѣвши сіе, сказали старцу. Онъ пошелъ къ кабану, и подошедши, взялъ его за ухо, подралъ и сказалъ: «за чѣмъ ты пришелъ въ чужой виноградъ? въ другой разъ не ходи, а то бить буду; а теперь иди.» Кабанъ побѣжалъ въ лѣсъ; но чрезъ нѣсколько дней паки пришелъ, и былъ уже наказанъ жезлами, и паки отпущенъ. Чрезъ нѣсколько дней паки пришелъ. Тогда старецъ приказалъ ему стоять весь день на одномъ мѣстѣ. И кабанъ стоялъ на

одномъ мѣстѣ , и не могъ съ мѣста двинуться. Въ тотъ день шли мимо этого саду войны , которые охраняють Аѳонскую Гору ; увидѣвши въ саду кабана , хотѣли въ него стрѣлять. Но духовникъ запретилъ , и сказалъ : « теперь онъ не вашъ , не трогайте : онъ править канонъ ; а когда отправитъ и убѣжитъ въ лѣсъ , тогда волю имѣете дѣлать , что хотите. » Вечеромъ кабанъ былъ отпущенъ.

Духовникъ Неофитъ есть одинъ изъ числа четырехъ великихъ аѳонскихъ столповъ. Было одному монаху откровеніе ; видѣлъ онъ четыре великіе столпа , которые поддерживаютъ всю Аѳонскую Гору , и былъ ему гласъ , что сіи четыре столпа суть четыре аѳонскіе духовника , поддерживающіе всю аѳонскую братію: первый столпъ—іеросхимонахъ Григорій , болгаринъ ; второй столпъ — іеросхимонахъ , духовникъ Арсеній , великороссіанинъ ; третій — іеросхимонахъ Григорій , грекъ ; четвертый — духовникъ , іеросхимонахъ Неофитъ , грекъ. По отъѣздѣ моемъ сіи послѣдніе двое остались еще въ живыхъ , еще своею жизнію просвѣщаютъ Аѳонскую Гору.

169. Еще вспомяну великаго старца , схимонаха *Григорія* , живущаго въ Иверскомъ скиту Іоанна Предтечи. Родомъ онъ грекъ ; шестьдесятъ лѣтъ живетъ въ св. Горѣ Аѳонской ; великій подвижникъ и постникъ , великій по Христѣ Богѣ ревнитель , и бодрый христіанскаго благочестія хранитель. Всѣ съ благоговѣніемъ смотрятъ на его святолѣпныя сѣдины. Онъ въ жизни своей великія сотворилъ дѣла для Вселенской Св. Восточной Церкви. Сами Патріархи его уважають и почитають. Хотя онъ и простой монахъ , и рукоположенія не имѣетъ , но весьма ученъ , и жиз-

нію своею всѣхъ просвѣщаетъ и назидаетъ, и проходитъ о немъ слава по всей Греціи. Онъ многихъ препослалъ ко Христу, убѣдилъ отвергнуться магометанскаго заблужденія и отречься проклятаго Магомета. Многіе по его наставленіямъ проліяли кровь свою за Господа Бога, Іисуса Христа, и приняли вѣнецъ мученическій. Трое мученическихъ мощей, трехъ его учениковъ, препочиваютъ у него въ келліи; въ Иверскомъ монастырѣ творять имъ память, и совершаютъ въ честь ихъ всенощное бдѣніе, ибо отъ нихъ явлены чудеса; но я не помню ихъ имена. А мучили ихъ въ Константинополѣ, по повелѣнію Султана Махмуда, около 1820 года. Самъ старецъ Григорій ѣздилъ съ ними въ Константинополъ, укрѣплялъ и утѣшалъ ихъ въ мученія. По многихъ мукахъ осудили ихъ на вечное посѣченіе, и старецъ принималъ изъ-подъ меча главы ихъ, и своими слезами омывалъ ихъ. Потомъ златомъ купилъ тѣлеса ихъ, при помощи константинопольскихъ христіанъ, и привезъ ихъ самъ въ св. Аѳонскую Гору. Встрѣтили ихъ въ Иверскомъ монастырѣ, со свѣщами, хоругвями и иконами, яко новыхъ исповѣдниковъ, пострадавшихъ за имя Іисусъ Христово.

Старецъ Григорій уже весьма старъ и сѣдъ, бѣлъ, яко снѣгъ: росту высокосредняго; брада длинная и широкая, ниже пояса, и бѣлая; лицемъ весьма сухъ; очи наполнены слезъ; но веселъ. Одежду носитъ ветхую и многошвенную. Пропитаніе имѣетъ отъ своего рукодѣлія. Живетъ ихъ на келліи четверо: два старца, и два у нихъ ученика. По-русски ничего не знаютъ. Каждую субботу старецъ Григорій выходитъ на Карею продавать свое рукодѣліе. А руко-

дѣліе у нихъ такое : вырѣзываютъ печати для просфоръ и кресты. По моемъ отшествіи остались въ живыхъ (*).

170. Еще теперь вспомяну блаженнѣйшаго схимонаха *Никодима* ; жилъ онъ подъ монастыремъ Ставроникитою, на келіи св. Архангелъ. Родомъ былъ великороссіанинъ, Курской губерніи, города Стараго-Оскола, изъ мѣщанъ. Въ юности оставилъ мірское попеченіе, домъ, родителей и имѣніе. Прежде странствовалъ много по Россіи, и проживалъ по разнымъ руссійскимъ монастырямъ. Былъ великій ревнитель по Христовой Церкви, и не терпѣлъ видѣть раскольническаго двухперстнаго сложенія ; со многими раскольниками входилъ въ преніе, и многихъ убѣдилъ присоединиться къ православной Церкви. Весьма любилъ онъ читать и слушать божественное Писаніе и отеческое. Потомъ возымѣлъ съ своимъ другомъ непремѣнное желаніе путешествовать въ св. Аѳонскую Гору, для препровожденія остальной своей жизни. Пришедши въ свой городъ, убѣдилъ своихъ двухъ родныхъ по плоти братьевъ — оставить суетный міръ со всеми его прелестями, взять крестъ свой, и идти во слѣдъ Господа своего Іисуса Христа, тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ иноческаго житія ; еще и другихъ нѣкоторыхъ убѣдилъ послѣдовать Христу. И они изъ Стараго-Оскола, своего города, привели съ собою, въ св. Аѳонскую Гору, пятнадцать человѣкъ. Изъ нихъ нѣкоторые скончались, а нѣкоторые и доднесь живы пребываютъ.

(*) Старецъ Григорій скончался въ 1853 году.

Прибывъ въ Св. Гору, купилъ онъ себѣ келлію, съ малою церковію св. Архангелъ, препоручилъ себя духовнику Арсенію, постригся отъ него въ великую схиму, и поживъ во Аѳонѣ два года, съ миромъ скончался и погребенъ. По обычаю аѳонскому, черезъ три года откопали его кости, и обмывши поставили ихъ посреди церкви. Во время всенощнаго бдѣнія, кости его испустили благоуханіе; изъ главы и изъ обоихъ ушей отъ сухой кости истекло благовонное миро. Всѣ братія неизреченной радости исполнились, и прославили Господа Бога, Царя Небеснаго, Іисуса Христа, творящаго дивная чудеса.

Братъ его монахъ Филиппъ до-нынѣ въ живыхъ обрѣтается (*).

171. Еще воспоминаю Преосвященнѣйшаго Архіепископа *Панкратія*, родомъ грека. Препровождаетъ жизнь свою въ Аѳонѣ болѣе сорока лѣтъ; всегда находится въ трудахъ: работаетъ рукодѣліе и копаетъ землю, и насаждаетъ овощи, и тѣмъ пропитывается. Часто служитъ Литургію. Славится жизнію по всей Горѣ Аѳонской. До-нынѣ въ живыхъ обрѣтается.

172. Близъ Карей, на покоѣ живетъ Митрополитъ *Каллиникъ*, съ острова Самоса, препровождаетъ постническую жизнь.

173. Въ обители Ватопедской живетъ на покоѣ блаженнѣйшій Митрополитъ Адрианопольскій, *Григорій*, родомъ грекъ, великій подвижникъ, имѣетъ даръ прозорливства и слезный. Въ родѣ его было много мучениковъ, за имя Іисусъ Христово пострадавшихъ отъ безбожныхъ турковъ.

(*) См. ч. II. гл. 138, 139.

174. Еще знаю въ Ватопедѣ одного юнаго іеродіакона, родомъ грека, великаго постника, прозорливца. Еще отъ пеленъ благодать Святаго Духа въ него вселилась. Пришелъ онъ въ Св. Гору, въ Ватопедскую обитель, четырнадцати лѣтъ отъ рожденія своего, и не вкусилъ пищи съ братіей, ни рыбы, ни сыра, ни вина, ни масла, а употреблялъ только сухой хлѣбъ и воду,—и то чрезъ день; никогда ни съ кѣмъ не разговаривалъ, кромѣ духовнаго отца; никто не видалъ его смѣющагося, или улыбающагося; но всегда очи его наполнены слезъ. Толикую имѣлъ чистоту сердечную и даръ прозорливства, что зналъ братія тайныя помышленія: иныхъ самъ тайно обличалъ, а объ иныхъ открывалъ духовному своему отцу. Ватопедскіе отцы, видя, что послалъ имъ Господь земнаго ангела и небеснаго человѣка, скоро постригли его въ монашество, въ великій ангельскій образъ, и сдѣлали его еkkлeсiархомъ, т. е. пономаремъ. И я многожды видалъ его еkkлeсiархомъ. Когда немного возмужалъ, — рукоположенъ въ іеродіакона, и доннынѣ іеродіаконъ; но скоро посвященъ будетъ въ іеромонаха, только какъ годы совершатся. А мнѣ его указалъ, и сказывалъ про его жизнь, схимонахъ Севастіанъ.

175. Скажу и о старцѣ, схимонахѣ *Севастіанѣ*. Онъ родомъ изъ великороссіанъ, проживаетъ во св. Горѣ Аѳонской болѣе сорока лѣтъ. Живетъ близъ Ватопедскаго монастыря, близъ моря въ пещерѣ. Живетъ, яко птица, въ совершенномъ нестяжаніи. Въ келіи ничего не имѣетъ. Пропитаніе имѣетъ отъ рукодѣлія. И всегда пребываетъ веселъ и радостенъ. О земномъ

никакого не имѣетъ попеченія, но весь вперенъ во единомъ Богѣ.

176. Въ киновіи Есфигменской обрѣтается великій старецъ, прежде бывшій Архіепископъ Болгарскій, нынѣ препровождающій жизнь свою на покой; постриженъ уже въ великую схиму, и почитается кти-
торомъ сей обители: ибо соборный храмъ весь рас-
писалъ иконнымъ стѣннымъ писаніемъ.

177. Великій постникъ—схимонахъ *Салаѳимъ*. Онъ родомъ изъ малороссіанъ, живетъ подъ монастыремъ Хилендаремъ, въ глубокой пустынѣ. Прежде жилъ въ Молдавіи, въ Нямецкомъ монастырѣ, и былъ сла-
вный пѣвецъ. Потомъ удалился во св. Аѳонскую Гору, и вселился въ глубочайшую пустыню. Изсу-
шилъ плоть свою постомъ и бдѣніемъ, такъ что я, не выдавши его два года, только по голосу могъ узнать. При самомъ моемъ отъѣздѣ сподобился его еще видѣть въ монастырѣ Хилендарѣ. Великій имѣетъ даръ слезный.

178. Теперь взойду въ свою русскую обитель, св. Великомученика Пантелеимона, въ славную киновію, въ прекрасный великій вертоградъ. Въ семъ верто-
градѣ и я окаянный, дикая и безплодная маслина, былъ посаженъ; но не дано мнѣ окаянному вы-
рости, и плоды принести: исторгнуть я окаянный младъ и зеленъ, яко безплодное и неподобное древо; выброшенъ изъ вертограда, дабы все не упражнялъ мѣста, и не мѣшалъ расти прекраснымъ плодовитымъ
древамъ.

Какое райское древо буду прежде описывать, или съ котораго плоды прежде начну показывать? Не

знаю и недоумѣваю. Начну съ того, которое прежде всѣхъ было посажено.

179. Упомяну во-первыхъ о великомъ старцѣ шестилѣтнемъ іеродіаконѣ, схимонахѣ *Венедиктъ*; онъ препроводилъ въ св. Горѣ Аѳонской болѣе осмидесяти лѣтъ. По своему ученію и благочестивой жизни былъ достоинъ епископскаго сана. И трижды Патриархъ за нимъ присылалъ, чтобы хиротонисать во епископа. Но онъ не захотѣлъ принять и іеромонашества: въ санѣ іеродіакона и скончался. Сей блаженнѣйшій старецъ принялъ въ Русикъ русскихъ братій, и оставилъ ихъ по себѣ наслѣдниками. По смерти его, чрезъ три года откопали его кости, и оказались благодатными (*).

180. Достойно вспомнить блаженнѣйшаго моего старца, іеросхимонаха и игумена *Герасима*. Родомъ онъ изъ Македоніи, пятнадцати лѣтъ поступилъ въ монастырь, и болѣе пятидесяти лѣтъ пребываетъ въ монашествѣ. Имѣетъ удивительный даръ разсужденія. Двѣсти человѣкъ у него духовныхъ чадъ, и всѣми управляетъ, не властительски, но отечески, — кого наказываетъ, кого наставляетъ, кого со слезами увѣщаваетъ, и всѣхъ любитъ, яко отецъ чадолюбивый. Никогда у него келлія не затворяется, яко лечебница. И всѣ братія, духовныя его чада, здоровіи и болящии, спѣшатъ къ своему пастырю, къ духовному своему врачу, и открываютъ и показываютъ ему душевныя свои язвы. Онъ же, яко искусный врачъ, всѣхъ лечуетъ и отпускаетъ изъ келліи своей здоровыхъ, и каждый исходитъ въ радости и веселіи, и

(*) См. ч. II. гл. 112, 113, 154, 156, 158.

поспѣшаетъ на свое послушаніе. Онъ же, проводивши всѣхъ, и самъ исходитъ изъ своей келліи. Прежде посѣщаетъ болящихъ братій, потомъ обходитъ всѣ келліи, и посѣщаетъ всѣхъ рабочихъ и руководѣльщиковъ; потомъ исходитъ внѣ монастыря и посѣщаетъ всю братію, трудящуюся на разныхъ послушаніяхъ, и самъ съ ними трудится. И такъ препровождаетъ дни въ безпрестанныхъ трудахъ. На трудахъ братію никогда не понуждаетъ, но еще удерживаетъ, и часто приказываетъ отдыхать. Въ церкви всегда является прежде всѣхъ. Иногда взойдемъ въ церковь, еще изъ братій нѣтъ ни единого, а игумень уже стоитъ на своемъ мѣстѣ. Пищи, кромѣ общей братской трапезы, не употребляетъ. Часто въ трапезѣ говоритъ изустныя поученія, и даетъ братіи наставленія, а иногда и обличаетъ братскія немощи и недостатки; но имя ни чье не объявляетъ, только даетъ понимать. А говоритъ всегда со слезами и съ отеческою любовію, и всю братію приводитъ въ слезы. И смотрятъ на него всѣ братія, какъ на Ангела, и повинуются ему, какъ Богу, и трепещутъ его, какъ царя, а любятъ его какъ отца: и довѣрили ему свои души съ тѣлесами, какъ врачу и пастырю, и руководителю въ царствіе небесное. И не только одни его чада почитаютъ, но и вся св. Аѳонская Гора его ублажаетъ, яко строгаго хранителя общежительныхъ иноческихъ уставовъ. И я получилъ отъ него отеческое благословеніе, когда отправился въ дальній путь, назначенный мнѣ отъ Бога. Онъ, по отъѣздѣ моемъ, остался въ живыхъ, украшенъ сѣдинами, яко снѣгъ. Прошу Господа, да продлитъ жизнь ему для общей пользы братій.

Упомяну вкратцѣ о томъ, какъ старецъ Герасимъ поступалъ съ братіей, какъ немощныхъ немощи носилъ, гордыхъ подвижниковъ смирялъ, разрушающихъ общежительные уставы и своевольниковъ изъ обители изгонялъ.

Въ одно время пришелъ къ намъ въ обитель монахъ Аврамій, родомъ великороссіянинъ, съ Дону, изъ господъ, прежде жившій въ скиту, и началъ проситься къ намъ въ обитель жить, а ходатайствовалъ за него духовникъ Іеронимъ; просился съ тѣмъ, чтобы приняли отъ него въ обитель двадцать тысячъ левовъ, а на послушаніе не посылали. Игуменъ спросилъ: «что же ты будешь дѣлать?» Онъ отвѣчалъ, что будетъ Богу молиться. Игуменъ сказалъ: «Хорошо; я этому радуюсь. Ежели бы у меня всѣ братія согласились безпрестанно молиться Богу, то я ни одного не послалъ бы на послушаніе; потому что настоящее дѣло монаху есть молитва, а прочее послушаніе есть подѣліе, данное для препровожденія времени и во избѣжаніе унынія. Но ежели бы не было послушанія, то бы у меня въ обители не осталось двадцати человѣкъ; а теперь, когда есть послушаніе, имѣется двѣсти человѣкъ; потому что каждому весело и радостно на послушаніи общемъ. Есть время помолиться, и есть время потрудиться; есть время вкушать пищу, и есть время спать, потому что каждый имѣетъ плоть и кровь. А кто любитъ Господа отъ всего сердца своего, тотъ можетъ безпрестанно молиться умною молитвой, которой тѣлесные труды не препятствуютъ, даже еще вспомо- ществуютъ. Ежели и ты такъ можешь молиться, то я тебя прииму, и упокою и безъ денегъ твоихъ; а деньги отдай, куда знаешь. А ежели такъ молиться не

можешь, то намъ и деньги твои не нужны. Мы въ монастырѣ живемъ,—не деньги собираемъ, а души спасаемъ. А хотя кто и деньги принесетъ,—мы не отринемъ, и употребимъ ихъ на монастырскую нужду, но только тотъ долженъ повиноваться всѣмъ общежительнымъ уставамъ, и отсѣчь собственную свою волю; а мы сверхъ силы ни на кого ничего не налагаемъ, а только кто что можетъ понести.» Столько былъ старецъ игуменъ Герасимъ нестяжателемъ и разсудителемъ!

Еще случилось тому подобное. Жилъ у насъ въ обители одинъ монахъ, уже постриженный въ схиму, родомъ грекъ. Онъ положилъ великую сумму денегъ въ обитель, но еще и себѣ оставилъ немного. Игуменъ ему говорилъ: «Ежели хочешь съ нами жить, то у себя ничего не оставляй: это теперь состоитъ въ твоей доброй волѣ. А ежели тебѣ жалко денегъ, и не хочешь съ ними разстаться, то и ничего не давай, а съищи такое мѣсто, гдѣ можешь съ ними жить. А ежели ты утаишь, и послѣ смерти окажутся: то онѣ брошены будутъ съ тобой въ могилу, и ты, яко разрушитель общежитія, не сподобишься братскаго поминовенія.» Онъ отвѣтилъ: «отче св., что имѣю, то все отдаю.» Игуменъ принялъ его, и потомъ постригъ въ великую схиму. Монахъ былъ весьма смиренъ и кротокъ, и полезенъ для обители, какъ хорошій мастеръ и столяръ. Братія весьма любили его. Но игуменъ провидѣлъ таящагося въ немъ змія сребролюбія, и часто его призывалъ и увѣщавалъ со слезами, чтобы объявилъ свои деньги. Онъ же въ закоснѣніи говорилъ, что больше не имѣетъ. Игуменъ, видя его закоснѣніе и гибель души приближающуюся, захотѣлъ его испра-

вить. Въ одинъ день при всей братіи приказалъ нѣ-
 которымъ изъ братій выгнать его изъ обители съ
 безчестіемъ, и выбросить все его имущество, и вы-
 далъ ему его деньги. Онъ денегъ не взялъ, и ска-
 залъ, что деньги пожертвованы въ обитель вѣчно.
 Братія о немъ весьма сожалѣли и плакали, и на игу-
 мена весьма скорбѣли, что безъ милости наказалъ
 такого смиреннаго человѣка. Монахъ, вышедши изъ
 обители, нашелъ себѣ товарища, и купилъ келлію;
 заплатилъ четыре тысячи левовъ, а двѣ тысячи упо-
 требилъ на постройку. Тогда всѣ братія уразумѣли,
 почему его игумень выгналъ изъ обители. Но когда
 онъ купилъ келлію, и деньги всѣ издержалъ; то на-
 пало на него уныніе, и больше не могъ жить въ кел-
 лии: отдалъ ее товарищу, а самъ паки пришелъ въ
 монастырь, и сталъ просить вратаря, чтобы доложилъ
 игумену, что хочетъ просить прощенія; вратарь сказалъ
 игумену. Игумень, сіе услышавши, выбѣжалъ самъ,
 принялъ его въ свои объятія, и сказалъ: «всѣ ли свои
 деньги истратилъ? не осталось ли еще?» Онъ же со
 стыдомъ и со слезами отвѣтилъ: «Прости меня, отче
 святой, что согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою.
 Теперь больше ничего не осталось, кромѣ грѣховъ
 моихъ.» Игумень сказалъ ему: «и я теперь радуюсь,
 что Господь тебя очистилъ: теперь и ты уже будешь
 монахъ.» И далъ ему келлію. Вообще старецъ Гера-
 симъ каждый почти день дѣлаетъ дѣла, удивленія до-
 стойныя: онъ знаетъ, кого какъ наказать, и кому про-
 стить немощи.

181. Воспомяну теперь о блаженнѣйшемъ моемъ
 старцѣ, по отцѣ Арсеніи второмъ духовникѣ, іеросхи-

монахѣ *Іеронимѣ*, созерцательнаго безмолвія усердномъ любителѣ и искусномъ хранителѣ, и многимъ монахамъ наставникѣ. Уроженецъ онъ изъ Великой Россіи, Курской губерніи, города Стараго-Оскола, изъ купцовъ, фамиліи Соломенцовыхъ, назывался Иванъ. Отъ самой юности своею возлюбилъ Господа Бога своего отъ всея души своея и отъ всего помышленія своего, и желалъ оставить мірскую суету и попеченіе, родителей своихъ, домъ и богатство, и идти во слѣдъ Христа, узкимъ и прискорбнымъ путемъ иноческаго житія; но удерживаемъ былъ отъ родителей до совершеннолѣтія, до двадцати-пяти лѣтъ, по той наипаче причинѣ, что старшій его братъ поступилъ уже въ монастырь. И онъ не беспокоилъ своихъ родителей до назначенныхъ ему лѣтъ. У него была еще родная сестра осьмнадцатилѣтняя, необыкновенной красоты. Родители ей накупили на много тысящъ одежды и разнаго убранства, приготавливая въ замужство. И прошла о ней молва въ другихъ городахъ. Многіе богатые купцы желали ее обручить своимъ сыновьямъ. Но родители избирали ей жениха не богатаго, а благочестиваго. Братъ же ея, Иванъ Павловичъ, уговаривалъ и увѣщавалъ ее, чтобы она не ходила замужъ, и не предала своей красоты смертному жениху, а соблюла свое драгоцѣнное дѣвство, и предала свою красоту своему Творцу, Небесному Жениху, съ Которымъ будетъ вѣчно жить и царствовать. Она стала на это соглашаться, но только говорила: «Какъ я это могу объявить моимъ родителямъ? Они на это будутъ не согласны, еще и весьма на меня оскорбятся, потому что они много на меня накупили одежды, и много истратили денегъ. Они не будутъ меня и

слушать.» Но братъ общался самъ о ней родителей просить.

Дождавшись назначенныхъ ему лѣтъ, т. е. двадцати пяти, и избравши свободное время, когда родители пили чай, Иванъ пришелъ къ нимъ, палъ предъ ними на колѣни, и сталъ со слезами просить ихъ, и говорилъ: «Дражайшіе мои родители! хочу обезпокоить васъ своею просьбою; вы же не прогнѣвайтесь на меня, но исполните мое желаніе, которое я имѣю съ самыхъ малыхъ лѣтъ моихъ: отпустите меня въ монастырь. Я ваше желаніе исполнилъ: теперь совершилось мнѣ двадцать пять лѣтъ, и имѣю уже совершенный свой разумъ.» Родители, сіе слышавши, оба горько заплакали. Въ тотъ же часъ пришла и дочь ихъ, и она пала на колѣни предъ родителями, и слезно заплакала. Родители спросили ее: «а ты что хочешь?» Она же начала говорить: «Милые мои родители! простите меня, что я отягощу васъ просьбою; можетъ быть, даже и оскорблю васъ. Любезные мои родители! отпустите меня въ монастырь, для провожденія тамъ остальной моей жизни; а въ замужество я не пойду, и ниже подумаю.» Родители, слышавши сіе, весьма на нее прогнѣвались, а наипаче на сына своего, и сказали ему: «Ты это намъ наводишь такія скорби; мало того, что самъ насъ оставляешь, и до конца насъ огорчаешь, еще и сестру свою, а нашу любезную дочь, уговорилъ идти въ монастырь. За это и самого тебя не отпустимъ. А когда хочешь, чтобы сестру твою отпустили въ монастырь, то общайся самъ ты пожить съ нами еще два года, это уже за сестру твою; а потомъ и тебя отпустимъ.» Онъ же, хотя и со скорбію, согласился; и далъ расписку, что боль-

ме родителей не беспокоить. Потомъ, въ скорости отправили сестру его въ монастырь въ городъ Орелъ, въ дѣвичій монастырь къ родной ея теткѣ. А Иванъ остался у родителей еще на два года.

Но что онъ претерпѣлъ въ сіи два года скорбей и искушеній, никогда безъ слезъ не могъ о томъ вспоминать. Напали на него страсти плотскія, и вооружились на него искушенія. Возсталъ на него діаволъ съ своими силами. Открывалъ ему и міръ свою пропасть, и показывалъ свои прелести и утѣхи. Родители и всѣ сродники начали со слезами его уговаривать и упрашивать, чтобы отложилъ намѣреніе поступить въ монашество, а остался въ мірѣ, и женился. И охватила его такая страшная буря, среди великаго моря, среди многоволнистаго міра, что едва не потонулъ и не погрязъ въ суетномъ мірѣ. Терпя нападеніе на него страстей и унынія, онъ лишился позова на пищу, весь высохъ, и началъ уже въ умѣ мѣшаться. Видя, что ему угрожаетъ гибель, а помощи ни откуда нѣтъ, въ одну ночь вышелъ въ садъ, который былъ близъ дома, сталъ подъ деревомъ, называемомъ груша, палъ на колѣни, и возвелъ свои душевныя очи ко Господу Богу, и сталъ со слезами просить Его милосердіе, да подастъ ему руку помощи, и избавить и освободить его отъ скорбей и отъ страстей, и говорилъ: «аще не Ты, Господи, поможешь мнѣ, то уже болѣе не могу терпѣть; или, Господи, возьми отъ меня душу мою, или избави меня отъ страстей»; и иное многое въ молитвѣ своей со слезами говорилъ. Около полнощи спалъ съ небеси на него яко огонь, но не опалилъ его, а только исполнилъ сердце его неизреченной радости. И не могъ онъ болѣе терпѣть, палъ

на землю, и сдѣлался внѣ себя. Прошелъ яко огонь во всѣ кости и жилы его, и онъ лежалъ, яко мертвъ. Когда начали благовѣстить къ утрени,—онъ очуствовался, пришелъ въ себя, и всталъ. И сдѣлался новъ человекъ: сердце исполнено неизреченныя радости, и самъ весьма сдѣлался легокъ; страстей и помысловъ обуревающихъ не чувствуетъ. И пошелъ въ церковь къ утрени, и благодарилъ Господа Бога, что скоро послалъ ему помощь, и избавилъ его отъ належащихъ страстей. Послѣ утрени, пришедши домой, увидѣлъ, что древо, подъ которымъ онъ ночью стоялъ, засохло, листь и плоды всѣ съ него спали. Увидѣвши сіе, всѣ домашніе много тому удивлялись, что такое сдѣлалось съ деревомъ: вечеромъ стояло зелено и весело, а поутру очутилось сухо, и листь весь опалъ; но Иванъ никому ничего не повѣдалъ, а только благодарилъ Господа. Послѣ того никогда у него не бывало ни страстныхъ помысловъ, ни сонныхъ грѣховныхъ мечтаній.

Проживши въ домѣ у родителей до назначеннаго времени, до двадцати семи лѣтъ, съ однимъ духовнымъ своимъ братомъ Николаемъ, пошли странствовать по Россійскимъ монастырямъ; въ нѣкоторыхъ довольное время жили. И разсмотрѣли они, что въ Россійскихъ монастыряхъ живя, священства избѣжать не могутъ, а въ священствѣ проходить внутреннее безмолвіе весьма труднымъ находили для себя. Потому рѣшились удалиться изъ Россіи въ св. Гору Аѳонскую, въ тихое и небурное пристанище, въ глубочайшую пустыню, и препровождать жизнь свою въ тишинѣ и въ безмолвіи, единымъ съ единымъ Богомъ. Потомъ пошли во градъ Воронежъ поклониться мощамъ новоявленнаго Святителя Митрофана. Тамъ вздумали спро-

сять одного юродиваго: есть ли имъ воля Божія идти во св. Гору Аѳонскую? Когда пришли къ нему, — онъ прежде ихъ вопроса началъ имъ говорить: « Идите, мои братія, старооскольцы, идите въ св. Гору Аѳонскую, идите: ты, братъ мой Николай, прійдешь туда, да немного поживешь, получишь схиму, да отправишься въ невозвратный путь; а ты, братъ мой Іоаннъ, прійдешь во Аѳонъ, да свой улей пчелъ заведешь, да будешь рой отпускать. Идите, Богъ васъ благословить!»

Потомъ они пришли въ свой градъ, и еще многихъ съ собой уговорили, и получивъ заграничные паспорта, отправились въ путь, изъ одного города Стараго-Оскола пятнадцать человѣкъ, и прибыли въ Аѳонскую Гору. Здѣсь избрали себѣ пастыря и отца духовнаго, іеросхимонаха и пустынножителя, духовника Арсенія, препоручили ему свои души, и требовали отъ него наставленія — какъ имъ препровождать жизнь свою? Онъ благословилъ имъ купить себѣ келліи. Они купили, каждый по своему желанію. Нашъ старецъ купилъ келлію св. Пророка Іліи, а другъ его Николай купилъ келлію св. Архангелъ, подъ монастыремъ Ставреникитою. Потомъ духовникъ Арсеній постригъ ихъ въ полное монашество: Іоанна наименовалъ *Іоанникиемъ*, а Николая наименовалъ *Никитою*, а потомъ постригъ въ великую схиму, и нарекъ *Никодимомъ*. Отецъ Никодимъ пожилъ во св. Горѣ Аѳонской только два года, и помре (*); а отецъ Іоанникій жилъ въ своей келліи семь лѣтъ, въ теченіе которыхъ и меня

(*) См. гл. 170.

принялъ къ себѣ въ ученики, по благословенію старца и духовника Арсенія. И живши я съ нимъ, не могъ постигнуть глубину его смиренія и терпѣнія. Жилъ я съ нимъ три года, и не замѣчалъ, чтобы онъ когда на кого оскорбился, или сказалъ какое слово укорительное про брата своего. Хотя и великія скорби на него наводимы были по вражію наущенію, но онъ все побѣждалъ своимъ смиреніемъ и терпѣніемъ. Насъ было у него три ученика, и мы во всѣ минуты пользовались его примѣрною жизнію. Воистинну былъ образъ намъ, своимъ ученикамъ, и мы взирали на него, своего пастыря, яко на Ангела, и радовались и веселились, и утѣшались его бесѣдами и наставленіями. За великую потерю почитали, когда отлучались на одинъ день отъ его лица. И не помышляли мы разлучиться съ нимъ даже до смерти. Но Господь Богъ все устроилъ по Своей волѣ. Духовникъ нашъ старецъ Арсеній послалъ его, нашего старца Іоанникія, въ русскій монастырь, въ общежитіе, и насъ съ нимъ; благословилъ его принять священство и духовничество. Потомъ онъ постригся въ великую схиму, и нареченъ *Іеронимъ*. Онъ, по отъѣздѣ моемъ, остался въ живыхъ. И до-нынѣ наставляетъ и пасетъ во св. Горѣ Аѳонской русскую братію, и первый во Аѳонѣ духовникъ (*).

182. Не могу не вспомнать великаго старца, славнаго подвижника и затворника, схимонама *Тимоея* (**). Родомъ онъ изъ Великой Россіи, Вологодской губер-

(*) См. ч. II. гл. 125, 126, 129, 134—136, 138—140, 158, 159, 162—165, Част. III. гл. 69, 81 и слѣд.

(**) См. ч. III. гл. 75—77, 81.

ніи. Въ юности онъ проживалъ въ столичномъ градѣ С. Петербургѣ. Разсмотрѣвъ суету и непостоянство міра сего, оставилъ домъ свой, родителей и сродниковъ своихъ, и имѣніе свое, пришелъ на островъ Валаамъ въ общежительный монастырь, опредѣлился въ число братства, и проходилъ тамъ разныя послушанія. При постриженіи въ мантию нареченъ *Тихонъ*. По наставленію старцевъ вкусилъ сладчайшаго безмолвія и благотворной умной молитвы. И толико возлюбилъ Господа своего, такъ усладилось сердце его молитвою, что ни на одну минуту не хотѣлъ разлучиться съ своимъ Господомъ, но возжелалъ всегда съ Нимъ молитвою соуслаждаться. Замѣтивъ, что много разлучаетъ съ Богомъ языкъ и разные разговоры, особенно безполезные, затворилъ свои уста, удержалъ свой языкъ, и четырнадцать лѣтъ не проговорилъ ни единого слова, чрезъ что терпѣлъ много скорбей и напастей. Не далъ онъ сна своимъ очима, ни вѣждама своимъ дреманію: день находился на послушаніи, умомъ же въ бесѣдованіи съ Богомъ, а ночь стоялъ на молитвѣ. Естеству своему давалъ упокоеніе не многимъ дреманіемъ, и то стоя, или мало сидя. Отъ того часто падалъ въ церкви во время службы. Часто удалялся одинъ въ пустыню, и стоялъ въ лѣсу на одномъ мѣстѣ по два и по три дня безъ пищи, имѣя умъ свой вперенъ въ Богъ. Часто, когда діаволь ужасалъ его страхованіями, онъ выходилъ ночью на кладбище, и стоялъ всю ночь на могилахъ, и такъ побѣждалъ страхованія. Много претерпѣлъ другихъ напастей и искушеній отъ діавола.

Прожилъ онъ на Валаамѣ болѣе двадцати пяти лѣтъ, и прошла о немъ слава повсюду, а наипаче по

С. Петербургу. Хотя онъ и ничего ни съ кѣмъ не говорилъ, но желали видѣть хотя лице его. Валаамскій игумень Дамаскинъ, не извѣстно по какому побужденію, послалъ его въ С. Петербургъ, въ монастырскую часовню. Хотя онъ и много со слезами просилъ игумена, чтобы оставилъ его внутри монастыря, или въ пустынь, плакаться о грѣхахъ своихъ, но игумень не оставилъ. Когда онъ пріѣхалъ къ часовнѣ, въ шумный градъ, то показалось ему весьма трудно, и даже не вмѣстительно; потому что, двадцать пять лѣтъ проживя въ монастырѣ и пустынь, теперь пріѣхалъ смотрѣть на соблазны. Наипаче отягощало его то, что всѣ его славятъ и ублажаютъ, и ежедневно въ часовнѣ толпа народа. Жилъ въ часовнѣ цѣлый годъ, и многожды просилъ игумена, чтобы позволилъ возвратиться въ монастырь, но не получилъ просимаго.

Потомъ вознамѣрился удалиться въ св. Аѳонскую Гору, и просилъ Митрополита, чтобы уволилъ его въ Іерусалимъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Получивши паспортъ, отправился въ Іерусалимъ; прожилъ тамъ полгода, и послѣ Пасхи отправился во св. Аѳонскую Гору; пріѣхалъ въ нашъ Русскій монастырь, опредѣлился въ число братства, и постриженъ въ великую схиму, наименованъ *Тимоѳей*. Потомъ, по его желанію, отпустили его въ уединенную пустыню, на келлію св. Великомученика Георгія, отъ монастыря полтора часа ходу. Проживая тамъ одинъ съ единымъ Богомъ, каждую седмицу приходилъ въ монастырь на всенощное бдѣніе, на Литургіи причащался Святыхъ Таинъ, Тѣла и Крови Христовой, бралъ себѣ пищи, и паки возвращался въ свою пустыню: такъ прожилъ три года. Потомъ сталъ изнемогать ногами, которыя у

него стали толсты, яко ступа, отъ многого всенощнаго стоянія. По возвращеніи моемъ изъ Россіи, послѣ неуспѣшнаго сбора, отпустили меня къ нему послужить его немощи, и сподобился я быть самовидѣцъ его жизни и подвиговъ. Жилъ я съ нимъ полгода, и не видалъ его никогда на ребрахъ лежащаго, да и сидящаго весьма мало, только развѣ во время трапезы, но всегда онъ былъ на ногахъ; хотя ноги и больны были и опухли, но онъ на то не смотрѣлъ. Каждую ночь съ вечера среди церкви становился на молитву, и стоитъ до дня неподвиженъ, — такой его былъ уставъ! Келліи для себя не имѣлъ, а церковь ему была вмѣсто келліи. Въ теченіе дня прочитывалъ часть изъ Апостола и часть изъ Евангелія, и акаѳистъ Богородицѣ; потомъ занимался трудами; пищу употреблялъ самую постную; послѣ трапезы входилъ въ церковь, садился на мѣсто, и дремалъ одинъ часъ, — это было его упокоеніе, которсе онъ давалъ своей немощной плоти. Потомъ встаетъ, и отправляетъ монашеское правило — триста поклоновъ земныхъ, тысячу триста поясныхъ; а молитву читаетъ не устами, но сердцемъ и умомъ. Таковы были его жизнь и подвиги, что не могъ я безъ слезъ на него и сморѣть. Я окаянный не только не могъ въ чемъ-нибудь ему подражать, но боялся на него и сморѣть; но впрочемъ желалъ съ нимъ препроводить жизнь свою, и послужить ему до смерти; по крайней мѣрѣ, за его святія молитвы простилъ бы Господь мои великія согрѣшенія, и помиловалъ бы мою окаянную душу; но грѣховъ ради моихъ великихъ не сподобился я доконца совершить мое желаніе и послужить такому великому старцу; отлучилъ меня отъ

него духовный мой отецъ, іеросхимонахъ Арсеній, и со многими слезами оставлялъ я старца, схимонаха Тимоѳея, когда отправлялся въ Іерусалимъ. Возвратившись изъ Іерусалима, уже въ пустынь я его не засталъ, а жилъ онъ внутри монастыря, въ затворѣ, и къ себѣ въ келлію никого не принималъ. Только я еще сподобился его однажды видѣть: онъ выходилъ въ церковь причащаться Св. Тайнъ, и немного я еще съ нимъ поговорилъ. По отъѣздѣ моемъ остался еще въ живыхъ (*).

Когда старецъ Тимоѳей пришелъ въ св. Аѳонскую Гору, то духовникъ Іеронимъ благословилъ его говорить со всѣми, и, кто будетъ требовать, давать наставленія. Разговоры и наставленія его были только о томъ, чтобы каждый старался совершать и стяжать умную молитву, и чтобы каждый болѣе всего старался очищать внутренняго человѣка, очищать свое сердце отъ помысловъ и отъ прилоговъ вражѣихъ. Онъ всегда говаривалъ, что монахъ потому называется воинъ Царя Небеснаго, что имѣетъ брань и войну не съ плотію и кровію, и не съ человѣками, но съ началами тмы вѣка сего и съ духами злобы, которые безпрестанно имѣютъ брань и войну съ нашимъ умомъ, и безпрестанно пускаютъ свои стрѣлы въ наше сердце, и уязвляютъ насъ. Не въ нашей волѣ состоятъ, что они стрѣляютъ, и невозможно намъ того имъ запретить; но въ нашей волѣ состоятъ то, чтобы ихъ намъ блюстись, безпрестанно имъ противиться, и отражать ихъ стрѣлы, сирѣчь, вражіе прилоги, безпрестанною Іисусовою молитвою. Ежели слу-

(*) Скончался 13 августа 1848 года.

чится, что очень больно уязвять, то надобно скоро эту рану открывать врачу, сирѣчь, духовному отцу, и излечивать ее покаяніемъ и слезами.

Еще онъ часто говаривалъ и сіе: Срамно и стыдно тому воину называться воиномъ, который не исполняетъ въ точности царской службы, еще подвергается и наказанію. Такожде стыдно и срамно будетъ предъ Царемъ Небеснымъ и намъ, монахамъ, не пекущимся и не старающимся о очищеніи внутренняго человѣка, и не тщащимся совершать умную сердечную молитву, которая очищаетъ наше сердце, и отгоняетъ всѣ вражіи помыслы и прилоги, и соединяетъ насъ съ самимъ Богомъ. Какое мы, монахи, принесемъ оправданіе, аще оставивши міръ, освободившись отъ мірскихъ попеченій, удалившись въ пустыню, отрекшись самихъ себя, и уже половину пути прошедши, до конца пути доходить не хотимъ, и до настоящей нашей цѣли достигать не стараемся? Настоящая же наша цѣль та, чтобы очистить намъ внутренняго человѣка, возлюбить Господа Бога своего отъ всего сердца своего и отъ всего помышленія своего, и соединиться съ Нимъ молитвою, сирѣчь, безпрестаннымъ съ Нимъ собесѣдованіемъ чрезъ умную молитву. Когда достигнемъ такого истиннаго монашескаго состоянія, сирѣчь, собесѣдованія непрестаннаго съ Богомъ, и будетъ сладостно для нашего ума и сердца имя сладчайшаго нашего Господа Іисуса Христа: тогда съ Нимъ удобно можемъ побѣдить и страсти, и не только побѣдимъ, но и умертвимъ. А кромѣ умной молитвы невозможно побѣдить намъ страсти и очистить свое сердце, и соединиться съ Богомъ. Умная молитва есть начало и источникъ всѣмъ добродѣтелямъ. И

Апостолъ говоритъ , что лучше сказать пять словъ умомъ , нежели тмы словесъ языкомъ. 1 Кор. 14, 19. И самъ Господь нашъ Спаситель міра сказалъ : *царствіе небесное внутри васъ есть*. Лук. 17, 21. И паки: *блажени чистіи сердцемъ: яко тѣи Бога узрятъ*. Матѹ. 5, 8. Какъ намъ тогда будетъ не радостно , когда узримъ внутри насъ царствіе небесное ? Какъ намъ тогда будетъ не весело , когда очистимъ свое сердце отъ страстей и отъ нечистыхъ помысловъ ? Какъ намъ тогда будетъ не утѣшительно, когда душевными нашими очами узримъ самого Бога , Творца небеси и земли , на Негоже не смѣютъ и чини Ангельстїи взирати ? Вотъ намъ Господь открываетъ какія неизреченныя таинства, и какія неизреченныя изливаетъ Свой милости, а мы не хотимъ постараться очищать Свое сердце, не хотимъ понудиться въ благотворной умной молитвѣ ! Ибо *нуждницы восхищаютъ царствіе небесное*. Матѹ. 11, 12. Это дѣло наше — иноковъ , монашествующихъ, оставившихъ міръ и мірское попеченіе и всю суету. Міръ т. е. любители міра не достигаютъ сего , и даже не вмѣщаютъ , и достигнуть не могутъ, потому что они всегда упражняются въ житейскихъ попеченіяхъ, и имѣютъ умъ свой привязанъ къ міру и къ его прелестямъ.

Скажу еще о старцѣ Тимоѳеѣ. Въ одинъ день , между душеполезными наставленіями, повѣдалъ онъ мнѣ грѣшному слѣдующее: «Былъ у насъ на Валаамѣ монахъ, мнѣ духовный братъ, который мнѣ открылъ, что во едино время стоялъ онъ на молитвѣ и внималъ умомъ, и сердце его горѣло огнемъ Божественныя любви; и сдѣлался онъ внѣ себя, весь измѣнился, и былъ въ восхищеніи, и оказался стоящимъ въ раю,

видѣлъ множество Ангеловъ и св. Угодниковъ Божіихъ, видѣлъ множество разныхъ садовыхъ древъ съ прекрасными плодами, а наипаче привлекало взоры его единое древо, паче всѣхъ прекрасное, и плоды на немъ на-подобіе яблока. Онъ весьма на него любовался, и не хотѣлъ отъ него отойти. Приходить къ нему одинъ прекрасный юноша, неизреченно одѣянъ, и златымъ поясомъ препоясанъ, и спросилъ его: «что, человѣче, стоиши и чудишися? или желаешь вкусить сихъ плодовъ?» Монахъ отвѣтилъ: «ежели бы можно, то желательно хотя бы отвѣдать.» Юноша сорвалъ одно яблоко, и далъ ему, и велѣлъ съѣсть. Когда онъ съѣлъ, то очутился въ своей келліи, стоящій на молитвѣ. И столько сладко и вкусно было яблоко, что невозможно и объяснить языкомъ человѣческимъ; и ничего на земли подобнаго ему нѣтъ. Что на земли сладкаго и вкуснаго вкушаешь, то оно только тогда бываетъ сладко, когда его вкушаешь, и когда оно еще въ гортани; а послѣ скоро и позабудешь; а райскій плодъ не таковъ: прошло десять лѣтъ, а еще чувствуется въ гортани сладость.» Хотя, старецъ Тимоѳей сказывалъ о другомъ, но я полагаю и увѣренъ, что онъ самъ этого сподобился, за его равноангельную жизнь.

183. Великій старецъ — схимонахъ *Сисой*, родомъ грекъ. Онъ отъ юности препровождаетъ жизнь свою во иночествѣ, многимъ монахамъ наставникъ, и много имѣетъ учениковъ по архипелажскимъ греческимъ островамъ; великій постникъ и строгій ревнитель общежительныхъ уставовъ. Браду имѣетъ длинную, ниже колѣнъ; весь сѣдинами украшенъ. По отъѣздѣ моемъ остался живъ.

184. Въ русскомъ монастырѣ болѣе тридцати лѣтъ препровождаетъ жизнь схимонахъ *Мартиніанъ*, родомъ грекъ, въ совершенномъ послушаніи и въ отсѣченіи своей воли, и сдѣлался незлобивъ — яко младенецъ. Таковую имѣетъ ко всѣмъ любовь, что за всѣхъ душу свою полагаетъ, и всѣхъ немощи на себя принимаетъ. И такую имѣетъ отъ Бога благодать и чистоту сердечную, что провидитъ внутреннія тайныя помышленія. По-русски не знаетъ, но часто насъ русскихъ обличаетъ, и даетъ душеполезныя наставленія. Иногда по-русски скажетъ такъ, что и русскому такъ не сказать, а послѣ паки ничего не знаетъ; чему мы много удивлялись. По отъѣздѣ моемъ остался въ живыхъ.

185. Еще въ Русскѣ былъ примѣчательный старецъ, схимонахъ *Макарій*, родомъ грекъ. Въ самой юности отвергшись міра и поступивъ въ монашество, шестьдесятъ лѣтъ препроводилъ въ св. Горѣ Аѳонской: двадцать лѣтъ прожилъ въ пустынѣ у старца въ послушаніи; потомъ, препроводивши своего старца на вѣчное блаженство, и продавши келлію, самъ поступилъ въ общежитіе, и сорокъ лѣтъ жилъ въ общежитіи. И мнѣ привелъ Богъ съ нимъ пожить въ русскомъ монастырѣ довольно времени.

Было ему уже болѣе семидесяти лѣтъ, но для всѣхъ былъ примѣромъ по образу жизни. На каждое послушаніе всѣхъ предварялъ, и на послушаніи трудился всѣхъ больше. Часто ему игуменъ говаривалъ: «отецъ Макарій, ты бы уже не ходилъ на послушаніе, а сидѣлъ бы въ своей келліи: ты уже потрудился въ своей жизни, а теперь пусть молодые потрудятся.» Онъ же обольется слезами, упадетъ игумену въ ноги,

и начнетъ ему говорить : « отче святыи , не лиши меня вѣнца за дѣла послушанія ; не отлучай меня отъ возлюбленнаго моего братства , пока ходятъ мои ноги , пока владѣютъ мои руки ; сколько есть моей силы , еще потружусь на св. обитель , еще полюбуюсь на мою возлюбленную братію . » Отецъ игумень отвѣтитъ : « трудись , трудись , о. Макарій : это я сказалъ , жалѣя твою старость . » Такихъ стариковъ было еще человекъ десять . Смотря на нихъ , мы всегда удивлялись и плакали , что они пришли въ высокую мѣру совершенства , сдѣлались , яко беззлюбивыя дѣти , или яко безстрастные Ангели , а наипаче сей отецъ Макарій . Часто его игумень искалъ . Скажетъ ему : « ты о. Макарій согрѣшилъ . » А онъ упадетъ на землю , и слезами ее омочаетъ ; и часто всю трапезу лежитъ безъ пищи , а послѣ трапезы лежитъ въ дверяхъ , и со слезами у всей братіи просить прощенія . Это дѣлалъ игумень для того , чтобы онъ не превознесся своими добродѣтелями , а погружался въ смиренномудріе , и считалъ себя ниже всѣхъ .

Въ 1845-мъ году скончался безъ всякихъ болѣзней . Причастившись Св. Таинъ , пришелъ онъ къ игумену , и сказалъ : « прости меня , отче святыи , и благослови , я хочу умереть . » Отецъ игумень отвѣтилъ : « Богъ тебя проститъ и благословитъ ; только я надѣюсь , что отецъ Макарій не умретъ : ибо совершенные послушники не умираютъ , а развѣ только отходятъ на вѣчное упокоеніе . » Вышедши отъ игумена , о. Макарій пришелъ на больницу , и просилъ койки . Больничарь сказалъ : « на что тебѣ , отецъ Макарій , койку ? » Онъ же отвѣтилъ : умирать хочу . » Потомъ со всѣми простился , возлегъ на постель , и съ миромъ предалъ

душу свою Господу. Похоронили его въ общей гробницѣ.

186. Но что много продолжать, и о каждомъ писать? Недостанетъ мнѣ времени повѣствуя. Вообще, въ нашемъ Русскомъ монастырѣ всей братіи около двухсотъ человѣкъ, и всѣ находятся въ совершенномъ послушаніи; всѣ живутъ въ отсѣченіи собственной своей воли; всѣ одинъ противъ другаго преуспѣваютъ въ добродѣтеляхъ; всѣ одинъ съ другаго берутъ примѣръ, и всѣ другъ другу показываютъ примѣръ и образъ своею жизнію; всѣ почти достигли совершенства, стоятъ на высшей степени любви къ Богу и къ ближнимъ. И не только въ одномъ русскомъ монастырѣ такая братія, но и во всѣхъ аѳонскихъ общежительныхъ монастыряхъ.

Случилось намъ въ одинъ годъ быть въ Діонисіатскомъ монастырѣ общежительномъ на храмовомъ праздникѣ, — въ день рождества Іоанна Предтечи. Пришли мы наканунѣ праздника, и братія всѣхъ встрѣчаютъ и привѣтствуютъ, и въ трапезу препровождаютъ. Когда мы пришли въ трапезу, — посадили насъ, и начали угощать; тамъ сидѣло уже много пришедшихъ. На Аѳонѣ обычай такой, что на праздникахъ трапеза безпрестанно продолжается: одни выходятъ, а другіе садятся. Когда мы обѣдали, то недалеко отъ насъ стояли два молодые монаха, схимники, и между собою разговаривая, воздыхали и плакали. Я спросилъ о разговорѣ ихъ, близъ меня сидящаго духовнаго брата, потому что я греческаго разговора не могъ хорошо разобрать. Онъ же, послушавши ихъ, сказалъ мнѣ, что они говорятъ то, что, видно, они прогнѣвали Бога, и, видно, аѳонскіе отцы

ихъ не любятъ, потому что мало къ нимъ нынѣ приходятъ на праздникъ. Я, смотря на нихъ, не могъ удержаться отъ слезъ и не уважить ихъ любовь и страннолюбіе. Таковы аѳонскіе отцы! плачутъ о томъ, что мало идутъ къ нимъ хлѣба ѣсть!

Но что много говорить и писать? Ежели бы кто захотѣлъ въ подробности изслѣдовать и описать всѣхъ аѳонскихъ отцевъ добродѣтели, труды и подвиги, то неостало бы ему своей жизни на то. Ежели бы кто захотѣлъ исчислить имена ихъ, то легче бы могъ изчислить звѣзды небесныя, нежели имена ихъ. Но они извѣстны только единому Богу, и написаны въ книгахъ животныхъ. Можно сказать, что св. Гора Аѳонская подобна пчелиному улью. Какъ въ ульѣ многое множество пчелиныхъ гнѣздъ: такъ много въ Горѣ Аѳонской монашескихъ келій. Какъ въ ульѣ непрестанно жужжать пчелы: такъ въ Аѳонѣ иноки день и ночь жужжать, глаголя Давидовы псалмы и пѣсни духовныя.

187. Это все я говорилъ и писалъ объ отцахъ, жившихъ въ монастыряхъ или близъ монастырей и извѣстныхъ. Но въ св. Горѣ Аѳонской много есть совершенныхъ отшельниковъ и пустынножителей, живущихъ въ глубочайшихъ пустыняхъ и въ непроходимыхъ мѣстахъ, кругомъ самаго Аѳона, въ горахъ и въ дебряхъ и въ пропастяхъ земныхъ, гдѣ мало проходятъ люди. Живутъ въ пещерахъ; одежда на нихъ отъ многолѣтія обветшала, и ходятъ полунагіе, а иные покрыты власами; питаются саморастущими травами и зеліями, а иные питаемы самимъ Богомъ. Отъ людей они укрываются, и мало кому показы-

ваются. Случается находить ихъ келліи, но заставать самихъ — мало случается.

Въ мою бытность одни монахи застали одного, и съ нимъ разговаривали. Они спросили: «давно ли пребываешь въ пустынѣ, и откуда пришелъ?» Онъ имъ отвѣтилъ: «вамъ мою мірскую жизнь знать не нужно; только, въ самой юности оставилъ я міръ, и пришелъ въ св. Аѳонскую Гору, и уже пятьдесятъ лѣтъ здѣсь пребываю: десять лѣтъ прожилъ въ монастырѣ подъ послушаніемъ, а сорокъ лѣтъ живу въ пустынѣ сей, и никого изъ аѳонскихъ отцевъ не видалъ, кромѣ васъ и своей братіи.» Они спросили: «а развѣ ты не одинъ живешь въ пустынѣ сей?» Онъ отвѣтилъ: «нѣтъ; насъ здѣсь живетъ до сорока чело-вѣкъ, питаемы Богомъ.» Они еще спросили: «а какъ вы проживали въ теченіи шести лѣтъ, когда была Аѳонская Гора почти разорена, всюду ходили турки и разбойники?» Онъ отвѣтилъ: «ничего мы не видали и не слышали.» Потомъ поклонившись, пошелъ во внутреннюю пустыню.

Въ 1844 году, отцы изъ скита Кавсокалибы ходили по непроходимымъ пустынямъ, собирали полезныя травы для продажи. Изъ числа ихъ былъ одинъ русскій, мнѣ духовный братъ, схимонахъ Давидъ. Онъ послѣ мнѣ рассказывалъ, что нашли они одного пустынножителя, уже скончавшагося и лежащаго на землѣ, и одежды никакой не имущаго; неизвѣстно—давно ли скончался, но тѣло ни какому тлѣнію не предалось, и якобы нѣкое испускало благоуханіе. Они, отцѣвши погребеніе, похоронили, но имени не узнали.

Въ 1846 году, мы, три челоѣка, ходили на самый

верхъ Аѳона, и заняли въ пещеру, гдѣ спасался св. Петръ Аѳонскій, и узнали, что въ ней нѣкій пустынникъ живетъ, но самого его увидѣть не сподобились: ибо услышавши, что мы идемъ, вышелъ вонъ. Мы посмотрѣли его имущество: одна икона, четки, сосудъ съ водою и трава для пищи; хлѣба не имѣлось; ложе — голая земля. Мы, посмотрѣвши, пошли въ путь.

188. Самовидцы сказывали мнѣ слѣдующее: Около 1818 года былъ въ русскомъ скиту Ілія Пророка одинъ русскій іеродіаконъ. Восхотѣвъ поработать Господу Богу одинъ въ пустынѣ и въ безмолвіи, и вышедъ изъ скита, вселился въ глухой пустынѣ между горъ, въ долину и въ непроходимомъ лѣсу. Пищу рѣшился имѣть отъ рукодѣлія, дѣлалъ ложечки, и въ субботу носилъ на Карею продавать; но ложки его никто не покупалъ, потому что были очень плохи. Одинъ богатый монахъ, родомъ грекъ, видя, что онъ не продалъ своего рукодѣлія, купилъ у него ложки, привелъ его въ свою келлію, далъ ему пищи: хлѣба, масла и крупъ, и велѣлъ ему приходить каждую субботу, и приносить ложки, и получать пищу. Діаконъ ходилъ каждую субботу, приносилъ свои ложки, и получалъ потребное. Пришедши въ одно время, увидѣлъ, что ложки его горятъ на огнѣ. Онъ заплакалъ; а монахъ ему сказалъ: «не плачь: мы покупаемъ твои ложки не для того, что онѣ намъ нужны, но потому, что тебѣ не чѣмъ пропитываться.» Но когда іеродіаконъ научился дѣлать ложки, тогда велѣли ему продавать ихъ на Кареѣ. Такъ онъ препровождалъ жизнь свою.

Въ одно время, въ великій постъ, онъ заболѣлъ, и

не имѣлъ никого о немъ пекущагося, кромѣ единого Бога. Пища, какая была, вышла, а изъ пустыни выйти не можетъ. Наступилъ праздникъ св. Пасхи, а онъ въ крайней нуждѣ: нѣтъ ни хлѣба, ни здоровья. А въ Аѳонѣ такой есть обычай, что всѣ братія и пустынножители сходятся праздновать праздникъ въ великіе монастыри и скиты или на богатые кельи. Въ Великую субботу сходятся на Карею, и сговариваются: кто гдѣ будетъ праздновать. И сговорились три монаха, греки, съ послушниками праздновать Пасху на одной келліи, имущей церковь и священника. Вечеромъ одинъ монахъ съ ученикомъ своимъ наготовили разной пищи и добраго вина, взяли все съ собой, и пошли къ утрени на назначенную келлію, къ своему другу, но потеряли дорогу и заблудились, и ходили по горамъ и по лѣсамъ почти всю ночь. Слышать, въ монастыряхъ вездѣ звонъ, а выйти не могутъ, и мѣста не знаютъ, гдѣ ходятъ. Потомъ пришли къ глубокой долинѣ, идти далѣе нельзя, и они сѣли отдыхать, и слышали подъ горой въ долинѣ стонъ человѣка. Они начали звать: «кто тамъ?» Но никто не отвѣчаетъ, а только кто-то стонетъ и плачетъ. Они, нашедши удобное мѣсто, сошли внизъ, и нашли лежащаго на травѣ больного монаха, русскаго іеродиакона, и спросили: почему тутъ лежитъ, и не пошелъ ни куда на праздникъ? Онъ отвѣчалъ, что былъ долго боленъ, пищи никакой не имѣетъ, и отъ слабости здоровья и отъ голода совсѣмъ изнемогъ; что онъ вышелъ изъ келліи, и хотѣлъ идти, но не могъ; упалъ на землю, и ожидалъ смерти. Они его подняли, и сказали: «поведи насъ въ свою келлію; Господь послалъ тебѣ всякое утѣшеніе, и у тебя

сотворимъ Пасху.» Пришли въ келлію, и, какъ могли, пропѣли канонъ Пасхи и отправили часы. Потомъ разговѣлись, и подкрѣпили болящаго пищею и виномъ, и прочее, что имѣли, оставили ему. Онъ много и со слезами благодарилъ Господа Бога, что услышалъ его скорбящаго и укрѣпилъ его болящаго, и послалъ ему Свою помощь, и утѣшилъ его всѣмъ до изобилія. Распростившись, отцы пошли въ путь свой, и когда вышли на гору, то увидѣли, что всю ночь ходили недалеко отъ той келліи, куда шли. И когда пришли на келлію, хозяинъ со скорбію имъ говорилъ: почему такъ долго не приходили, и заставили весьма долго ихъ дожидаться? Они рассказали, что съ ними случилось въ пути, и что видѣли, и что уже разговѣлись, ради любви брата. Всѣ слышавшіе прославили Царя Небеснаго, Господа Бога, творящаго дивная дѣла и утѣшающаго вѣрныхъ рабовъ Своихъ, въ пустынѣ Ему работающихъ. Послѣ трапезы отцы взяли все, что осталось, пошли посѣтить болящаго, и принесли ему пищи, которой стало ему на многіе дни. Послѣ того до самой смерти его посѣщали, и пищу ему приносили. И онъ прочіе дни живота своего жилъ спокойно, и всѣми тѣлесными потребками былъ доволенъ. И пожилъ нѣсколько лѣтъ, и съ миромъ преставился: скончался предъ самымъ раззореніемъ, около 1820 года.

189. Св. Гора Аѳонская не только богата преподобными отцами послушниками, постниками и пустынниками, которыми наполнены лѣса и долины; но она препослала въ обители Отца Небеснаго множество св. мучениковъ, которые изліяли кровь свою за имя Іисусъ Христово. Не о древнихъ гово-

рю, которые пострадали отъ безбожныхъ арабовъ и сарацынъ, отъ иконоборцевъ и отъ латиномудреныхъ; но о тѣхъ, которые пострадали въ новѣйшія времена отъ поганныхъ турокъ, а наипаче въ девятнадцатое столѣтіе. По сему случаю въ монастыряхъ бывають частныя празднества. Привелось мнѣ, предъ отъѣздомъ въ Сибирь, пожить въ монастырѣ Есфигменѣ, и случилось у нихъ быть всенощному бдѣнію въ простой день. Сему я много дивился, зная, что по уставу праздника никакого нѣтъ. Пришедши въ церковь, посмотрѣлъ: на аналоѣ лежитъ икона преп. мучен. *Тимоѳея*, и спросилъ: «какой это святой?» Монахи мнѣ сказали: «Это св. муч. Тимоѳей: былъ нашъ монахъ, тому не болѣе какъ двадцать лѣтъ; пострадалъ за Христа въ Адрианополѣ отъ безбожныхъ турокъ, и сотворилъ чудеса. Есть о немъ особенная книга, гдѣ описано житіе его и страданіе. И не только сего, но еще наша обитель имѣетъ трехъ новыхъ мучениковъ.» Но не только сія обитель имѣетъ мучениковъ, но и другіе аѳонскіе монастыри имѣютъ своихъ новыхъ мучениковъ и исповѣдниковъ, пострадавшихъ отъ турокъ во время турецкой державы. О нихъ написаны цѣлыя книги, называемыя: *о новыхъ мученикахъ*; сіи книги читаются и въ нашемъ русскомъ монастырѣ во весь годъ во время трапезы. А древнихъ св. житія читаются въ церкви между каѳисмами.

190. Се, сколько могъ и зналъ св. Гору Аѳонскую, описалъ я красоту ея и мѣстоположеніе, ея духовное богатство, ея жителей и обитателей: но въ подробности ее описать не могъ, да и никто не можетъ, хотя бы всячески старался. Воистинну сказать: ежели бы

кто ее назвалъ едемскимъ раемъ, — не ошибся бы, по красотѣ мѣста. Вся она покрыта зелеными лѣсами и прекрасными садами, преизобилуетъ водою и быстротекущими источниками; и жители ея, хотя и Адамовы потомки, но дѣлами подобны Ангеламъ, или паче рещи, земные Ангелы или небесные чело-вѣки. Аѳонская Гора красуется и славится священ-ными великими лаврами и святыми обителями, вели-кими монастырями и св. киновіями, скитами и кел-ліями, постнйцами и отшельниками, и пустынными безмолвницами; наипаче же славится и почитается, ликуетъ, радуется и веселится со своими гражданами потому, что имѣетъ надъ собою начальницу и нази-рательницу, заступницу и защитницу, саму Матерь Божию, Царицу Небесную, Пресвятую Владычицу, Пречистую Дѣву Марію, Которая обѣщалась сохра-нять и назирать ее, и не оставлять ее даже до скон-чанія вѣка. Аминь.

ПРИБАВЛЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

191. Въ Св. Горѣ, по всей Греціи, въ Болгаріи и въ Молдавіи весьма уважаемы два новые мученика, пострадавшіе отъ поганныхъ турокъ; уже и иконы ихъ пишутъ.

Первый мученикъ — *Георгій*: пострадалъ въ 1838 году въ Θεσσαλίи, въ Алванійскомъ градѣ Янинѣ. Родомъ былъ грекъ, молодой человѣкъ, около двадцати пяти лѣтъ; имѣлъ престарѣлую мать, молодую жену и единое чадо. Турки принуждали его отвергнуться Іисуса Христа, и принять магометанство. Но онъ претерпѣлъ продолжительныя и тяжкія мученія, а Христа не отвергся, и исповѣдалъ Его истиннаго быти Бога, и за Него принялъ мученическую смерть. Сказываютъ, что многострадальное тѣло его творило многія чудеса, даже самая одежда его чудодѣйствовала.

192. Второй мученикъ — *Димитрій*, родомъ Болгаринъ, пострадавшій въ 1841 году, во Оракійскомъ Болгарскомъ градѣ Сливнахъ. Поганные турки принуждали его отвергнуться Христа, и принять магометанство. Но онъ дерзновенно обличилъ турецкое за-

блужденіе и скверную ихъ вѣру , укорилъ ихъ ложнаго пророка Магомета, и исповѣдалъ Іисуса Христа истиннаго быти Бога, единосущна Отцу и Св. Духу; за то и претерпѣлъ жестокія и продолжительныя мученія. Мучили его шесть мѣсяцевъ: ежедневно били, терзали , главу ему сверлили , на раскаленную сковраду становили, за ногти спицы забивали, такъ что у него не осталось ни одного ногтя ни на рукахъ, ни на ногахъ; на его страданія смотрѣли возлюбленная его мать , всѣ его сродники и всѣ граждане. Потомъ осужденъ былъ на вечное посѣченіе ; и въ самый Великій пятокъ усѣчена была глава его. Тѣло его турки хотѣли бросить въ рѣку , но христіане не дали ; турки бросили его въ поле до утра , потому что насталъ вечеръ ; и поставили стражу , чтобы не взяли христіане; а христіане поставили свою стражу, чтобы турки не бросили въ рѣку. Ночь тѣ и другіе стражи заснули ; а надъ тѣломъ въ самую полночь было неизреченное сіяніе и ангельское пѣніе. Въ то время ѣхалъ одинъ священникъ изъ села въ городъ на рынокъ , и не зная совершившагося въ городѣ, весьма тому удивился. Пріѣхавши въ городъ, сказалъ Епископу. Епископъ, слышавши сіе и видѣвши, послалъ сказать пашѣ мучителю. Видѣли сіе явленіе почти весь градъ, христіане и турки, и всѣ тому удивлялись. Когда пришли на мѣсто , то ничего не увидѣли, токмо тѣло нагое, лежащее, и стражей спящихъ. Тогда паша приказалъ христіанамъ взять тѣло и погребсти. Христіане, взявши тѣло, понесли его въ городъ со свѣщами и съ пѣніемъ, и похоронили внутри церкви, яко Христова страдальца и мученика , и новаго исповѣдника. Былъ онъ изъ числа купцовъ и

торговалъ въ лавкѣ , отъ роду около двадцати лѣтъ, еще не женатый. Хотя и юнъ былъ , но побѣдилъ своимъ терпѣніемъ злыхъ мучителей, пашу и діавола; и пошелъ къ своему Господу Іисусу Христу , Царю Небесному, съ Нимъ царствовать во вѣки вѣковъ.

Мнѣ сіе сказывали самовидцы, болгары, какъ мірскіе, такъ и монашествующіе въ Аѥонѣ.

193. Въ св. Горѣ Аѥонской слышалъ я отъ многихъ великихъ старцевъ и самовидцевъ слѣдующее: « Около 1815 года, когда въ Аѥонѣ умножилось братій до сорока тысячъ , многіе разорили общежительные монашескіе чины и уставы, нарушили нѣкоторые монашескіе обычаи , прилѣпили сердца свои къ богатству , и начали безпрестанно посылать монаховъ въ міръ ради сбора денегъ , и принимать во-нутрь монастырей младыхъ и безбрадыхъ , и чрезъ сіе прогнѣвали Бога и свою Игуменію и назирательницу, Матерь Божію. И являлась Она многимъ пустыннымъ отцамъ , и внушала имъ возвѣщать прочимъ аѥонскимъ отцамъ и начальникамъ монастырей, чтобы они исправились , и старались возстановить и хранить древніе аѥонскіе уставы и чиноположенія ; а ежели не исправятся, то не преминетъ ихъ наказать, исторгнетъ плевелы изъ Своей чистой пшеницы, изгонитъ непотребныхъ и не исполняющихъ заповѣдей Сына Ея изъ Ея жребія, изъ Ея краснаго вертограда, и разсѣетъ ихъ по странамъ , хотя впрочемъ жребія Своего не погубитъ , а оставитъ въ немъ истинныхъ Своихъ почитателей , исполняющихъ заповѣди Сына Ея. Отцы пустынные часто приходили на Карею , и объявляли , въ присутствіи многихъ, гнѣвъ Царицы Небесной. Но мало кто ихъ слушалъ ; нѣкоторые же

начали исправляться, устроить и исправлять общежитіе; а наипаче — русскій Пантелеимоновъ монастырь.

194. Въ то время въ славномъ монастырѣ Ватопедѣ, въ самый храмовый праздникъ, въ Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, когда бываетъ многочисленное стеченіе народа, случилось слѣдующее. Во время всеобщаго бдѣнія, стоявшій впереди въ церкви отрокъ, пастырь скота, простой и неграмотный поселянинъ, вдругъ поднялся отъ земли на локоть, потомъ упалъ на землю, и лежалъ болѣе часа, яко мертвъ. Потомъ вдругъ восталъ и въ лицѣ весь измѣнился. Братія, видѣвши сіе, ужаснулись и пріостановили пѣніе. А онъ, немного постоявши, отверзъ уста, и началъ говорить, какъ великій богословъ, дерзновенно: «Отцы святыя, послушайте, что Божія Матерь вамъ объявляетъ чрезъ мои уста. Она весьма на васъ гнѣвается. Исправьтесь, покайтесь! Она хочетъ, чтобы всѣ монастыри сдѣлались общежительными, чтобы въ міръ за сборомъ не посылали, чтобы молодыхъ и безбрадныхъ въ монастыряхъ не держали. А ежели не исправитесь, то хочетъ Божія Матерь васъ наказать, и изгнать изъ Своего жребія, а оставить здѣсь немногихъ: ибо лучше малое число творящихъ волю Божию, нежели тьмы, отъ которыхъ соблазнъ происходитъ. Покайтесь, отцы, и исправьтесь! Скоро, скоро грядетъ гнѣвъ Божій.» И иное многое говорилъ отрокъ. Многіе горько плакали, а иные только молчали, но исправиться не хотѣли.

Черезъ годъ сдѣлался въ Константинополѣ бунтъ и тревога между турокъ и грековъ. На Аѳонской Горѣ получено было извѣстіе, что идетъ турецкое

войнство, въ двѣ тысячи человѣкъ, разорить и опустошить Аѳонскую Гору.

195. Но еще прежде прихода турокъ Богъ наказалъ Аѳонскую Гору: шелъ шесть дней необыкновенный дождь, и свесло водою многія келліи и огороды, и всѣ дни продолжалось землетрясеніе. Полагали, что до конца прогнѣвался Богъ на Аѳонскую Гору, и думали, что Божія Матерь ее оставила.

Въ то время жилъ въ Аѳонѣ одинъ юродивый іеродіаконъ, родомъ грекъ, не имѣвшій ни келліи, ни пристанища. Нѣкоторые достойные отцы въ тѣ страшные дни видѣли его стоящимъ въ воздухѣ на колѣнахъ, простершимъ руки свои на небо и молящимся Господу Іисусу Христу и Его Пречистой Матери, чтобы помиловали Гору Аѳонскую, или не дали ему пережить совершеннаго ея разоренія.

196. Потомъ видятъ, что сошла съ небеси сама Пречистая Богородица, преблагословенная Дѣва Марія, съ множествомъ Ангеловъ, и сказала ему: «Возлюбленный Мой и вѣрный служитель Сына Моего! не погублю тебя и всѣхъ духовныхъ воиновъ, вѣрно Мнѣ служащихъ и усердно Сыну Моему работающихъ; не оставляю Моего жребія, якоже и прежде общалась; а только накажу, и то съ милостію: изгоню тѣхъ только, которые не сохраняютъ заповѣдей Сына Моего, не исполняютъ своихъ обѣтовъ, и разрушаютъ уставы и преданіе древнихъ отецъ. Потомъ приведу и пошлю сюда такихъ, которые съ вѣрою и любовію поработаютъ Сыну Моему, и вѣрно послужатъ Мнѣ; наполню Мой жребій множествомъ монашествующихъ, и будутъ послѣдніе паче первыхъ.» Послѣ сего стала невидима.

Это видѣніе не многіе сподобились видѣть; а которые видѣли, тѣ всѣ оставались въ Св. Горѣ; и я нѣкоторыхъ еще засталъ въ живыхъ.

197. Между тѣмъ, прочіе братія встревожились, и почувствовали, что грядетъ на нихъ гнѣвъ Божій, а наипаче убоялись турецкаго грознаго меча, который въ то время обагрень былъ кровію христіанскою, и опустошилъ великій полуостровъ Кассандру, близъ самой Аѳонской Горы, и великій островъ Хіосъ. Тогда аѳонскіе братія побѣжали, кто куда могъ, и даже не могли брать съ собой никакихъ вещей, но каждый спасалъ только самъ себя. Русскихъ половина бѣжали на западъ, въ Триестъ, о чемъ пишетъ Шереметева крестьянинъ Киръ Бронниковъ, который самъ съ ними странствовалъ. А остальныхъ Россійскій посланникъ, приславъ корабль, отправилъ въ Россію, въ Одессу. Греки же и болгары бѣжали, кто куда могъ. И осталась почти пуста св. Гора Аѳонская. Отъ сорока тысячъ монаховъ не болѣе осталось одной тысячи.—Но когда шли разъяренные турки умерщвлять аѳонскихъ братій и разорить Св. Гору: тогда, по милосердію Божию, умягчилось сердце Султаново, и близъ уже Аѳонской Горы получили военачальники отъ Султана указъ, чтобы Аѳонской Горѣ никакого зла не творить, а только сохранять и защищать ее отъ разбойниковъ. И турки, пришедши во св. Гору Аѳонскую, зла никакого не сотворили, но вселившись въ монастыри, проживали вмѣстѣ съ монахами почти восемь лѣтъ, и защищали ихъ отъ разбойниковъ. Въ такомъ скорбномъ положеніи находилась Св. Гора почти десять лѣтъ. Такъ очистила ее Матерь Божія. Потомъ, съ 1828 года, пакъ на-

ступили времена мирныя, паки стали сходиться братія; только прежнихъ мало сошлось, а больше появились новые. Впрочемъ, когда я пришелъ въ Св. Гору, въ 1839 году, то еще множество было пустыхъ келлій. Но когда выходилъ, въ 1846 году, то мало гдѣ были пустыя, но всѣ заняты. Паки умножилось братіи до десяти тысячъ, и въ жизни очень исправились. Въ бытность мою, вновь въ трехъ монастыряхъ учредили общежитіе. Въ такомъ видѣ да сохранить св. Гору Аѳонскую Царица Небесная до скончанія вѣка! Аминь.

198. Бывши въ Св. Землѣ, я слышалъ о *древѣ крестномъ*, на немже распяся Царь и Господь нашъ, Иисусъ Христосъ, такое преданіе: якобы родоначальникъ всего человѣчества, по изгнаніи изъ рая, состарѣвшись и приблизившись къ смерти, призвалъ сына своего Синоа, и послалъ его спросить Херувима, стрегущаго врата Едема: проститъ ли его Богъ за преступленіе заповѣди? Синоъ пошелъ и спросилъ Херувима, что приказалъ ему отецъ. Херувимъ вынесъ изъ рая три вѣтви, или прута, и сказалъ ему, что чрезъ эти три вѣтви, можетъ отецъ его получить совершенное прощеніе. Синоъ принесъ эти три вѣтви къ Адаму, и сказалъ ему слова Херувима. Адамъ же, взявши прутья, сплелъ изъ нихъ кольцо, надѣлъ на свою голову, и приказалъ съ нимъ себя погребсти. Потомъ Адамъ умеръ, и похоронили его по завѣщанію его. Потомъ отъ трехъ прутьевъ надъ главою Адама выросло древо веліе, чуднымъ образомъ: вышли изъ земли три вѣтви, а потомъ срослись воедино, и паки разстройлись, и паки срослись воедино, и такимъ образомъ дерево выросло очень

высоко и толсто, а корнями охватило главу праотца. Во время всемірнаго потопа, это древо водою было изъ земли вырвано вмѣстѣ съ корнями и главою праотца Адама, и носило его водами. Когда вода сошла съ лица земли, — это древо съ главою остановилось въ Палестинѣ, близъ нынѣшняго Іерусалима, гдѣ теперь находится *Крестный монастырь*; и расло оно до лѣтъ Царя Соломона. Когда сей Царь строилъ храмъ со Святая Святыхъ: то собиралъ на это всѣ чудныя и прекрасныя древа. Въ одинъ день онъ былъ съ своими слугами въ лѣсу: вдругъ нашла туча съ громомъ и дождемъ, и Соломонъ началъ искать съ своими слугами, гдѣ бы скрыться отъ дождя. И нашли подъ деревомъ и подъ корнями нѣчто подобное пещерѣ, гдѣ и просидѣли всѣ спокойно; потомъ разсмотрѣли, что надъ ними человѣческая глава и надъ нею чудное древо. Срубивши это древо для храма, главу перенесли къ стѣнѣ Іерусалима, и закопали ее въ землю на возвышенномъ мѣстѣ, и завалили камнями. Это и есть лобное мѣсто, прозываемое гора *Голова*. Отъ сего и пишутъ на крестѣ подъ ногами Спасителя главу Адамову. Древо же срубленное привезено было къ новостроющемуся храму; но оно не могло быть употреблено при постройкѣ храма: гдѣ длинно, а гдѣ коротко; и осталось безъ дѣйствія, и лежало подлѣ храма. Потомъ пріѣхала посѣтить Царя Соломона Царица Савская, и осматривая построенный храмъ, хотѣла по какому-то случаю прикоснуться къ лежащему дереву; но какъ только прикоснулась ему, вдругъ ее какбы отбросило; и она хотѣла его урекнуть: о *треклятое древо*; но уста произнесли совсѣмъ другое: о *тре-*

блаженное древо. По окончаніи постройки храма, древо положено было близъ храма въ устроенной овчей купѣли, дабы употреблялось вмѣсто плота, съ котораго можно было бы омывать овецъ для жертвы, а послѣ и внутренняя ихъ; и находилось оно въ этой купѣли много лѣтъ, до дней страданій Христа Спасителя, и ежегодно въ эту купѣль сходилъ Ангелъ Господень, и обмывалъ это требоженное древо, и возмущалъ воду, и по возмущеніи бывало больнымъ исцѣленіе; оттого лежало тамъ много больныхъ, для которыхъ уже было сдѣлано пять притворовъ, или отдѣленій, гдѣ и Господь исцѣлилъ разслабленнаго, тридцать восемь лѣтъ въ болѣзни лежавшаго (Іоан. гл. 5.). Когда жидаы осудили на крестъ Господа Иисуса Христа, и искали на то дерева самаго непо-
 требнаго и тяжелаго, дабы тѣмъ увеличить Ему мученіе, потому что Онъ долженъ Свой крестъ нести на плечахъ Своихъ до горы Голгоѣы: тогда вытащили это древо изъ воды, и сдѣлали изъ него крестъ. Съ того времени, какъ не стало этого дерева въ Овчей купѣли, пересталъ ежегодно сходить въ нее Ангелъ Господень и возмущать воду; потому что уже нечего было омывать, не стало быть и исцѣленій больнымъ, и они всѣ вышли, и притворы остались пусты.

199. Подъ шестое число декабря, 1845 года, въ Іерусалимѣ, въ храмъ Христова Гроба, совершалось торжество Свят. Николаю, Мѹрликійскому Чудотворцу, по случаю Тезоименитства Благочестивѣйшаго и Хри-
 столубивѣйшаго Россійскаго Императора, Николая Павловича, ктитора и попечителя живоноснаго Христова гроба и небеси подобнаго Воскресенскаго хра-

ма (а). Въ ту ночь украшенъ былъ живоносный Христовъ гробъ и весь храмъ множествомъ лампадъ. Украсили сіе болѣе одни греки, православные христіане. Но и армяне такожде свои мѣста украсили лампадами, по своимъ хорамъ: ибо и они имѣютъ уваженіе къ Россійскому Императору. Копты и сиріане, хотя и не украсили своими лампадами, но дали волю православнымъ; и греки украсили своими лампадами ихъ мѣста. Но латины-католики, называемые по-тамошнему франки, своихъ мѣстъ не украсили, грековъ не допустили. Хотя греки и просили ихъ, чтобы позволили мѣсто ихъ украсить своими лампадами, но позволенія не получили. Вотъ какую ненависть латиномудренныя паписты имѣютъ къ Россійскому Православному Императору! Весь храмъ былъ украшенъ, какъ невѣста прекрасная; только франкскія мѣста были обнажены. О семъ всѣ православные христіане сожалѣли, и на франковъ скорбѣли.

200. Еще скажу одну вещь, что самъ я видѣлъ и слышалъ:

Была въ Іерусалимѣ поклонница, жена гречанка, родомъ съ острова Крита; имѣла во чревѣ своемъ нечистаго духа, весьма злаго. Всегда онъ ее терзалъ и мучилъ, но она всегда была въ памяти, и ему противилась. Того ради она ходила по св. мѣстамъ и становилась подъ Св. Дары. Потомъ просила Патріарха, чтобы читали надъ ней Евангеліе, и Патріархъ позволилъ. И читали іеромонахи въ нашемъ Архангельскомъ монастырѣ въ церкви. Когда очень раз-

(а) См. гл. 62, 63, 64, 65.

дражили бѣса, то держали ее уже четыре человека, и началъ онъ во чревѣ говорить человѣческимъ голосомъ, по-гречески, сиче: «Что вы меня мучите? Я никогда отсюда не выйду; я сюда не самъ взошелъ, и не отъ человѣкъ посланъ, но позволено мнѣ взойдти въ нее отъ Бога, въ наказаніе ей за то, что она изгнала изъ чрева своего двоихъ дѣтей: она не хотѣла немного своихъ дѣтей поносить, за то будетъ меня носить до своей смерти. И я не выйду изъ нея до самой ея смерти.» И такъ, ничего не могли съ ней сдѣлать. И осталась она въ прежнемъ положеніи.

201. Въ Іерусалимѣ былъ одинъ поклонникъ изъ Россіи, Владимірской губерніи, и впалъ тамъ въ любо-страстныя дѣла. За это стали нападать на него бѣсы, и не давали ему покоя день и ночь, и много сутокъ онъ не спавши проводилъ. Потомъ пришелъ ночевать во храмъ ко Христову Гробу, когда случилось и мнѣ тамъ ночевать: но и въ храмѣ не дали бѣсы ему покоя. Потомъ онъ взошелъ внутрь къ гробу Христову, и тамъ обрѣлъ покой: туда не могли бѣсы взойти. Но не можно было тамъ лежать, потому что мѣста мало, и безпрестанно народъ подходитъ поклоняться Христову гробу; и гробовой монахъ его выслаалъ. Но только какъ вышелъ онъ изъ дверей гроба,—паки бѣсы приступили. Онъ пошелъ на Голгоѳу, и тамъ не могли бѣсы къ нему приступить; и онъ тамъ спокойно уснулъ. Многіе дни онъ препроводилъ во храмѣ; только и обрѣталъ покоя, что у гроба Христова и на горѣ Голгоѳѣ. Потомъ отступили отъ него бѣсы, и сдѣлался здоровъ помощію Божіею.

202. Жила въ Іерусалимѣ одна русская схимона-

хия , именемъ *Назарета*. Хотя и не засталъ ее въ живыхъ, и не сподобился лично видѣть, но она давно мнѣ была извѣстна ; потому что аѳонскіе мои отцы были ей знакомы, и посылали ей изъ Аѳона гостинцы изъ пищи или плодовъ, а она присылала схимы. Родомъ она была изъ Донскаго воинства , генеральская дочь. Лежала она разслаблена на одрѣ много лѣтъ, и отнюдь не могла двинуться съ мѣста. Потомъ пожелала она въ Іерусалимъ поклониться Христову гробу и прочимъ св. мѣстамъ, и отправлена была съ своими людьми , которые , гдѣ было нужно , носили ее на носилкахъ. Достигши Іерусалима и поклонившись Христову гробу, она пожелала въ Назаретъ ; и несли ее туда на носилкахъ. Пришедши въ Назаретъ, напилась воды отъ источника , откуда Пресвятая Богородица носила воду; еще приказала себя обмыть этою водою. Потомъ вдругъ сдѣлалась здрава , и пришла въ Іерусалимъ своими ногами. Воздавши за сіе благодареніе Господу Богу и Пречистѣй Его Матери, Дѣвѣ Маріи, уже въ свое отечество возвратиться не захотѣла , а слугъ своихъ всѣхъ отпустила домой, и сама осталась жить въ Іерусалимѣ , при гробѣ Спасителя. Дали ей по волѣ Патріарха келлію, постригли въ монашество, прямо въ великую схиму, и нарекли имя ей Назарета, потому что въ Назаретѣ получила исцѣленіе. И она имѣла даръ прозорливства и пророчества : ибо многимъ нашимъ аѳонскимъ отцамъ предсказала будущее. Самому теперешнему Митрополиту св. Петры, Мелетію , когда онъ былъ еще іеромонахомъ,—она учила его русскому языку, — предсказала , что онъ будетъ Архіерей и Митрополитъ св. Петры, что и сбылось еще при жизни ея. Служила ей за послушницу Бога

ради одна русская молодая женщина. Когда приблизилась она къ кончинѣ, тогда послушница стала ей говорить: «возлюбленная моя мать, какъ ты меня оставляешь одну молодую среди міра?» Она же ей отвѣтила: «не плачь; и ты скоро за мной пойдешь.» Потомъ преставилась мать Назарета; а послѣ нея въ скоромъ времени и послушница скончалась. А скончались онѣ въ 1843 году.

203. Въ Іерусалимѣ почитаютъ св. мѣста такъ: на живоносномъ Христовомъ гробѣ и въ Геосиманіи на гробѣ Богородицы во весь годъ служатъ Литургіи ежедневно; а въ великій постъ каждый день служатъ Литургію преждеосвященную, такожде и въ Вифлеемѣ. И такъ ни одинъ день въ году не бываетъ безъ Литургіи.

204. Въ Іерусалимѣ всѣ латинцы-католики, мірскіе и духовные, ходятъ съ бородами. Тамъ брить бороду считаютъ за безчестіе.

205. Въ храмъ Христова Гроба лютеране и реформаты не допущены. Но кто ихъ не допустилъ? Тамъ власть турецкая.—Видно, Самъ Господь Богъ ихъ не допускаетъ. А евреямъ запрещено ходить даже по той улицѣ, которая пролегаетъ мимо св. вратъ храма Христова Гроба. А хотя который зайдетъ по незнанію, того безъ всякаго суда могутъ побить каменіемъ. Сіе положеніе сдѣлано Царицею Еленою; но и турецкіе Султаны то-же подтвердили: потому жида боятся подходить и къ тѣмъ улицамъ, которыя идутъ ко храму Христова Гроба.

206. Хочу написать о тѣхъ, которыхъ свѣтъ далеко сіяетъ, т. е. которыхъ добрыя дѣла извѣстны во всей Греціи и въ Константинополѣ. Только сожалѣю

о томъ, что я самъ не сподобился ихъ жизнь видѣть, но отъ многихъ монаховъ слышалъ. Во-первыхъ, два монаха, со мной ѣхавшіе въ Іерусалимъ на одномъ кораблѣ, о всемъ рассказывали; во-вторыхъ, во Св. Горѣ слышалъ отъ многихъ монаховъ, грековъ; въ-третьихъ, въ Константинополѣ, на аѳонскомъ подворьѣ, всѣ единогласно то-же говорили. Именно же мнѣ рассказывали: На Архипелагѣ есть большой островъ Хіосъ; близъ него, съ западной стороны, есть другой небольшой островъ, называемый *малый Хіосъ*. На немъ стоитъ небольшое селеніе, въ которомъ люди живутъ весьма богато. На томъ островкѣ находится общежительный монастырь. Братіи въ немъ до ста человѣкъ; препровождаютъ строжайшую и удивительную жизнь: отнюдь не имѣютъ ни о чемъ земномъ ни какого попеченія, ни о пищѣ, ни о одеждѣ; только малое нѣкое по келліямъ работаютъ рукодѣліе; а занимаются болѣе умною молитвою и соборнымъ пѣніемъ. Въ церкви соборное правило — мало что читаютъ, а болѣе поютъ на гласъ, тихо и умиленно, со страхомъ и трепетомъ. И ежедневно кладутъ земные поклоны: на «Св. Боже» три поклона, на «*аллилуія*» три поклона. Когда читаютъ «*приидите, поклонимся и припадемъ*»: тогда всѣ падаютъ лицомъ на землю; поклоны творятъ всѣ равнo, смотря на священника. Въ субботу и въ недѣлю и въ господскіе праздники поклоны творятъ поясные. Когда читаютъ въ какомъ стихѣ «*припадаемъ*» или «*поклоняемся*»: тогда всѣ покланяются. Причащаются Св. Тайнъ Тѣла и Крови Христовой всѣ почти каждый день. Пищу всегда употребляютъ постную и самую простую, и то единожды въ день. Въ среду и пятокъ трапезы не бываетъ.

Сыра и рыбы никогда не употребляютъ; съ деревяннымъ масломъ пищу вкушаютъ токмо въ великіе праздники. Садовъ, виноградниковъ и огородовъ не имѣютъ; милостыню просить ни куда не посылаютъ, а бывають довольны только тѣмъ, кто что имъ пришлетъ. Болѣе же содержать ихъ одно того острова село: ибо люди въ немъ живутъ богатые, смотрятъ на своихъ иноковъ, на великихъ подвижниковъ, какъ на Ангеловъ. Вотъ между греками въ нынѣшнія времена какіе есть подвижники! Слава Господу Богу нашему нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

207. Еще объявлю одну вещь, которая для насъ русскихъ весьма значительна, но еще подлинно не извѣстна, не изслѣдована; и это приводитъ меня въ недоумѣніе. А вещь сія такая: болгары утверждаютъ, якобы св. Великомученица Варвара была роду болгарскаго, языку славянскаго, страны македонскія. Это мнѣ сказывали нашего русскаго монастыря въ Аѳонѣ монахи болгары, не одинъ и не два, но болѣе двадцати человѣкъ. А они получили это преданіе отъ древнихъ временъ и отъ праѣдовъ. Тамошніе уроженцы говорятъ такъ:

Въ Македоніи есть городъ *Неврокопъ*, отъ Аѳонской Горы шесть дней ходу; а отъ города Неврокопа одинъ день ходу есть село, называемое по-болгарски *Лешница*, а по-гречески—бывшій *Иліополь*. Въ томъ селѣ есть баня; подлѣ бани течетъ быстро источникъ горячей воды, которая имѣетъ цѣлительную силу, а когда охладится, то бываетъ сладка и пріятна, яко млеко. Сію баню называютъ *Діоскоровою*, отъ родителя св. Варвары; а лучше сказать — баня св. *Варвары*. На память ея здѣсь сходится многое множество

народа болгаровъ, и бываетъ молебствіе, совершается великій праздникъ, и пьютъ эту воду, и купаются тамъ въ купѣли. Еще въ томъ селѣ, не далеко отъ бани, есть разрушенный столбъ; и сказываютъ, якобы на немъ жила св. Варвара, и якобы его для нея выстроилъ отецъ. Пovyше села, на горѣ лежитъ много камня, на подобіе стада. Объ этомъ сказываютъ, якобы то овцы того пастыря, который указалъ Діоскору св. Варвару.

Такъ рассказываютъ; а правда ли, — Богъ знаетъ. Хотя и звали меня болгары посмотри́ть, но я не имѣлъ случая тамъ быть. А желалъ бы кому-либо изслѣдовать сіе.

208. Еще скажу одну вещь, хотя и не духовную, но любопытную. Отъ Аѳонской Горы три дня ходу есть полуостровъ Кассандра. Тамъ нашъ русскій монастырь имѣетъ водяную мельницу. Вода на мельницѣ удивительная: когда она сбѣгаетъ съ колеса, то превращается въ камень и замерзаетъ сосульками, какъ ледъ чистый; но это не ледъ, а камень; такожде обмерзаетъ и колесо, и часто его обрубаютъ и очищаютъ. Таковая же вода есть и въ Аѳонѣ, въ монастырѣ Хилендарѣ. Часто замерзаютъ жолоба, и часто прочищаютъ ихъ, и дѣлается камень подобенъ льду. Этому многажды я былъ самовидѣцъ. Вода эта для здравія весьма вредна.

209. Еще скажу вещь, рѣдко виданную; но мнѣ многажды самому случилось видѣть. Въ морѣ есть рыба съ крыльями. Однажды, въ Аѳонѣ, подлѣ нашего монастыря поймали неводомъ двѣ рыбы, длины до двухъ четвертей, на-подобіе стерляди: крылья длинныя; вмѣсто перьевъ перепонки. Духовникъ Іеро-

нимъ ихъ высушилъ. Еще, когда мы шли на корабль въ Іерусалимъ, отъ острова Кипра къ Палестинѣ,—увидѣли среди моря, что летаетъ якобы стая птицъ, на-подобіе воробьевъ. Мы удивились, откуда среди моря взялись птицы. Онѣ же перелетали съ мѣста на мѣсто; потомъ полетѣли чрезъ нашъ корабль, и нѣкоторыя зацѣпили за веревки, и попадали къ намъ: мы посмотрѣли, и увидѣли, что это рыба, только не большая, вершка по три, а крылья тоже изъ перепонокъ. Но греки не дали намъ хорошенько посмотрѣть, и всю сырую поѣли.

210. Сказываютъ, что въ Аѳонѣ есть великіе змѣи. Но я самъ не видалъ ихъ, а только слышалъ, якобы живутъ въ скалахъ, гдѣ человѣческой ногѣ недоступно. Но не слышно, чтобы кого повредили.

211. Болгары сказываютъ вещь, неудобъ вѣроятную,—что въ Македоніи, въ двухъ мѣстахъ, одно близъ города *Неврокопа*, а другое отъ Солуны день ходу, стоятъ по цѣлому обозу, одинъ за другимъ, окаменѣлые люди, верховые и пѣшіе, мужчины и женщины. А преданіе о нихъ имѣется такое: якобы въ древнія времена, еще когда были тамъ идолопоклонники, ѣхали незаконные свадебные поѣзды, и окаменѣли. Мнѣ самому сего видѣть не случилось; а пусть разсуждаетъ, кто какъ знаетъ.

212. Еще скажу слѣдующее: шли мы изъ Іерусалима, и стояли въ карантинѣ двѣнадцать дней, на островѣ Самосѣ, внутри гавани, подлѣ монастырька; тамъ, близу насъ, изъ-подъ камня протекалъ большой источникъ воды холодной и сладкой, которою пользовались мы три дня, и благодарили Бога, что при-

велъ стоять въ карантинѣ , подлѣ такой воды благодатной. Въ тѣхъ странахъ ни что такъ не нужно, какъ добрая вода. Но въ четвертый день утромъ, когда мы пришли взять воды, ни одной капли не нашли, и источникъ весь высохъ ; видѣвши сіе , мы весьма ужаснулись , и много тому удивлялись , куда дѣвался толь великій источникъ воды; плакали и говорили, что, видно, за великіе наши грѣхи взялъ отъ насъ Господь эту благодать. Потомъ пришелъ игуменъ, и сказалъ намъ , что сія вода раза три и четыре въ годъ престаесть течь , а послѣ паки начинается течь. И мы три дня великую имѣли нужду въ водѣ, а послѣ паки она потекла по-прежнему ; и мы много тому удивлялись. А отъ чего это происходитъ , сего никто не знаетъ. А источникъ столь великъ, что можетъ быть пригоденъ для мельницы.

213. Здѣсь оканчиваю мое описаніе видѣнныхъ и слышанныхъ мною вещей и происшествій. Слава единому Богу, Создателю моему, Который провелъ меня чрезъ многія страны и земли , княжества и царства, моря и сушу, острова и заливы, города и села; показалъ мнѣ разные народы, вѣры, чины и обряды, монастыри и пустыни, и сподобилъ меня многогрѣшнаго и недостойнаго походить моими скверными ногами по многимъ св. мѣстамъ , по обѣтованной землѣ , по которой ходилъ самъ мой Создатель и Спаситель, Іисусъ Христосъ, Своими пречистыми ногами, и повсюду и на всякомъ мѣстѣ Онъ, мой Создатель, меня спасалъ и сохранялъ отъ потопленія , отъ турокъ и отъ разбойниковъ , и отъ всѣхъ враговъ моихъ ! О, какое благодареніе воздамъ Ему , моему Создателю? недоумѣю; только сіе развѣ скажу: « Кто Богъ велій,

яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса!» (Пс. 76, 14.).

214. Наконецъ, хочу повѣдать о особой неизреченной милости Господа Бога моего, изліянной на меня многогрѣшнаго и недостойнаго, хотя я и умолчалъ о томъ прежде, и хотѣлъ бы молчать: но боюсь, да не уподоблюсь неблагодарнымъ девяти прокаженнымъ исцѣлѣвшимъ, и не воздавшимъ славу Богу; и хочу подражать, хотя немного, тому иноплеменнику самарянину, который исцѣлѣвъ возвратился воздать славу Богу (Лук. 17, 12 — 19.). Многимъ въ Россіи и Молдавіи, во всей св. Горѣ Аѳонской, въ Іерусалимѣ и Константинополѣ, и въ самой странѣ сибирской извѣстно, какую я имѣлъ тяжкую и многоскорбную болѣзнь. Но Господь нынѣ освободилъ меня отъ сей болѣзни. Впрочемъ, расскажу все по ряду.

Въ странствіе мое по Россіи, въ 1837 году, съ другомъ моимъ и духовнымъ братомъ, монахомъ Іоанномъ, выѣхали мы изъ Молдавіи, и пріѣхали въ Костромскую губернію, въ Высоковскій единовѣрческій монастырь, въ которомъ и проживали одиннадцать мѣсяцевъ. Здѣсь, въ 1838 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послалъ на меня Господь такую болѣзнь, грѣховъ ради моихъ великихъ, что заложило у меня обои уши, и сдѣлался въ головѣ шумъ и трескъ; и столько сдѣлался я глухъ, что хотя тамъ въ триста пудовъ колоколъ, но я не могъ слышать звону. Былъ я въ такомъ положеніи двѣ седмицы, и напала на меня скорбь, и я просилъ Господа Бога моего, чтобы хотя немного отверзъ мои уши, дабы хотя немного слышать церковную службу. И Господь умилосер-

дился на меня грѣшнаго, и сталъ я слышать, но весьма мало, и то съ нуждою (*). Въ такомъ положеніи препроводилъ много лѣтъ. Въ 1846 году, препровождающу мнѣ зиму въ св. градѣ Іерусалимѣ, сподобился я быть и на морѣ Тиверіадскомъ, и купался въ водѣ, освященной стопами ногъ моего Господа, Іисуса Христа. Когда я, погрузившись, всталъ на ноги, тогда вдругъ открылись мои уши, и сдѣлалась глава моя, яко пустая, и сталъ я слышать самый тихій шопоть и малѣйшихъ волнъ плесканіе, и показалось мнѣ сіе весьма странно и чудно, потому что восемь лѣтъ я не слыхалъ такъ: мнѣ показалось, что перемѣнился весь свѣтъ. Тогда я неизреченной радости исполнился, и благодарилъ Господа Бога моего, Іисуса Христа. Но немного находился въ такой радости, не болѣе полчася: паки яко облакъ нашель на меня и заслонилъ мои уши, хотя уже нѣсколько сталъ лучше слышать; въ такомъ положеніи пребылъ цѣлый годъ. Еще, когда, въ 1847 г. проживавши зиму въ Константинополѣ, ходилъ на живоносный источникъ Богородицы, и облилъ св. водою свою голову, тогда паки отверзлись мои уши; и я очень обрадовался, и благодарилъ Царицу мою Небесную, Пречистую Дѣву Богородицу, за Ея благодѣяніе; только радовался, пока дошелъ до квартиры, до аѳонскаго подворья, не болѣе двухъ часовъ; а потомъ паки засловились мои уши, но немного еще стало лучше. Въ такомъ положеніи пріѣхалъ и въ городъ Томскъ. И въ Томскѣ прожилъ въ такомъ положеніи болѣе года, и всѣмъ извѣстно, которые меня знали,

(*) См. ч. I, гл. 101, 102, 103.

сколько я былъ крѣпокъ на ухо. Но послѣ изліялъ Господь Богъ на меня грѣшнаго Свою неизреченную милость, и посѣтилъ меня Своими щедротами. Въ 1848 году, ноября 14 дня, въ самый день моего рожденія, живущу мнѣ при архіерейскомъ домѣ и пишущу сію книгу, Господь Богъ открылъ мои уши, которыя были заткнуты десять лѣтъ, шесть мѣсяцевъ и двадцать дней. И теперь, благодатию Господа моего Іисуса Христа и молитвами Владычицы моея Богородицы Приснодѣвы Маріи, и св. Великомученика, цѣлебника Пантелеимона и преподобныхъ отецъ аѳонскихъ, слышу. Слава единому благодѣтелю Богу, Ему же подобаешь честь и поклоненіе со Единороднымъ Его Сыномъ и со Св. и Животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

Окончена написаніемъ сія часть марта 1-го, на память св. преп. мученицы Евдокіи, 1849 года, во градѣ Томскѣ, при архіерейскомъ домѣ, въ царствованіе Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, всея Россіи Самодержца, при Преосвященнѣйшемъ Аѳанасіи, Епископѣ Томскомъ и Енисейскомъ.

ОПЕЧАТКИ :

въ 3 части.

		Напечатано :	Должно быть :
Стр.	строк.		
46	9	сниз. подобныя	подобные
52	12	— святаго	свѣтлаго
71	5	— Самъ,	самъ
75	12	— что,	что
80	12	— игумень	игумень съ жезломъ
115	7	— не знаешь ли я	не знаешь ли
149	16	свер. непрепой	непреной
188	7	сниз. велика	великаго
206	9	свер. Матѳея	Марка
—	1	сниз. 24, 15	Матѳея? 24, 15.
224	8	свер. небесное	небесное. »

въ 4 части.

41	3	свер. утвердаютъ	утверждаютъ
119	13	— за три	за два
182	4	— города	огорода
187	10	— послоновъ	поклоновъ
188	4	— ни сажился	не сажился
205	15	— скорби	скорби
251	7	— у хрисіанъ	у христіанъ
273	9	сниз. сморѣтъ	сморѣтъ ,
279	13	свер. искѣлъ	искушалъ
289	17	— ночь	ночью

NO. 1000

2 12/10/00

10-

2 12/10/60

10-

Ageev, Petr,

Skazanie o stranstvii i putešestvii po Rossii, Moldavii, Turcii i Svjatoj
Zemlě Postrizennika svjatyja gory Afonskija inoka Parfenija. V 4 častjach

Bd.: 4

Moskva 1856

It.sing. 1466 h-4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10469639-0